

ИСКАТЕЛЪТ

ДЕТЕКТИВ ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ 6'97

Василий ГОЛОВАЧЕВ
ИЗЛОМ ЗЛА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

за
19
19
на
на
вт

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Холщ. пред. выдач.

84-13.01.11

«И

ре
жу
то
32
ув
Нс
ни
по

чи

«М

следующим

Г. Гаррисона, «Мы еще сходим с тобой на охоту.

паг

К

3 ТМО Г. 1.300.000 З. 134 94

ется, только что
второе полугодие
ется новая — на
чалась. Точнее,
писка (ее можно
ичем, по ценам

ься на журнал
на любой срок.
— год тигра) мы
величить объем
оставить почти
справится» на
«Мир «Искателя»
незначительное.
и на наши изда-
ьку получит их

аким-либо при-
ыпуск сборника
в него вошли
ь Монтесумы»
Т. Томаса и
на» Д. Корецкого,
х Ноева ковчега»

лучите не один, а
1998 году — три.
и объявляем под-
ка «Искателя». В
щаться на одной
угодии 1998 года
будет посвящена
фантастике или
ка «Искателя»
м ее выпуск.

проводим супер-
е ценные призы.
ию читайте на

Редакция

ИСКАТЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА
ДЕТЕКТИВ • ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1997

6

Василий ГОЛОВACHEВ

ИЗЛОМ ЗЛА
Роман

5

Святослав ЛОГИНОВ

РАВЕН БОГУ
Рассказ

140

Эллери КУИН

РАСПЛАТА
Рассказ

149

Джек РИТЧИ

ВКУС УБИЙСТВА
Рассказ

153

♦ ♦ ♦

МИР КУРЬЕЗОВ

157

ОБМЕН

158

ЛОТЕРЕЯ

159

6 (222) 1997

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Редактор	Ирина БАХМЕТЬЕВА
Художники	Леонид НАСЫРОВ Иван ЦЫГАНКОВ Александр ШАХГЕЛДЯН
Компьютерный набор	Людмила ЦЫГУЛЕВА Марина ГРЯЗНОВА
Верстка	Юрий БЕСПРОЗВАННЫЙ
Адрес редакции	125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, комн. 1607
Телефоны редакции	285-88-84, 285-47-06
Телефоны для размещения рекламы	285-88-07, 285-47-06
Служба распространения	285-88-07

Василий Головачев
ИЗЛОМ ЗЛА

Роман

5

Святослав Логинов
РАВЕН БОГУ

Рассказ

140

Василий Головачев
ИЗЛОМ ЗЛА Роман

Василий Головачев родился в 1948 году в г. Жуковке, Брянской обл. Окончив в 1972 году Рязанский радиотехнический институт, работал инженером в проектно-конструкторском институте в г. Днепропетровске. С 1989 года — на творческой работе. Член союза писателей России и Украины. Автор нескольких десятков произведений. Романы «Смерш-2», «Перехватчик», «Разборки третьего уровня», «Схрон», «Бич времен» стали бестселлерами. В 1992 году роман «Вирус тьмы» («Посланиик») был удостоен первой премии «Золотой змей».

Василий Головачев — давний автор нашего журнала. Первые его рассказы «Беглец» и «Катастрофа» были опубликованы в «Искателе» еще в 1979 году, а в 1981 — появилась повесть «Оборотень».

Все персонажи романа вымышлены. Совпадение их имен с именами реально существующих лиц может быть только случайным.

ИМЕНЕМ АЛЛАХА

В последний раз Николай Алексеевич Кожемякин приходил сюда, когда на полях еще лежал снег, река спала подо льдом с мокрыми пятнами проталин, а бледное весеннее солнце почти не нагревало кожу лица. Теперь же стоял конец апреля, весна вступила в свои законные права и природа радовалась началу жизни, теплу и свежей зелени. Николай Алексеевич любил апрель по-особому, нежно, с грустью, с болью в сердце и сладким замиранием, с ожиданием чего-то, каких-то перемен, встреч, тайн, открытий и откровений. В апреле он родился, в апреле впервые встретил Галю, в апреле женился... и первый рассказ свой написал тоже в апреле, ровно пятьдесят пять лет назад. Вот только в Союз писателей его приняли не в апреле, а в июне, тогда еще — в Союз писателей СССР. Лишь несколько лет назад, в девяносто четвертом, Николай Алексеевич поменял красную книжечку с гербом СССР на коричневую с двуглавым Российским орлом, вступив в независимый Союз российских писателей.

За спиной раздался скрип, шорох. Николай Алексеевич оглянулся.

Человек, которого он заметил еще при спуске с откоса к реке, приблизился и смотрел на него сверху, нахохлившись, сунув руки в карманы.

Странный человек, весь в черном, с черным кепи на голове, смуглолицый и черноусый. От него веяло холодом и недоброжелательностью. Николай Алексеевич пожал плечами и спокойно пошел вдоль берега, моментально забыв о чужом. Грабежа он не боялся, в кошельке было всего тридцать тысяч рублей, на которые можно было купить разве что бутылку пива, триста граммов колбасы и буханку хлеба.

Нет, Николай Алексеевич не бедствовал, книги его печатали, гонорары платили исправно, вот только писал он медленно, издавая книгу раз в три, а то и в четыре года. Таков был ритм его писательской деятельности, ритм жизни, и переделывать себя в угоду конъюнктуре, нынешней суматошной жизни, он не хотел. А материал давался все труднее, все медленнее, информация собиралась по крохам, месяцами, годами. Садиться за лист бумаги становилось все неохотнее, возраст постепенно брал свое. И все же его романами зачитывались, издатели звонили, приглашали и ждали, а он терпеливо отвечал всем одной фразой: непременно приду, вот только сотворю...

Первый рассказ Николай Алексеевич написал еще в канун окончания войны, которую начинал восемнадцатилетним ополченцем, участвуя в защите Москвы. В составе сводного батальона уральцев и москвичей он дрался на Волоколамском шоссе, попал в плен, бежал, прошел всю войну от Москвы до Праги, снова попал в плен, снова бежал, участвовал в движении Сопротивления в Италии. Вследствие этого в послевоенные годы пережил косые взгляды, подозрения и негативное отношение со стороны писательской братии, воспитанной в сталинском духе. Однако оставался всегда прямым, принципиальным, честным, не любил конъюнктуру и опирался в своем творчестве только на правду жизни. За что в конце концов и получил признание как писатель и человек.

За пятьдесят пять лет творческой деятельности он написал одиннадцать романов и повестей, около полусотни рассказов, две пьесы, издал два пятитомника, был отмечен премиями Союза и международным признанием и, по сути, еще при жизни стал классиком, прославившим русский народ, знавшим все его нужды, горести, надежды и чаяния.

Последний его роман попал в номинационные списки премии Букера и, хотя первого места не занял, был высоко оценен критикой, а также исламскими экстремистами, религиозными фанатиками, ослепленными ненавистью к «неверным» и готовыми на любое преступление «во имя веры», ибо коснулся отношений ислама и христианской религии.

О нет, Николай Алексеевич это сделал не так, как в свое время Салман Рушди, приговоренный к смерти аятоллой Хомейни публично на площади Аль-Иран-шехр в Тегеране, но и то, что он написал — а написал он правду, — не понравилось приверженцам вселенской покорности, и Николай Алексеевич был внесен в черный список «братства приговоренных к смерти именем ислама». О чем сам, естественно, даже не подозревал. В этот список, насчитывающий по данным агентства Рейтер более шестисот человек, попали и такие знаменитости, как скульптор Эрнст Неизвестный, режиссер Энтони Хикокс, поэт Андрей Вознесенский и писатель Виктор Астафьев.

Над головой раздалось карканье, пролетел ворон, глянув на задумчиво-во бредущего по берегу реки человека.

Мысли свернули к работе, к материалу, который он привез из Чечни

два дня назад. По сути, это была заготовка будущего романа о войне режима вседозволенности с другим режимом — криминальным, в которой заложниками стали российские солдаты, и вот об этом и собирался писать Николай Алексеевич свой новый роман.

За спиной снова скрипнуло дерево.

Николай Алексеевич обернулся, и в тот же момент в голове вспыхнуло пламя, собралось в точку и вонзилось в сердце уколом яростной боли. Больше он почувствовать ничего не успел...

Директор Федеральной службы безопасности Иван Сергеевич Панов ужинал в кругу семьи, когда зазвонил телефон и дежурный по Главному Управлению полковник Скобаров сообщил об убийстве известного писателя Кожемякина.

— Ну и что я должен делать? — осведомился Иван Сергеевич. — Пусть этим занимаются люди Жаренова. Мы тут при чем?

— Вас просил приехать Синельников, — замылся полковник. — Он говорит, что обстоятельства убийства заставляют его сразу передать дело нам.

Панов помолчал, машинально облизывая вилку. Полковник Синельников был начальником МУРа, опытным, знающим, умным розыскником, профессионалом, и зря звонить не стал бы.

— Ладно, — буркнул директор ФСБ, — сейчас буду. Вызовите Ельшина и сыскарей Бондаря.

— Уже вызвал. Машина за вами вышла.

Панов хмыкнул и положил трубку. Через сорок минут он подъехал на служебной «Волге» к дому номер сорок два по улице Живописной, где в двухкомнатной квартире жил известный писатель, недавно овдовевший. Жена Кожемякина Галина Сергеевна умерла год назад от сердечного приступа.

Во дворе дома, несмотря на поздний вечер, жались кучки жителей, стояли три машины УВД с мигалками и «рафик» ОМОНа. У оцепленного подъезда директора ФСБ ждал генерал Ельшин, начальник Управления «Т»¹, со своим телохранителем. Оба курили, артистически пуская дым кольцами. Генерал был одет в спортивный костюм, словно завернул сюда прямо со стадиона, успев только сменить кроссовки на туфли. Его телохранитель, он же командир подразделения «Стикс», майор Ибрагимов выглядел бомжем, но взгляд выдавал в нем человека опасного и жестокого, способного на все.

— Ну, что тут происходит? — буркнул Панов.

Ельшин бросил сигарету в урну, стоявшую в четырех метрах, попал.

— Сходите, полюбуйтесь, я уже смотрел. Синельников ждет вас в квартире.

Иван Сергеевич в сопровождении командира своей личной тройки телохранителей направился к неосвещенному подъезду.

Квартира Кожемякина располагалась на третьем этаже. Дверь была полуоткрыта и охранялась мрачными молодцами в пятнистых комбинезонах с автоматами в руках. Пропустили директора они без звука, понимая, что прибыло начальство.

В квартире с мебелью в стиле пятидесятых годов: пузатые комод и шифоньер, кровать, стол и стулья на гнутых ножках, шкафы с книгами,

¹ Управление «Т» — Управление по борьбе с терроризмом и бандитизмом.

стоил писателя со старенькой пишущей машинкой «Москва» — ничего лишнего — царил разгром и везде, куда бы ни падал взгляд, лежали десятки миниатюрных Коранов с золотым тиснением на арабском языке.

Из спальни в узкий коридорчик вышел гладко выбритый, огромный мужчина с круглыми, литыми плечами борца-тяжеловеса, на которых едва не лопалась черная кожаная куртка. Это был полковник Синельников, глава Московского уголовного розыска. Молча сунув Панову громадную ладонь, он пропустил гостей в спальню, где работала молчаливая группа экспертов.

Иван Сергеевич увидел кровь на полу, потом отрубленные конечности, отдельно лежащую голову и тело на кровати, засыпанное все теми же мини-Коранами. Он многое повидал на своем веку, не будучи еще директором ФСБ, но содрогнулся, увидев во рту головы маленькую синюю книжечку и прибитый ко лбу гвоздем листок бумаги с какими-то письменами.

— Сура из Корана, на арабском, — прогудел сзади Синельников. — Примерно переводится как: «Никто не смеет осуждать великое».

Иван Сергеевич слотнул ком в горле, постоял с минуту, разглядывая обстановку комнаты, и вышел из спальни. Синельников провел его на кухню, закурил сам и предложил сигарету Панову. Тот машинально взял, хотя с месяц назад бросил курить. В очередной раз.

— Его сначала ударили по голове у реки, — сказал, глубоко затягиваясь, начальник МУРа. — Потом перенесли сюда, в квартиру, причем никто не видел — как и когда. Ну а здесь отрезали пальцы, потом кисти рук и голову. Правда, Николай Алексеевич был уже мертв — сердце не выдержало еще на реке. Так что не мучился мужик.

— За что? — глухо спросил Иван Сергеевич.

— Я потому вас и вызвал, чтобы передать дело. Это след исламских экстремистов, начавших планомерное «зеленое» уничтожение неверных по всему миру. Помните писателя Рушди, осужденного к смерти за книгу «Сатанинские стихи»?

— Но ведь Кожемякин ничего подобного не писал, насколько я знаю?

— В последних двух романах он затронул тему отношения религий и назвал ислам самым изуверским и жестоким вариантом религиозного фанатизма. Привел примеры. А недавно ездил в Чечню, собирал материал для новой книги. Разве ваши ребята не следят за такими вещами?

Панов промолчал, помянув Ельшина в душе недобрым словом. Начальник антитеррористического Управления должен был предупредить его и дать материал заранее. Конечно, Иван Сергеевич знал о появлении во всем мире транснациональных исламских группировок, образовавшихся в результате войн в Афганистане, Алжире, Боснии и Чечне, но и предположить не мог, что руки одной из группировок дотянутся сюда, до Москвы, сердца России.

Синельников, по лицу Панова понявший, о чем он подумал, кивнул.

— Обнагтели моджахеда, Иван Сергеевич. И без чеченцев в этом деле не обошлось. Они явно застрельщики. Ведь не секрет, что спецслужбы Чечни начали готовиться к отделению от России своими методами. Вам ли этого не знать.

— Но зачем такая жестокость? — Панов снова содрогнулся, вспоминая отрезанные руки и голову. — Убили бы попроще, раз они «идейные мстители»...

— Для устрашения, — усмехнулся Синельников. — А может, изначально выродки. Я читал об убийстве мультимиллионера Джеймса Тийма в Нью-Йорке. Его распилили дисковыми электропилами на мельчайшие кусочки, а куски потом сложили в вазу в форме дракона. Этот кошмарный сосуд венчала голова бизнесмена — без носа и ушей, с выколотыми глазами и полусодранным скальпом. Что вы хотите от фанатиков? Это же больные люди, которых излечить можно лишь казнью... такой же, какую устраивают они.

На кухне появился худощавый молодой человек с бледным интеллигентным лицом — генерал Валентин Анатольевич Дикой, начальник Управления военной контрразведки, именуемой в среде работников ФСБ «Смерш-2». Он поздоровался с Пановым и Синельниковым, проговорил тихим интеллигентным, подстать облику, голосом:

— Мои люди нашли свидетеля, вернее, свидетельницу. Она якобы видела подозрительных личностей. Будете говорить с ней, Иван Сергеевич?

— Нет, — буркнул Панов. — Работайте. Утром доложите о результатах.

С отвращением отбросив сигарету, он вышел. Оставшиеся на кухне переглянулись.

— Ну, я своих людей отзываю? — произнес Синельников. — Причем с превеликим удовольствием. У самого дел невпроворот. Знаете, сколько в Москве за последний месяц зарегистрировано умышленных убийств? Сто семьдесят! Конечно, в большинстве своем это результат разборок мафиозных кланов — передел сфер влияния, утверждение авторитетов и тому подобное, но и «чистилище» добавляет свои разборки. По «Стопкриму» не работаете?

— Работаем, — негромко произнес Дикой.

— Ох и не завидую я вам, Валентин Анатольевич!

Дикой ответил ему понимающим взглядом. Его мнение на сей счет было примерно таким же.

Утро следующего дня не предвещало вызванным в кабинет директора ФСБ генералам ничего хорошего, хотя в принципе каждый из них знал ситуацию и владел материалом. Собравшись в приемной, Ельшин, Первухин и Дикой одернули пиджаки и зашли в кабинет один за другим, молча сели за стол, образующий букву «Т». Панов был мрачен, и это означало, что предстоит тяжелый разговор.

— Звонил премьер, — начал он, ни на кого не глядя, поставив локти на стол. — Просил принять все меры для поимки убийц Кожемякина. Общественность взбудоражена, подогретая прессой, Дума жаждет крови... — Иван Сергеевич замолчал, уставившись в стол. — Начинайте, Генрих Герхардович.

Самоуверенный вид Ельшина говорил, что он готов к ответу и гнева директора не боится. В последнее время начальник Управления «Т» вообще круто изменился, стал более напористым, жестким, высокомерным, что отмечали даже его друзья. А еще он приобрел такое качество, как стремление одергивать кого бы то ни было, будь то даже человек старше его по возрасту или по званию.

— По моим данным, след убийства писателя Кожемякина ведет не в Иран, где создана террористическая группа «ликвидаторов неверных», попавших в черный список «братства приговоренных к смерти именем ис-

лама», а в Чечню, где в последнее время усиленно тренируется так называемая ЧАС — Чеченская армия свободы. Кораны, которыми было усыпано тело погибшего, только попытка дезинформации.

О том, что развернутая силами ОМОНа и МВД совместно с подразделением «Стикс» ФСБ операция по задержанию убийц не сработала, Ельшин говорить не стал, это было известно всем присутствующим.

— Но я знаю три случая убийства людей с подобной наглядной жестокостью и вариациями, — сказал Панов. — Джеймс Тийм был убит в девяносто пятом в собственных апартаментах в Нью-Йорке, марокканский инженер Месса Кей в девяносто седьмом и польский график-сатирик Коро в девяносто девятом. И во всех этих случаях след вел в Сирию, Арабские Эмираты и в конечном счете в Иран. Ваше мнение, Валентин Анатольевич?

— Не исключено, что в группе киллеров был и инструктор из Ирана, — проговорил Дикой, раскрыв папку, которую принес с собой. — Но Генрих Герхардович прав. — Судя по информации, которой я располагаю, эта группа сформирована в Чечне и подчиняется командованию ЧАС. Мало того, по некоторым косвенным сведениям, можно предполагать, что руководит ею Амирбек Шароев.

В кабинете стало совсем тихо.

Амирбек Шароев, известный еще со времени войны в Чечне под кличкой Безумный, был сыном нынешнего президента Чечни. Его участие в акции, будь оно доказано, резко меняло политический расклад в стране и способствовало бы падению режима, неугодного Москве, наметившего полное отделение Чечни от России. Это осознал Панов, это понимали и начальники Управлений.

— И последнее, — добавил своим негромким приятным голосом Валентин Анатольевич. — ЧАС начала отстрел на территории России отличившихся в боях в Чечне спецназовцев, героев МВД и регулярных войск Минобороны. Не далее как два дня назад убит в своей машине ветеран чеченской войны капитан Меркулов со своей женой. Смею полагать, что убийство совершила та же группа.

— Мне нужны доказательства! — с силой хлопнул ладонью по столу директор ФСБ. — А не предположения. Задействуйте все силы, все средства, но выявите всех членов банды. Потом решим, что делать дальше, но сначала — имена.

— Решать тут особо нечего, — небрежно проговорил Ельшин. — Лозунг Ленина в двадцатых годах «Красным террором — на белый террор!» себя оправдал. За несколько лет было уничтожено восемьдесят процентов бандформирований. Почему бы нам не взять этот лозунг на вооружение? Выяснить, кто проник к нам, кто убивал, и уничтожить всю группу! Да так, чтобы все почувствовали: ответ в с е г д а будет адекватным!

— Ну, ты и хватил, Генрих, — пробормотал молчавший до сих пор Первухин. — Да стоит только депутатам в Думе дознаться о твоих планах...

— А кто их проинформирует? Они только рады будут, узнав, что в Чечне начались разборки меж своими. Наоборот, это поможет думцам принять ряд законов по удержанию Чечни и смене там правительства.

— Мысль хорошая, — неожиданно согласился Панов. — Тем более что первым ее высказал премьер в разговоре со мной. Ваше мнение, генералы?

— Я против, — покачал головой Дикой. — Антитеррор — не метод борьбы с терроризмом.

— Не знаю, — буркнул Первухин. — С одной стороны Валентин Анатольевич прав, с другой, если мы не примем жесткие меры, отстрел наших людей будет продолжаться, а бандиты вроде Басаева и Радуева будут на свободе радоваться жизни. Предпринимать что-то, безусловно, надо. Кстати, — он посмотрел на Панова, потом на Дикого и Ельшина, — почему бы не натравить на ЧАС «Стопкрим»? Пусть чеченцами займется «чистилище».

В кабинете снова установилась тишина. Потом захохотал Генрих Герхардович.

— Предложение весьма оригинальное, Федор Ильич, но я считаю, что мы справимся не хуже. Зато будет на кого в случае чего свалить неудачу... да и удачу тоже. Понимаете? Пошлем группу профессионалов перехвата, а такие у нас есть, она ликвидировать террористов, а мы свалим все на «чистилище»! И овцы будут сыты, то есть депутаты, и волки целы, то есть мы. Как идея?

— Ты и хват, Генрих! — осуждающе покачал головой Первухин.

— Идея — блеск! — кивнул Панов, сразу оценив преимущества предложения. — Разрабатывайте. Но все равно сначала — фамилии: кто, откуда, чей родственник, сколько их было. За три дня управитесь, Валентин Анатольевич?

— Неделя, не меньше, — подумав, ответил начальник «Смерша».

— Пять дней. — Иван Сергеевич пристукнул ладонью папки на столе с грифом «четыре нуля» («совершенно секретно»). — А вам, Генрих, и вам, Федор Ильич, за этот же срок подготовить команду. Задание понятно?

— Так точно! — Генералы встали.

— Свободны.

Начальники Управлений вышли в приемную, закурили, думая каждый о своем. Спокоен был только Ельшин. Он чувствовал себя в своей стихии. Дикой же думал о законе, который они собирались нарушить, хотя не выполнить приказ директора не мог.

Оставшись один, Панов снял трубку «вертушки» — телефона прямой связи с премьер-министром и доложил о принятых мерах.

ПРИНЦИП АДЕКВАТНОГО ОТВЕТА

Заместитель начальника военной контрразведки полковник Борис Иванович Ивакин был по натуре суров и требователен, за что получил уважительную кличку Викинг. Он и обликом походил на легендарного викинга — ростом под два метра, широкими плечами, каменным лицом с крупными резкими чертами, прозрачно-серыми глазами, которые изредка становились стальными. В контрразведке он был вторым человеком после начальника ВКР Дикого, именно от него зависел подбор кадров и подготовка специалистов высокого класса. С ним Дикой советовался по большинству оперативных вопросов, ему давал задания самой высокой сложности.

На этот раз речь шла о поиске преступной группы, убившей героя чеченской войны капитана Меркулова и писателя Кожемякина. Вызов спецслужбам был брошен нешуточный, и заниматься этим делом приходилось на пределе возможностей. Ни сам Дикой, ни Ивакин, ни другие заместители «главконтры», как прозвали Валентина Анатольевича сотрудники, не выезжали из конторы ни днем, ни ночью, выезжая только по оперативной надобности.

Директор ФСБ на поиски преступников дал пять дней, но прошло уже почти две недели со времени убийства Кожемякина, а объем полученных контрразведчиками данных не позволял им сделать однозначный вывод о причастности к преступлению определенных лиц. Конечно, кое-какие сведения «смершевцы» получили, особенно после того как в Чечню слетал сам Борис Иванович, но этого было мало, и он собирался лететь туда еще раз. Там работала особая группа следователей ВКР, совершенно секретно, разумеется, а также местное отделение контрразведки во главе с полковником Дерюгиным.

В девять утра Ивакин согласно заведенному порядку вошел в кабинет Дикого и впервые увидел его разминку: генерал без рубашки, в одних брюках вел «бой с тенью» в стиле кунгфу и перетекал из положения в положение стремительно и плавно, как змея.

Валентин Анатольевич пришел на должность начальника военной контрразведки ФСБ с должности заместителя начальника штабов Министерства обороны, показав себя блестящим аналитиком и безупречным тактиком. Шел ему всего тридцать второй год, но его опыту и уму, а больше всего — волевому характеру могли позавидовать и вдвое старшие специалисты. Худой, с виду нескладный, с узким лицом, на котором выделялись по-детски припухлые губы, он выглядел рафинированным интеллигентом, вечно смущенным своими успехами на высоком посту, но те, кто работал с ним раньше, знали его и как великолепного бойца, мастера кунгфу, способного постоять за себя, а также как отличного стратега, обладающего богатой интуицией.

Не оборачиваясь, Валентин Анатольевич завершил комбинацию, потом вдруг оказался рядом с Ивакиным и нанес ему три мгновенных удара в голову, в горло и в грудь, вернее, наметил удары. Остановился, опустив руки. Улыбнулся, дыша легко и тихо, будто не занимался только что физическими упражнениями. Пожал руку высившемуся над ним горой заместителю, кивнул на стулья и вышел в комнату личного отдыха, замаскированную книжной полкой. Через минуту вышел одетый в костюм с галстуком, свежий и умытый.

— Сегодня я хочу определиться с приоритетностью наших дел, — сказал он, предлагая Борису Ивановичу стакан минеральной воды, отпил глоток сам. — Что вы предлагаете разрабатывать в первую очередь?

— Естественно, дело ЧАС.

— Это дело идет вне конкурса. Проанализируйте остальное.

— На мой взгляд, первоочередными можно считать все! Но наиболее важных пять-шесть. Утечка секретного оружия из лабораторий завода «Арсенал» — первое из такого рода мероприятий.

— «Волк», «глушак» и «болевик». Согласен. Насколько я знаю, следствие буксует?

Ивакин кивнул. Речь шла о краже партии суперпистолетов четвертого поколения «волк», а также психотронного оружия: генераторов боли «пламя», известных под названием «болевик», и гипногенераторов или суггесторов подавления воли «удав», метко названных «глушаками».

— Затем идет похищение крупных партий оружия со складов в/ч 30673-1 и в/ч 54607 — еще одна головная боль.

Дикой поморщился. Обе войсковые части были не просто обычными армейскими соединениями, а отдельными бригадами спецназа Главного

разведывательного управления Министерства обороны. Эти бригады, расположенные в Твери и Подмоскowie, всегда считались суперэлитными, отлично дисциплинированными и сверхсекретными подразделениями вооруженных сил. Именно в них формировались так называемые «летучие мыши» — профессионалы по ликвидации перебежчиков и проведения особо важных активных операций за рубежом. Тем не менее месяц назад обнаружилось, что со складов частей исчезли полтонны пластиковой взрывчатки, десятки тысяч патронов, мины, гранаты, пулеметы, автоматы и пистолеты, в том числе знаменитые «кипарис», «кедр» и «никонов», а также зенитно-ракетные комплексы «гарпун». Трагикомичность ситуации состояла в том, что плановые проверки сохранности арсеналов не выявили утечек, а складские помещения и состояние охранной сигнализации были признаны образцовыми.

Мало того, при разработке дел о хищении на военную прокуратуру и следователей «Смерша» было оказано такое давление со стороны высших чинов Министерства обороны, особенно — его министра Галкина, прозванного «кавалеристом» за кривые ноги и смех, напоминающий ржание лошади, что Дикой вынужден был обратиться за помощью к директору, после чего удалось наконец сдвинуть дело с мертвой точки.

— В этом же ряду следует расположить и три дела по расследованию финансирования боевиков Дудаева, — продолжал перечислять Ивакин. — «Местное», «внутреннее» и «забугорное».

Борис Иванович отпил из стакана минеральной воды, перебрал в папке несколько листов бумаги с грифом «четыре нуля». Дикой молча ждал, кивком подтвердив согласие.

Без щедрой финансовой подпитки отряды боевиков не смогли бы воевать два года, как это произошло в действительности. Дела, заведенные по этому поводу в контрразведке еще во время ведения боевых действий в Чечне, то сворачивались, то вновь набирали обороты, в зависимости от ситуации, и лишь с приходом Дикого стали давать результаты, несмотря опять же на сильнейшее сопротивление все тех же чинов Генштаба и самого министра обороны. «Местным» являлась операция по расследованию финансирования режима Дудаева—Яндарбиева источниками в России и странах СНГ. Особое место здесь, по мнению следователей, занимали средства, изъятые боевиками непосредственно из федерального бюджета. Свою долю руководители боевиков получали разными путями из средств — миллиарды рублей! — выделяемых правительством России для Северного Кавказа, и особенно из тех, что проходили через Госстрой, Министерство обороны, МВД и МЧС. Именно эта часть расследования встречала наибольшее сопротивление начальства Дикого, потому что слишком много влиятельных лиц в правительстве и Госдуме были замазаны участием в этом деле.

«Внутреннее» расследование касалось помощи дудаевцам со стороны чечено-ингушских общин в странах СНГ и в таких городах России, как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Иваново, Иркутск, Уфа, Находка и других крупных и не очень. Главными «финансистами» здесь считались даже не сами общины или частные лица, а банки, в том числе такие известные, как Агрика, Ивеко, Инвестбизнесбанк, Планета, Мосэлектробанк, Тепкобанк, Токобанк и другие.

И наконец, «забугорное» дело было заведено на иностранных кредиторов, среди которых были вскрыты такие организации, как «Всемирное

исламское возрождение» (Саудовская Аравия, Азербайджан), «Серые волки» (Турция, Азербайджан), «Братья-мусульмане» (Египет, Иордания), РУХ и УНСО (Украина), «Гонт» (Белоруссия), «Ханса» (Эстония) и другие националистические группировки стран Балтии.

— «Забугорное» дело, пожалуй, все же следует переместить в хвост, — заметил Дикой после размышления. — Для нас важнее выявить родных коррупционеров и мафиози.

Ивакин кивнул.

— Дальневосточное дело будем включать в список приоритетных?

Полковник имел в виду уголовное дело, заведенное на командующего Дальневосточным военным округом и его заместителей, обвиненных в прокручивании бюджетных денег в коммерческих структурах, использовании служебного положения и нанесении государству ущерба в десятки миллиардов рублей.

— Нет, — коротко ответил Валентин Анатольевич, не вдаваясь в объяснения.

— Тогда остаются только три крупняка: расследование нарушений закона сотрудниками «Безопасности», деятельность «Стопкрима» и отрядов Чеченской армии свободы на территории России.

— Первых два отложим, — снова лаконично произнес Дикой.

Одно из них касалось действий бойцов из подразделения личной охраны президента, подозреваемых в совершении ряда преступлений, и генералу было ясно, что вероятнее всего по высочайшему указу оно в скором времени будет закрыто. Второе было заведено по приказу директора ФСБ, хотя военной контрразведки напрямую и не подчинялось. О деятельности «чистилища», взявшегося без суда и следствия очистить страну от преступников всех мастей, ходили легенды, однако Валентин Анатольевич хорошо знал, насколько легенды близки к действительности.

— Что ж, тогда остается только одно дело — «чеченских терминаторов» из ЧАС, будь она трижды неладна! По ней работаем не только мы, слава Богу, однако наглость этих бандитов уже переходит все пределы. Пора предпринимать что-нибудь неординарное, иначе они перестреляют всех наших парней, участвовавших в войне.

Дикой глянул в похолодевшие глаза полковника и медленно проговорил:

— Такое впечатление, Борис Иванович, что вы знаете об идее Генриха...

— Создать группу мстителей и ликвидировать убийц? Знаю. Зять я или не зять директора ФСБ? Вчера вечером он со мной поделился своими сомнениями.

Дикой удивленно поднял брови.

— Панов рассказал вам об этом?

— Он до сих пор колеблется, хотя премьер не раз вызывал его на ковер и требовал немедленного реагирования.

— Под Краснорыжиным шатается кресло, вот он и спешит продемонстрировать свое рвение и желание «служить народу». Я думаю, в ближайшее время президент его снимет.

— Но пока не снял, и группа перехвата уже почти готова к заброске в Чечню... то бишь Ичкерия, как ее гордо именуют сами чеченцы. Кстати, Иван Сергеевич просил дать пару «волкодавов» для усиления группы.

— Дайте им Соболева, коль уж вы его вызвали из Рязани. С «Арсеналом» мы и сами разберемся.

— Во-первых, я ему предлагал, и он отказался. Во-вторых, без него мы не разберемся, Валентин Анатольевич. К похищению «глушаков», «болеви-ков» и «волков» причастна контора Белого, то есть батальон «Щит», который находится под эгидой Ельцина. Тронем «Щит», Генрих устроит облаву на нас, не дожидаясь окончания расследования. Вот когда Соболев копнет достаточно глубоко, тогда и выйдем к Панову с полным пакетом информации. А до того придется кланяться при встрече и жать руку Генриху.

— Хорошо, — подумав, проговорил Дикой. — Вы правы, Борис Иванович. Но работать становится все неуютней, вы не находите? Даже в ГРУ и СВР появились «новые русские», готовые за определенную мзду продать кого и что угодно и работать с бандгруппами и даже с Куполом. Кстати, почему вы не выделили следствие по делу Купола в одно из важнейших?

— Потому что у нас просто не хватит сил работать еще и по мафии, — усмехнулся Ивакин. — Пусть Куполом занимаются профи Бондаря, МВД и ГУБО. Между прочим, судя по последним крохам информации, добытым нашими ребятами, во главе Купола якобы стоит человек из нашей же конторы.

Дикой промолчал, допивая минералку. Он знал больше, но не настолько, чтобы указать на человека, возглавлявшего гигантскую структуру сросшихся воедино мафии и государственной чиновничьей элиты под названием Купол.

— Что у нас в портфеле по ЧАС на нынешнее утро?

— Есть кое-какие подвижки. Стали известны имена практически всей группы, нанесшей визит в столицу и убившей Кожемякина. — Ивакин вытащил из папки листок бумаги и положил на стол перед генералом. — Чеченцев трое: Безумный, то есть Амирбек Шароев — командир группы, Джамал Гапуров и Имран Абдулмуслим. Кроме них в группу входили: инструктор из Афганистана — вот откуда Кораны — Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад, эстонец Ильмар Кулдсепп, украинец Роман Купчик. Всего выявлены имена шестерых человек.

— Семерых. Вы забыли проводника.

— Не забыл, но он в группу основных исполнителей не входит.

Речь шла о жителе Москвы, хорошо знающем столицу и связанном с местной чеченской диаспорой. Именно он наводил группу убийц и следил за убитыми Меркуловым и Кожемякиным. Он был вычислен военными контрразведчиками в первую очередь и оказался русским, Константином Барковым по кличке Беретта, бывшим офицером ФАПСИ¹, уволенным за какие-то грешки еще пять лет назад.

— Связи у него, конечно, остались, — добавил Ивакин, — судя по тому, что поймать тергруппу по свежим следам не удалось. Они отсиделись где-то здесь, в Москве, и спокойно просочились по одному сквозь сети ОМОНа и розыскников угро. Баркова можно брать в любой момент, основной его канал заказа мы просчитали и по нему выползли на заказчиков. Ну а оттуда до исполнителей рукой подать.

— Заказчик — Шароев-старший?

— В том-то и дело, что нет. Президент Ичкерии заказа на ликвидацию героев чеченской кампании и писателей из черного мусульманского списка не давал. Складывается впечатление, что сынок Шароева действо-

¹ ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации.

вал на свой страх и риск, недовольный нерешительностью отца. А заказ ему давал нынешний министр обороны Ичкерии Удуев.

— Нечто в этом роде я и предполагал. Акция в Москве не способствует нормальному политическому процессу отделения Чечни, и Шароев это понимает. А Удуев, похоже, начал свою игру, желая спихнуть президента и сесть в его кресло. Но кроме группы исполнителей должна быть еще и группа поддержки, обеспечивающая наведение основной на цель. Одного Баркова мало.

— Занимаемся, Валентин Анатольевич. Связи Баркова тянутся и в Минобороны, в аппарат самого Галкина, и в Совет Федерации. Так что покровители у него мощные. Будем копать дальше... пока не остановят.

— Несладко придется твоему тестю, — покачал головой начальник «Смерша». — Осиное гнездо разворошил.

— Поэтому он и согласился на предложение Генриха. Здесь, в Москве, ему ходу не дадут, живо свяжут руки или вообще отправят в отставку. Мелкую сошку отдадут на съедение, как это уже было не раз, а главные лица останутся при власти. А Чечня — иное дело, там можно и пошуметь. К тому же потом действительно можно свалить все на «чистилище».

— Вы знаете, Борис Иванович, — слабо улыбнулся Дикой, — когда я принимал дела и мне сказали, что вы — зять Панова, я тогда подумал, что придется работать с обычным генеральским протезе, рвущимся по служебной лестнице на самый верх. Оказалось, вы умнее и... опаснее, и все понимаете правильно. Только не все докладываете начальству. — Валентин Анатольевич снова улыбнулся. — То есть мне.

— Спасибо за оценку, товарищ генерал, — без улыбки ответил Ивакин. — Наверное, у каждого из нас есть свои секреты на черный день, в том числе и у меня.

— Согласен. Итак, я могу идти к директору с высоко поднятой головой и докладывать о завершении поисков.

Ивакин сложил в папку документы, закрыл, щелкнув кнопкой-замком, вопросительно глянул на Дикого.

— Я могу быть свободен?

— Зачем вы летите в Чечню, Борис Иванович, если имена террористов известны?

— Необходима тщательная проверка сведений. Ошибаться мы не должны, особенно в столь сложных политических обстоятельствах. Скоро начнется заваруха отделения Ичкерии, и надо будет иметь полную информацию о действующих лицах и исполнителях. Поиски убийц — только часть нашей работы.

— Хорошо, решайте сами, ехать вам или не ехать. Соболева дадите мне на время?

— Нет, — твердо сжал губы Ивакин. — Он в принципе не розыскник, а «супер» перехвата, «волкодав», хотя и способен провести расследование. Но это мое личное прикрытие на случай...

— Понимаю. Жаль, что не имею такого же «супера», хотя и не боюсь темных переулков. А почему он отказался войти в команду Генриха, мотивации?

— Как Соболев выразился — он не судья и не палач, хотя и сочувствует родственникам убитых. За пять лет работы со мной он участвовал в двадцати семи операциях перехвата и ни в одной не убил ни одного человека!

— Это интересно. Какую школу боя он прошел?

— По его словам, практически все, но в настоящее время он барс, то есть мастер русского стиля...

— Не надо объяснять, я тоже занимаюсь русбоем. Знать бы, у кого он начинал. Ладно, забыли. Если возникнет необходимость, познакомите меня со своим «супером».

— Он агент класса «абсолют».

— Теперь о группе перехвата, которую готовят Ельшин и Первухин. Кого мы дадим?

— Я рекомендовал Пугача... Пугачева Александра. Он тоже «волкодав» и мастер перехвата, но классом пониже Соболева. Одиннадцать задержаний...

— Подойдет. А кто пойдет командиром, знаете?

— Хасан Ибрагимов, майор охраны Генриха, он же — командир «Стикса». Кроме него знаю еще двух человек, кто зачислен в группу: Белый, то бишь майор Шмель Юрий Степанович, комбат «Щита», и капитан Василий Балув, перехватчик из команды Первухина. Всего же в группе пойдут семеро, самый мобильный вариант. Остальные — наведение, связь, страховка, экипировка, доставка.

Дикой встал.

— У меня все, Борис Иванович. Работаем дальше.

Ивакин встал тоже и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь с мигающим зеленым огоньком охранно-сигнализирующей системы, не допускающей никакого прослушивания.

— Интересно, чем мы отличаемся от братьев-мусульман, посылая такую же группу к ним? — проговорил Валентин Анатольевич задумчиво, обращаясь неизвестно к кому.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО С ВАРИАЦИЯМИ

Холодный ветер нес низкие лохматые облака над холмистой равниной, гнал по зелено-седой траве волны, норовил сбросить с плеч всадника плащ, но зозрекс, гигантский «дирижабль» или скорее «самолет» Веспидов — Ос разумных, висел над недалеким холмом, как при.вязанный, равнодушно воспринимая атаки ветра. Впрочем, он и в самом деле оказался привязанным.

Всадник подъехал ближе и увидел серебристую паутинку лестницы, соединявшую холм и зозрекс, действительно напоминавший издали необычной формы складчатый самолет с разлохмаченными на концах крыльями. И тут же у Матвея, сознание которого контролировало разум всадника, создалось впечатление, что его здесь ждут.

Он приказал всаднику — своему далекому предку-первочеловеку — спешиться и слез со своего шестинога, по грудь закованного в голубоватые зеркальные доспехи. Такие же доспехи, напоминающие рыцарские латы, были и на всаднике, но сделаны они были не из металла, а из хитиновых чешуй и панцирей древних разумных насекомых, Инсектов, чьи высохшие тела все еще находили в их летающих, как зозрекс, наземных, как термитники, или подземных городах. Правда, некоторые отдельные особи дожили и до этого времени, когда племена людей завоевали все континенты и

освоили города Инсектов, приспособливая их для своих нужд или строя рядом новые, и людям частенько приходилось воевать с уходящими со сцены истории предками, пережившими Изменение.

Матвей достал из захватов на холке шестиногого арбалет, длинное копье с льдисто мерцающим наконечником, поднес к губам пластинку с замысловатым узором отверстий, дунул, и над холмами поплыл долгий печальный вскрик, напоминающий человеческий плач и стон чайки одновременно.

Никто не появился на краю платформы зозрекса, никто не ответил на зов, и все же ощущение чьего-то присутствия не проходило.

Тогда Матвей привязал своего шестиногого «коня», похожего на льва и быка, к металлическому кольцу вбитого в землю штыря, к которому была принайтовлена и лестница, и полез вверх. Перекладыны лестницы светились серебром и были тонкими, как спицы, но под тяжестью тела всадника не гнулись, и Матвей мимолетно подумал, что эта вещь, вероятно, досталась кому-то в наследство от Инсектов, сотворивших, кроме городов и дворцов, многие чудеса вроде «саркофагов», «Игл Парабрахмы», генераторов абсолютного зомбирования — кодонов и тому подобное. Правда, многие из этих Великих Вещей мира запрещенной реальности, если не большинство, были опасны для людей. Наверное, не один разведчик человеческих племен, расширявших свои владения, погиб во время исследования остатков цивилизации Инсектов, прежде чем остальные научились пользоваться кое-какими находками.

Зозрекс висел над холмом всего на высоте тридцати с лишним метров, и Матвей достиг ячеистой платформы быстро, готовый пустить в ход оружие в любой момент. Предок-разведчик, чьим телом он сейчас распоряжался, имел четыре руки — рудимент тела Блаттоптера сапиенс, насекомого, от которого произошел род человеческий, и мог делать сразу несколько дел.

Взобравшись на крыло зозрекса, Матвей огляделся и направился к складчатому «фюзеляжу» — центральному строению летающего города Веспидов, где имелся вход, но до трехметровой рваной дыры в борту «фюзеляжа» не дошел. Навстречу ему вышел гигант в таких же металлических на вид доспехах, в сложном шлеме, скрывающем лицо, и плаще поверх доспехов, вооруженный арбалетом и мечом из светящегося материала, более похожим на длинный острый шип. Судя по всему, это был такой же разведчик одного из человеческих племен, как и тот, в чьем теле сидело сознание Матвея Соболева.

Некоторое время они рассматривали друг друга с философским спокойствием воинов-профессионалов. Затем вышедший навстречу опустил арбалет, и Матвей сделал то же самое.

— Заставляете ждать себя, мастер, — сказал первый мелодичным женским голосом. Вернее, он произнес какую-то фразу на трескуче-воюющем языке, но в голове Матвея зазвучал именно женский голос, хорошо знакомый ему по прежнему трансовым эзотерическим снам.

— Светлана? — Матвей почти не удивился, подспудно ожидая встретить в своем сне-путешествии инфарха со спутницей.

— Вы меня помните?

Матвей хотел отшутиться, потом сказать нечто значительное, соответствующее встрече со вторым «я» главного иерарха, но в конце концов ограничился коротким:

— Я помню все.

— Вы поняли, что произошло?

На этот раз Матвей размышлял и формулировал ответ дольше.

— В результате взаимодействия «Иглы» и эйнсофа произошла инверсия моего личного времени...

— Почти верно.

— Почему почти?

— Процесс, инициированный вами с помощью эйнсофа, гораздо сложнее и масштабнее, чем вы думаете. В принципе ваше возвращение к началу известных вам событий еще не говорит о том, что вы можете их изменить, ибо в вашей реальности не достижима ни честность, ни справедливость. Вы хорошо представляете Путь, которым решили идти дальше?

— Путь Меча, Путь воина я закончил, не сомневайтесь.

— Означает ли это, что вы избрали Путь Избегающего Опасности?

— Скорее Путь ненасилия.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете, что это означает. Отказ от насилия возможен лишь в определенных личных ситуациях. Воин на Пути знания придерживается отказа от насилия только в силу того, что контролирует ситуацию. Ему не нужно подставлять вторую щеку, потому что никто не сможет нанести ему удар по первой щеке.

— Я это понимаю.

— Прекрасно, мастер. — Несмотря на похвалу, в голосе Светлены прозвучала печаль. — Только не допускайте, чтобы отказ от насилия становился препятствием к познанию как обстоятельств, так и людей, среди которых у вас немало врагов.

— Что вы хотите сказать? Зачем вы ждали меня здесь?

— Контакт с вами стал возможен только в прошлом, связь в отрезок времени, в котором вы формируете законы вашей реальности, становится недоступной.

— Из-за усиления контроля иерархиями Союзов Неизвестных? Иерархии все-таки начали передел власти в «розе реальностей»?

— Мой ответ вам не требуется, мастер, фактически вы стали Посвященным... хотя еще не стали им юридически. Но берегитесь, не повторите ошибок прошлого Пути. Хотя, с другой стороны, Путь ненасилия не означает отказа от...

— Вы уже говорили.

— Да, извините, я волнуюсь, потому что вы мне не безразличны... и... и, в общем, именно поэтому я жду вас здесь.

Матвей почувствовал неловкость и в то же время желание увидеть лицо Светлены, какое он помнил по прежнему сну, — прекрасное, удивительно манящее, колючее, притягивающее взор, завораживающее текучей игрой чувств и света...

— Вы контактируете с Ульяной Митиной, Посвященной I ступени Внутреннего Круга?

Вопрос вырвался непроизвольно, и Матвей сразу пожалел о том, что спросил, однако Светлана ответила без запинки:

— Теперь в этом нет необходимости, вы прошли свой первый вариант Пути до конца и знаете все, что мы хотели передать. Осталось малое. А вы... хотели бы, чтобы Ульяна стала моей авешей?

— Не знаю, — пробормотал Матвей.

— Вы все еще не уверены в себе... что ж, в данном случае незнание лучше ответа «нет». Вы знакомы с китайским учением Дао?

— Знаком, — лаконично отозвался Матвей.

— Даосы разработали принципы действий применительно к обстоятельствам. Один из принципов звучит так: начиная действовать, пока еще не возникла настоятельная необходимость или пока обстоятельства позволяют это.

— Ну и что? — осторожно спросил Матвей после продолжительного молчания.

— Начинать действие нужно тогда, когда в этом еще нет очевидной потребности. Вы считаете, что у вас есть время на осуществление своих замыслов? Вы ошибаетесь, мастер. У вас нет времени! Ваше возвращение к началу Пути — лишь одна из деталей начавшегося *изменения*. Одновременно начался лавинообразный процесс ломки законов, в том числе — ослабление Закона возмездия. Проанализируйте ситуацию во всех сферах жизни вашей реальности, и вы поймете, что все далеко не так гладко и просто.

Матвей ушел мыслями в себя и на некоторое время утратил контроль над сознанием предка. Тот шагнул назад, хватаясь за арбалет, прорычал что-то, пытаясь понять, что происходит, и Матвей едва успел перехватить его руку, готовую метнуть копье.

— Что мне нужно делать?

— Это вы должны решать без подсказки. Позволю вопрос: что вы ищете в прошлом? Зачем снова пытаетесь проникнуть за барьер Изменения? Ради Знаний Бездн?

— Нет, — угрюмо ответил Матвей не совсем искренне. — Хотя, может быть... очень хочется дойти до Начала Начал. До момента, когда в нашей реальности появился Безусловно Первый.

— Зачем это вам?

— Не знаю, — растерялся Матвей, сбитый с толку вопросом.

— Вот видите, — снова опечалилась собеседница. — Вы сами не знаете, чего хотите и что ищете. А главное, не верите в собственные силы. Как же вы измените себя?

— Я собирался изменить мир...

— Не изменив себя, не изменишь мир. Прощайте, мастер. Вам дана уникальная возможность *не повторять* свой Путь, воспользуйтесь ею. И поторопитесь. Что касается Начала Начал... далеко не каждому иерарху дано опускаться во времени так глубоко. Прощайте.

Голос Светлены отдалился, стих, как стихает колокольный звон. Гигант в латах напротив Матвея повернулся и исчез внутри центрального строения зозрекса. Разговор закончился. Матвей заставил предка спуститься по лестнице на холм, сесть на коня и тронуться в путь.

Внутреннего слуха коснулся чей-то тихий вздох, и невероятной чистоты и красоты девичий голос вдруг пропел несколько слов на неведомом языке. И было в этом голосе столько тоски, любви и надежды, что Матвей едва не бросился назад, чтобы сбросить с недавнего собеседника латы и увидеть ту, что пела для него...

Он удержал порыв. Стальной рукой заставил шестинога идти рысью и произнес мысленно всплывшее в памяти даосское изречение:

Начало —

Это сущность

Всего, что предстоит узнать,

И место,

Куда все должно возвратиться...

Возврат в свое время и в свое тело прошел без осложнений и особых ощущений: короткий свист, темнота, падение, удар — и вот он уже лежит на кровати лицом вверх, а рядом спит красивая девушка и тепло дышит ему в грудь...

История повторялась, хотя и не во всех деталях.

Горшина Тараса, Посвященного I ступени Внутреннего Круга, отлученного от этого самого Круга за упорную реализацию мести, Соболев пока не встретил. Васю Балуева тоже, хотя собирался найти его в ближайшее время. А вот с Кристиной отношения развивались практически так же, как и в первом варианте событий. Они успели встретиться трижды, понять, что их непреодолимо влечет друг к другу, а потом девушка прибежала к нему ночью, спасаясь от пристававший все того же сокурсника, кудрявого красавчика Жоржа, которому пришлось давать отлуп. Правда, уже иначе, проще, не так наглядно, как это проделал Матвей «в прошлой жизни».

Он быстро вычислил, где живет Жорж, дождался его возвращения с очередной гулянки и аккуратно придушил в подъезде, после того как парень отпустил своих накачанных охранников. Не до летального исхода придушил, понятное дело, популярно объяснив при этом, что приставания к девушкам, особенно к Кристине Сумароковой, отрицательно скажутся на здоровье Жоржа. Теперь Кристина жила у Матвея, создавая дополнительные неудобства, а поговорить с ней, объяснить, что так долго продолжаться не может, сил не хватало.

За неделю, что провел Матвей в Москве после вызова из Рязани, он успел сделать многое как по работе, так и в личном плане.

Для начальства был уже готов подробный отчет о деятельности батальона «Щит» с указаниями фамилий, адресов и планов, а также о похищении секретного оружия из лабораторий завода «Арсенал», о связях многих высших должностных лиц армии и спецслужб с мафией. Готовился анализ отношений правительственных чиновников с Куполом, руководимым генералом Федеральной службы безопасности Ельшиным, начальником Управления «Т».

И при всем при этом Матвей отчетливо осознавал, что ему не поверит не только Дикой, но и Борис Иванович Ивакин, непосредственный начальник Соболева. Хотя, с другой стороны, доказательств о противозаконной деятельности депутатов и генералов хватало. Если у начальника «Смерши» хватит смелости их проверить, дело закрутится.

Матвей вспомнил слова Светлены, мысленно пожал плечами. Она советовала потвориться, начать действовать, но он и сам не сидел сложа руки. Или спутница инфаркта имела в виду нечто другое? И надо действовать в другом плане — а б с о л ю т н о м? Искать выходы на «розу реальностей», встречаться с людьми Внутреннего Круга, выходить на Монарха Тьмы, пока он еще не взялся за подготовку нового Изменения? Или оно уже... началось?

«Проанализируйте все сферы социума, — сказала Светлена, — и вы поймете...» Матвей почувствовал, как непроизвольно сжались мышцы живота, грудь обдало холодом, и осторожно отодвинулся от Кристины, чтобы она не проснулась. Встал. Господи, неужели он опоздал?! Если Светлена права, эйнсоф не только вернул его в прошлое по личной мировой линии, но и запустил процесс изменения, подчиненный воле Монарха! Вот на что надо обратить все внимание, а не на мирские материальные дела...

И в первую очередь надо действительно проанализировать происходящие в мире процессы, а потом попытаться войти в контакт с Хранителем Матфеем, чтобы окончательно прояснить ситуацию. Слишком много возникло вопросов, на которые сам Соболев ответить не мог.

Например, куда делся эйнсоф?

Матвей съездил в Сергиев Посад, посетил Троице-Сергиеву лавру и прошелся по всем трем ярусам надкладезной часовни, построенной в семнадцатом веке у юго-западного угла Успенского собора лавры, но эйнсофа не обнаружил. Узел фазового пространственного многообразия, в котором пересекались когда-то слои-лепестки «розы реальностей», исчез.

Попытался Матвей и проникнуть в МИР — модуль иной реальности, одно из сохранившихся древнейших сооружений Инсектов, расположенное глубоко в недрах московской платформы, но территория бывшего Зачатьевского женского монастыря оказалась огороженной. Церковь Спаса реставрировалась, а все ее пристройки были безжалостно разрушены, в том числе и склеп-хозблок, из которого начинался спуск в подземелье с «замком» Арахнидов. Конечно, можно было использовать свой «третий глаз» — ментальное зрение и ночью пробраться к церкви, чтобы отыскать засыпанный вход. Однако для этого требовалось время и кое-какие приготовления. К тому же «Игла Парабрахмы», в контур которой был когда-то включен Матвей, как один из одушевленных узлов управления, располагалась не в этом МИРе, а в замке Формикоидов, находившимся под дачей генерала Ельшина. А уж для похода туда и вовсе требовалась недюжинная подготовка и соответствующая экипировка. Матвей в принципе собирался навестить дачу Генриха Герхардовича, но теперь, после контакта со Светленой, необходимо было сделать это как можно быстрее.

Кроме всех прочих занятий, Матвей предпринял и попытку установить местонахождение кардиналов Союза Девяти Неизвестных. К его удивлению, это ему удалось без труда. Все кардиналы занимали почти те же посты в иерархии властных структур и не предприняли никаких дополнительных мер предосторожности и охраны. Для них еще ничего не произошло. Матвей Соболев, «волкодав» военной контрразведки, агент класса «абсолют», идущий по Пути Посвящения в адепты Внутреннего Круга, для Союза Девяти не существовал.

«Щупая» их мыслесферы в астрале, Матвей ощущал лишь удивление кардиналов, не представлявших, кто их осмелился потревожить и было ли это на самом деле. Лишь координатор Союза Бабуу-Сэнгэ мгновенно насторожился, почуяв касание чужого мысленного потока, но он был далеко, в своем Храме Гаутамы на Алтае, и Матвей не особенно обеспокоился, считая себя в безопасности. Только сейчас, спустя несколько дней после «возвращения из будущего», он понял, какая это страшная сила — з н а н и е того, что будет происходить!

Матвей на цыпочках вышел из спальни, прополоскал в ванной рот и полчаса тренировал в кабинете суплес и поднимал мышечный тонус специальными упражнениями. Обычно он занимался физическими нагрузками в спальне, где у него стоял спортивный комплекс: макивара, деревянный идол для тренировки ударов, стенд для силовых упражнений и качания пресса, но сегодня не хотелось будить Кристину, поэтому занимался он недолго.

Встал под душ, перемененно пуская то холодную, то горячую воду, по-

брился подаренным Ивакиным «Брауном», смягчил кожу лица лосьоном «Аква ди гио» фирмы Армани с ароматом озона, цитрусовых, хурмы и жасмина. Кристине этот запах очень нравился и она как-то сказала, что именно таким лосьоном должен пользоваться мужчина, который строит свои отношения с женщиной на взаимопонимании и доверии.

Матвей усмехнулся. Кристина явно повторяла чьи-то слова, хотя ее оценка была близка к истине.

Зазвонил телефон.

Мгновенно сработали не дремлющие ни днем, ни ночью сторожевые центры сознания. Сюда никто не должен был звонить, телефон знал только Ивакин, и если звонил он, значит, что-то произошло. Матвей снял трубку.

— ... ей... лев? — с хрипом выплнула трубка чей-то густой бас.

— Кто звонит? — вежливо поинтересовался Матвей.

Голос в трубке изменился на баритон, хотя хрипы и подвывание остались, сквозь них доносились лишь обрывки слов:

— ... длнно... най... вать... ценных... наче буд... иваться измене... зит гибель...

— Кто говорит? — повторил Матвей, стискивая зубы. — Вы, наверное, не туда попали.

— ... регись! — донеслось последнее слово, и трубка замолчала. Ни гудков отбоя, ни звона междугородней линии, ни щелчков скремблера — мертвая тишина, словно у телефона оборвался провод. Кто же звонил, черт возьми?! Что хотел сказать? Явно предупреждал, если судить по словам «грозит», «гибель» и «берегись». Но кто это мог быть? Инфарх? Хранитель Матфей? Кто еще? Не полковник же Ивакин в самом деле...

— Кто звонил так рано? Полседьмого всего. — На пороге спальни возникла сонная Кристина, завернутая в простыню. Угол простыни соскользнул с ее плеча, обнажив грудь, и Матвей некоторое время молча боролся с разгорающимся желанием, рассматривая фигуру девушки, потом подхватил ее на руки и отнес в спальню.

Через полчаса пришлось мыться под душем снова, уже теперь вдвоем, хотя ничего путного из этого не вышло. Кристина была настроена шутливо и порывалась то намылить «сованнику» лицо, то утопить его в ванне. Потом она накинула вместо халата его рубашку и отправилась на кухню готовить завтрак, откуда тут же раздался ее негодующий голос:

— Соболев, ты все-таки свинья!

— Почему? — изумился Матвей, прекращая одеваться.

— По определению. Ты почему не помыл посуду?

— А разве я был вчера дежурным по камбузу? — хмыкнул Матвей. Волоча за собой брюки, зашел на кухню и, узрев нарочито рассерженное лицо Кристины, поднял вверх руки. — Винтоват, гражданин начальник, больше не повторится.

Вскоре они ели мюсли и пили кофе с тостами, болтая о разных разностях, приходящих в голову совершенно ассоциативно. Разве что Матвей при этом думал о своих заботах, о будущих встречах с интересующими его людьми, а Кристина просто наслаждалась ощущением приятной расслабленности и была, похоже, вполне счастлива. Во всяком случае, о грядущих переменах в своей жизни она не думала, а о войне иерархов, отражавшейся на Земле «запрещенной реальности» разрушением духовности, культуры, справедливых отношений, ничего еще не знала. И у Матвея вдруг непро-

извольно вырвались слова, которые он хотел произнести давно, однако не решился:

— Крис, тебе будет трудно со мной...

Кристина посерьезнела, опустила руку с чашкой кофе, глядя на Соболева враз округлившимися большими глазами. Красивая девятнадцатилетняя девочка, еще не познавшая всю страшную суть «запрещенной реальности». Как же ее уберечь от всего этого: бед и опасностей, непрерывной череды схваток, поединков с трусливыми и от того более жестокими подонками, бандитами всех мастей, с беспощадными в достижении своих целей кардиналами Союза Деятия, их безмозглыми слугами, со всеми теми, кто хочет власти любой ценой, просто с недалекими сластолюбцами типа кудрявого Жоржа? Как защитить ее от тысяч превратностей судьбы, подстерегающих самого Соболева на каждом шагу? Как изменить формулу, внушенную ему Монархом Тьмы в прошлых встречах? «Твоя деятельность всегда будет отражаться на твоих близких...»

— Что случилось, Соболев? — тихо спросила Кристина.

— Ничего не случилось, — улыбнулся одними губами Матвей. — Пока. Просто человек, посвятивший себя определенного рода деятельности, должен вести определенный образ жизни.

— Какого же рода деятельностью ты занимаешься?

— Мистикой, — серьезно сказал Матвей.

Кристина фыркнула.

— Я и так поняла, что ты не учитель русского языка. А кто? Милиционер? Служишь в ОМОНе или в каком-нибудь секретном спецназе? Или... — Глаза Кристины стали круглыми и огромными. — Или ты работаешь на... «Стопкрим»?!

Матвей рассмеялся, хотя ему было честно говоря не до смеха. Интуиция у Кристины была развита хорошо, да и наблюдательность тоже. Но от того ему легче не стало.

— Нет, на знаменитое «чистилище» я не работаю, успокойся. Скорее это действительно можно назвать спецназом. А большего я сказать тебе не имею права.

— Понимаю. — Теперь ко всем кипевшим в глазах девушки чувствам добавилось жгучее любопытство, но она сумела себя перебороть и вопросы задавать не стала. — Я потерплю. Пока не прогонишь.

— Лишь бы сама не ушла. — Он поцеловал ей пальцы. — Но что бы ни случилось, никто не должен...

— Знать, кто ты такой, — подхватила Кристина.

— Примерно так. Это первое. Второе: на звонки не отвечай, вообще не поднимай трубку. Ты здесь не живешь. В смысле — тебя здесь как бы нет и никогда не было. И последнее: ты не должна зависеть от меня. В любой момент я могу надолго исчезнуть, прийти поздно, вообще не прийти на ночь. Короче, мне нужна свобода...

— А я тебя не ограничиваю, — насупилась было Кристина, однако заглянула в голубые, чуть ли не светящиеся глаза контрразведчика и поняла свою промашку. — Извини, я не то хотела сказать. Буду терпеливой и заботливой, вот увидишь. Захочешь, скажешь сам. Но я чувствую, что ты встревожен. Нельзя узнать, что случилось?

— Я же сказал — ничего, — как можно увереннее проговорил Матвей. — Все идет своим путем, просто у меня работа такая — ждать неприятностей. Не думай о плохом, иначе экзамены не сдашь.

Кофе допивали в молчании, взглядами обнимая друг друга, хотя перд глазами Матвея нет-нет, да и вставал образ Ульяны, после чего он в какой-то мере начинал ощущать себя предателем. Он помнил почти все моменты их прошлых встреч, ведь пролетело целых два года с момента знакомства Соболева с обеими женщинами, и ничего не забылось! А еще у них с Кристиной должен был родиться ребенок... Но обо всем этом он не мог рассказать ей ни слова. Тот путь, который они уже прошли вместе, вел к гибели обоих... А вот о Стасе рассказать стоит. Надо найти парнишку и вылечить, может быть, удастся оградить его от опасностей, отослать, например, к отцу ведь старик еще жив... Хотя, с другой стороны, он уже посылал Стаса и Кристину к отцу и знает, чем это все закончилось. Кто говорил — не возвращайся по своим следам — был прав...

С Ивакиным Матвей встретился на конспиративной квартире, принадлежащей военной контрразведке, и передал ему пачку сколотых листов — весь пакет информации по деятельности батальона охраны «Щит», его командования, о хищении им оружия с завода «Арсенал», об участии во всем этом генерала ФСБ Ельшина, ставшего недавно боссом Купола.

Полковник был сильным и сдержанным человеком, но и он изменился в лице, дочитав доклад Соболева до конца. Поднял на Матвея ставшие совсем прозрачными глаза.

— Вы с ума сошли, Соболев! Откуда у вас эти сведения? За неделю такого объема данных собрать невозможно!

Матвей кивнул, вполне понимая Бориса Ивановича, но даже ему он не мог сказать всей правды. Или хотя бы части правды. Полковник был сугубо военным человеком, опиравшимся на здравый смысл, и слыхом не слыхивал о каких-то там Монархах Тьмы и вообще о существовании Внутреннего Круга. Вряд ли он правильно воспринял бы и откровения подчиненного насчет происхождения человечества от рода Блаттоптера сапиенс — «тараканов разумных».

— Как я это преподнесу генералу? — продолжал Ивакин, не дождав-шись ответа Соболева. — Он же меня сразу отправит к психиатру.

— Авось не отправит, — сказал Матвей философски. — Часть сведений у вас и так в компьютере, кое о чем вы догадываетесь, а остальное — логическое завершение расследования. Что касается сроков, то мне помогали.

— Кто, если не секрет?

— Сами подозреваемые.

Матвей выдержал пронзительно-недоверчивый взгляд Бориса Ивановича, усмехнулся.

— Не пугайтесь, полковник. Когда-нибудь вы все узнаете, а пока примите все как есть. И очень вас прошу — поберегитесь. В скором времени вас попробуют убрать, причем с помощью тех самых «болевигов», что были похищены из «Арсенала». Будьте начеку.

— Откуда вы знаете?

— Знаю. — И в голосе Матвея прозвучала такая твердая непрошибаемая уверенность, что Ивакин проглотил все иронические замечания и вопросы.

— Вы предлагаете...

— Действовать, — закончил Матвей. — Время не ждет. Понадоблюсь — звоните по сотовому, домой на квартиру звоните только в крайнем случае, не нравится мне та линия.

Он заглянул в дверной глазок, представлявший собой окуляр перископной системы, никого в коридоре и на лестничной площадке не обнаружил и вышел, оставив растерянного, ошеломленного масштабом предполагаемых событий полковника военной контрразведки.

ЗНАКОМСТВО «ВОЛКОДАВОВ»

Для концентрации сознания Василий Балугев не часто пользовался всеми девятью уровнями медитации, не было особых оснований, хотя в жизни перехватчика-«волкодава», подчиненного дерганому ритму жизни Управления специальных операций ФСБ, опасностей хватало. Но сегодня его почему-то потянуло пройти по всем ступеням сюэгэндо, в результате чего, достигнув «будущего» и увидев себя в «прошлом» — то есть настоящим для медитирующего, Василий оценил свои нынешние решения как неправильные, что его ошеломило, и пришел к выводу, что ему стоит ждать каких-то необычных встреч.

Выйдя из состояния самадхи, Василий некоторое время размышлял над своими ощущениями, однако будучи человеком действия, а не мысли, предоставил судьбе играть с ним по ее правилам и занялся тренингом, чему каждый день уделял не менее полутора часов для поддержания необходимой физической и психической формы.

Рукопашным боем Вася занимался уже почти четверть века, начав Путь воина в додзэ каратэ и закончив школу Куки-Синдэнрю-Хаппо Хи-Кэн (тайное искусство владения оружием). В семнадцать-восемнадцать лет он обратился к айкидо, а став слушателем Высшей школы КГБ, впоследствии — ФСК и ФСБ, — увлекся русбоем, проповедующим стиль реального боя в условиях, максимально приближенных к жизни. Но все же основную закалку дала Балугеву школа ниндзюцу, которую он прошел на Дальнем Востоке, под Приморском, где с трехлетнего возраста прожил одиннадцать лет (отец был офицером-ракетчиком и служил в зенитно-ракетных войсках), под руководством японского мастера Хатсуми, владевшего стилем тогакурэ-рю («спрятанное за дверью»). Василий и впоследствии, уже работая в бригаде спецопераций под руководством опытного «волкодава» Люцканова, а потом Первухина, продолжал заниматься постоянно развивающимися методами борьбы тогакурэ-рю-ниндзюцу, которые без особого напряжения справлялись с каждым новым изменением в технике атак. В основе этих методов лежало понимание поведения человека в тех или иных ситуациях, знание человеческого тела и его возможности вне зависимости от времени. Это давало возможность намного расширить узкие границы ориентированных на конкретные времена технических приемов борьбы, потому что методы ниндзюцу учитывали все естественные физические и эмоциональные особенности человека.

Искусство ниндзюцу вообще развивалось не как самоцель, средство для получения спортивного титула или символического поощрения в виде пустого пояса. Оно представляет скорее систему эффективных способов для достижения тех или иных целей личности с минимумом опасности, что заложено даже в названии борьбы — ниндзюцу. Иероглиф «нин» имеет два ряда значений: первый ряд — выносливость, упорство, терпение, стойкость и второй — тайный, незаметный скрытый, а иероглиф «дзя» пере-

водится как — личность, индивидуум. Таким образом ниндзюцу — это искусство тайных действий с учетом вышеназванных категорий, подразделяемое на два уровня: бу-дзюцу — искусство воина (низший уровень) и хэй-хо — стратегия боя (высший уровень). Василию удалось овладеть обоими и стать мастером ниндзюцу — мэйджином, для которого не существовало тайн ни в одном виде рукопашного боя.

Конечно, он не стал японцем — по ощущению мира, — но воспитан был все-таки в традициях ниндзюцу и не только довел до совершенства искусство воина, но и по большому счету достиг гармонического отражения окружающей действительности, в основе которого лежало интуитивное ощущение опасности на уровне рефлексов, тонких движений полей и излучений.

Сущность каждодневных тренировок для Балугева состояла не столько в освоении или повторении присущих ниндзюцу приемов боя, сколько в становлении и развитии в сознании тех ощущений, которые вызывает их применение. Как известно, в естественных условиях — улица, двор, метро, магазин, коридор, комната и тому подобное — ближний бой подразумевает применение любых подручных средств: палки, камня, гвоздя, булавки, осколка стекла, доски, веревки, пуговицы, скрепки, даже ассигнации, и тренировка владения этими предметами скорее вырабатывает ощущение всеобъемлющей системы защиты. Поэтому большую часть времени тренинга Василия занимала именно эта специфичная система владения «полезными деталями».

Начав тренировку в шесть утра, он закончил ее в половине восьмого эффективным прыжком через кресло и броском остро заточенного карандаша в глаз идола для тренировок, стоящего в углу комнаты. Попал. Бесшумно приземлился с перекатом и пошел в душ. Уже вытираясь махровым полотенцем, услышал телефонный звонок, взял трубку аппарата. Звонил Первухин (генерал лично курировал сборы группы перехвата, отправляемой в Чечню, в которую входил и Балугев):

— В десять быть на базе. Без опозданий.

— Слушаюсь, — ответил Василий, не испытывая ни особой озабоченности, ни особых переживаний по поводу того, что ему предстояло выполнить.

И в это время он почувствовал некий внутренний холодок, словно кто-то заглянул в него, как птица в открытую форточку, и в комнату влетел свежий ветерок. А через секунду тихо звякнул входной колокольчик.

Хмыкнув про себя с недоумением: гостей Василий не ждал, квартира принадлежала ФСБ, и прийти к нему мог разве что сам Первухин или в крайнем случае командир подразделения полковник Смирнов, — он открыл дверь и вздрогнул, встретив взгляд голубых глаз позвонившего. У него даже заныло под ложечкой и защипало в глазах. Взгляд молодого человека (лет двадцать семь-двадцать восемь, ровесник, надо полагать) был необычайно глубоким, серьезным, хотя и не без иронии, спокойным и понимающим, таящим недюжинную скрытую силу. Незнакомец знал и видел так много, что Василий невольно пожегся. Такого лица, дышащего внутренним, просветленным покоем, бесконечно уверенного, воспринимающего и отражающего действительность, как зеркало, Балугев еще ни у кого не видел. И понял, что перед ним м а с т е р, достигший совершенства в воинских искусствах, воплотивший в жизнь формулу Гуань-Инь-

цы¹: будь текуч, как вода, по~~мо~~ен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина. А еще Василию показалось, что он уже где-то видел это лицо, может быть, в снах, может, наяву.

— Здравствуйте, Василий Никифорович, — тихим, приятным голосом произнес незнакомец. — Разрешите войти?

— Нава Юмио, Хэйситиро, Рисукэ, Масааки? — спросил Василий, подразумевая учителей школ ниндзюцу, в которых мог бы оттачивать свое мастерство гость.

— Ямасита Тадаси, — улыбнулся молодой человек, — стиль Потерянных Следов. Хотя я от этого просто оттолкнулся и давно проповедую русбой.

— Барс, — кивнул Василий. — Похоже. Кто вы?

— Меня зовут Матвей Соболев, и работаю я, как и вы, ганфайтером, «волкодавом»-перехватчиком, только в другой конторе.

Василий впустил гостя, отметив, как тот держится — совершенно свободно и естественно, не боясь поворачиваться к хозяину спиной, и как движется — экономно, гибко, плавно и точно, и окончательно уверовал в то, что впервые встретил профессионала, равного себе, а то и превосходящего по мастерству боя.

— У кого вы работаете? Антитеррор?

— «Смерш».

— Контрразведка! Надо же, какая встреча! А я гадаю, кто меня вычислил. Мы с вами не могли раньше встречаться? Такое впечатление, что я вас знаю.

— О, да, — кивнул Соболев, оглядывая спартанское убранство гостиной со спортивным комплексом в углу, с любопытством посмотрел на идола с торчащим из глаза карандашом. — Мы знакомы уже два года. Я смотрю, вы практикуете методику шреба?

— Кое-какие приемы, — небрежно ответил Вася, выхватывая вдруг из кармана новенькую денежную купюру достоинством в тысячу рублей и делая почти неразличимый взмах руки.

Матвей проследил за падением двух половинок комара, к своему несчастью пролетавшего мимо, улыбнулся одними глазами, но ничего не сказал, вспомнив, как два года назад таким же манером демонстрировал свое умение Кристине.

— Проходите, присаживайтесь, — сделал приглашающий жест Василий, от которого не ускользнула усмешка гостя, досаду на свое мимолетное тщеславное желание что-либо *показать*. — Кофе, чай, кефир, минералка?

— По вашему усмотрению, — сел в кресло Соболев, одетый в самый обычный летний костюм — джинсы, кроссовки, голубоватая рубашка, безрукавка, — способствующий затеряться в любой толпе.

Василий принес чашки, ложки, кофейник, сахар, слоеное печенье, и они принялись пить кофе, поглядывая друг на друга с абсолютно разными чувствами. Неизвестно, о чем думал гость, но у хозяина росла тревога, появилось ощущение дискомфорта, ожидания каких-то перемен и новостей, однако он постарался выглядеть так же невозмутимо, как и Соболев, понимая в то же время, что тот свободно читает его переживания.

¹ Древний литературный памятник даосизма (кит.).

— Вы сказали, что мы знакомы уже два года... — не выдержал Василий наконец.

— Сейчас поясню. — Соболев промокнул губы салфеткой, жестом отказался от второй чашки кофе. — Только прошу выслушать все внимательно, без восклицаний и определений, какой бы удивительной не показалась вам моя речь. Я не сумасшедший, я просто много знаю. Дело в том, дорогой Василий... э-э, Никифорович, что я как бы побывал в будущем и вернулся, и теперь знаю почти все, что будет происходить. С вами, со мной, с миром вообще. За примерами долго ходить не будем, я представлю доказательства сразу после рассказа. А теперь слушайте. Вы случайно не читали кое-какую эзотерическую литературу? Что такое Внутренний Круг знаете? Вот с этого и начнем...

И Василий услышал самую невероятную и захватывающую из историй, когда-либо прочитанных или услышанных им в жизни.

Рассказ Соболева длился больше часа, с перерывами на кофе и умывание; Вася дважды бегал в ванную и лил на голову холодную воду, не скрывая уже своих чувств. Затем настал черед беседы.

— Не верю! — заявил Василий после того, как Соболев закончил повествование.

— Как говорят учителя, вера — лишь нежелание понять замыслы Божьи, — улыбнулся Соболев. — С чем конкретно вы несогласны?

— Союз Девяти Неизвестных... «разумные тараканы»... Монархи Тьмы, наконец! Вы-то сами верите во все это?

— Разумеется, потому что я все это пережил.

— Как можно доказать происхождение человечества от ваших Бляд... Блаттоптеров, «разумных тараканов»? Как можно познакомиться с Монархом Тьмы, если он живет, как вы говорите, в другой реальности? Допустим, в существование Внутреннего Круга еще можно поверить, но как вы можете доказать существование всего остального?

— Для этого понадобится всего пара общих походов. Я покажу вам так называемые МИРЫ, модули иной реальности, созданные Инсектами и сохранившиеся в пещерах под Москвой, а также отведу вас на дачу генерала Ельшина, где у него располагается мощный компьютер для связи с Монархом... который и помог ему стать боссом Купола.

— Бред! — махнул рукой Василий, пытаясь найти неувязки в стройной логической цепи истории, выстроенной рассказчиком, и не находя таковых. — Вы обещали привести доказательства сразу.

— Нет ничего проще. Об организации «Стопкрим», именуемой в народе «чистилищем», слышали? Надеюсь, не станете подозревать меня в связи с ним? — Матвей глянул на старенькие ходики на стене, доставшиеся Балуюеву в наследство от бабушки; шел десятый час утра. — Включите телевизор, программу «2 x 2». Сейчас в новостях должны сказать о гибели от рук «чистильщиков» прокурора Бескудниково Бурлакова, а также о нападении на полковника милиции Пиворыкина и о наказании судьи Охрименко: ему отрубили палец.

Василий включил телевизор, молча выслушал сообщение о новой акции «Стопкрима», выключил. Исподлобья глянул на гостя.

— Что еще?

— Как вы думаете, могу я знать некоторые интимные стороны вашей жизни?

— Можете, — подумав, сказал Балуюев. — Задавшись целью собрать компромат, можно выяснить о человеке все.

— Но только не о «волкодаве» вашего класса. Хорошо, интимные подробности отпадают. Ну, а профессиональные тайны? К примеру, я знаю адрес вашей второй конспиративной квартиры в Бутово или назову координаты схрона с оружием и снаряжением, что расположен в районе Савеловского вокзала. Продолжать?

Василий потемнел, внезапно почувствовав самый примитивный, липкий страх. Этот человек не должен был знать о таких вещах! Если адрес квартиры знали многие: генерал Первухин, полковник Смирнов, квартирмейстер и кадровик УСО ФСБ, то о расположении склада, оборудованного Балуюевым лично в одном из погребов для хранения овощей, знали только двое: он сам и бывший хозяин погреба, ныне почивший в бозе, как говорится.

— Любопытно! — пробормотал Василий, меряя Соболева взглядом и прикидывая, может ли он взять его на прием из этого положения.

— Не стоит, — угадал его мысли Матвей, хорошо понимая, что творится сейчас в душе хозяина. — Я вижу, вы пытаетесь составить план атаки, но даже с вашей подготовкой взять меня невозможно. А чтобы вы убедились в этом, вот, почитайте. — Соболев достал из внутреннего кармана безрукавки стопку листов, скрепленных скрепкой, положил на стол рядом с креслом.

— Что это?

— Описание техники смертельного касания.

— Сан-нэн-гороси, что ли? В ниндзюцу это один из способов «гашения обликов».

— В принципе японцы разработали довольно неплохой вариант техники «гашения», но то, что я вручаю вам, разработано миллион лет назад первоплюдьми, которые, чтобы выжить, почти поголовно были воинами. В той жизни, которую я прожил, вы не только ознакомились с этой техникой, но и усовершенствовали ее, создав варианты, один из которых назвали космек, что означает «комбинаторика смертельного касания», а второй — ТУК, то есть «техника усыпляющего касания». От сан-нэн-гороси они отличаются тем, что уколы-касания с передачей энергии наносятся в любую точку тела противника, а не обязательно в точки смерти, и без учета его психических особенностей, телосложения, пола, возраста и времени суток.

— Ерунда, — буркнул Василий, переходя в «состояние Пустоты» — боевое состояние «машины без мыслей». Терять ему было нечего, гость знал столько, что в пору было топиться, а проверить его возможности иным способом не было времени.

Соболев дернул уголком губ, сдерживая улыбку, не желая отвечать на реплику, и в этот момент Василий прыгнул к нему прямо из кресла выгибом вперед, привычно оценивая положение соперника и мгновенно реагируя на его движения. В занятиях рукопашным боем он достиг того уровня мастерства, когда мозг не перебирает конкретные комбинации и заданные приемы, а командует телом спонтанно, на уровне рефлексов, что обуславливает разнообразие и универсальность боевых техник. К тому же Вася владел *темпом*, то есть боевым трансом с измененным психическим состоянием, позволяющим ускорять естественные физиологические реакции. Но как бы быстро он ни действовал, гость двигался еще быстрее.

Удара Василий не заметил и не почувствовал, вполне возможно, его и не было, просто Соболев продемонстрировал прием из арсенала ТУК. Очнулся Балуюев на диване. Рывком сел. Ничего не болело, руки-ноги были на месте, но тело казалось мешком ваты и отказывалось повиноваться.

— Пройдет через пару минут, — раздался голос Соболева, и перед носом Балуюева появился стакан минеральной воды. — Выпей и расслабься.

Вася послушался, а через минуту уже мог соображать, что происходит. Покрутил головой.

— Лихо ты меня!

— Убедил?

— Не знаю... пожалуй. Но мне надо разобраться... освоиться.

— Осваиваясь, только не торопись с выводами. Вопросов появится масса, и на все я отвечу. Встретимся послезавтра, договорим.

— Послезавтра не получится, я сегодня уезжаю. О, черт! — Вася бросил взгляд на часы. — Опоздываю.

— Я на машине, подкину до места. Куда уезжаешь?

— За кудыкины горы, — буркнул Василий, проверяя содержимое сумки, собранной еще на ночь.

— Чечня?

Василий медленно разогнулся, глянул на собеседника сузившимися глазами.

— Ты откуда ... или мы в одной команде?

Соболев покачал головой.

— Мне предлагали, я отказался. Откажись и ты.

— Не могу, я человек военный. Да и уж слишком нагло стали действовать боевики из ЧАС. Слышал о такой «армии»? Начали отстрел по всей России бывших своих врагов. А тут еще писателя убили...

— Я слышал. И все же откажись, это не твой Путь. В конце этого Пути нет ни славы, ни благодарности, только забвение... или ненависть. И сдается мне, вас забрасывают с другой целью, не ради восстановления справедливости.

— А ради чего?

— Ради далеко идущих политических амбиций. Высокая политика всегда была и будет грязью, которую разгребают профессионалы, такие, как мы с тобой. А исполнителями всегда жертвуют в первую очередь.

Василий отвернулся, закрыл сумку.

— Пошли, я готов.

— Не откажешься?

Они вышли из квартиры, спустились вниз, сели в Соболевскую «Таврику», отремонтированную Ильей Муромцем. Еще живым и здоровым. Ответил Балуюев только в машине:

— Ты бы на моем месте тоже не отказался. Да и почему ты уверен, что избранный мною Путь воина — противопоказан мне?

— Два года мы прошли с тобой бок о бок, парень, и ты избрал в конце концов иную дорогу... хотя реализовать замыслы нам не дали.

— Вот видишь. А советуешь мне идти в другую сторону. Какой же Путь ты мне советуешь пройти?

— Ненасилия.

Василий фыркнул.

— Это речь проповедника, а не воина.

— Потому что я знаю, что говорю. Тебе все же придется когда-нибудь выбирать, но лучше бы ты сделал это раньше.

А ты выбрал?

Машина выехала на Волоколамское шоссе, Соболев прибавил скорость, помолчал, потом коротко бросил:

— Да.

Вася покосился на его безмятежное, удивительно спокойное лицо уверенного в себе и уравновешенного человека со светящимися голубизной глазами.

— И что это за Путь, если не секрет?

— Избегающего Опасности.

Вася открыл рот, чтобы пошутить, но еще раз глянул на профиль водителя и передумал. Ему вдруг на мгновение показалось, что они и в самом деле знакомы очень давно.

ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Очередное совещание «полного квадрата» «чистилища» происходило на квартире Дмитрия Васильевича Завьялова, занимавшего пост референта премьер-министра и одновременно кресло координатора «Стопкрима». Четверо комиссаров уже прибыли, ожидали пятого, Тараса Витальевича Горшина, получившего за глаза кличку Граф.

Скусающий комиссар-пять Владимир Эдуардович Боханов, он же президент Центра нетрадиционных технологий, бросил листать журнал, отечественный вариант «Плейбоя», и шумно вздохнул.

— Не начать ли нам, благородные доны? Если Граф задерживается, значит, существует веская причина задержки. А для наших обсуждений он в принципе и не нужен.

— Согласен, — проворчал потеющий Глеб Максимович Музыка, полковник милиции и комиссар-три по рангу «чистилища». — Что в повестке дня?

Горшина он недолюбливал и давно лелеял мечту заменить его своим зятем, главным военным экспертом Комитета по новым военным технологиям при Министерстве обороны.

— В настоящее время мы ведем двадцать четыре бандлика¹, — начал Завьялов, включая компьютер. — Я поработал вчера и разбил все дела на три группы. В первую вошли текущие важняки по госучреждениям: милиция, суды, прокуратура, Госдума. Во вторую — бандитизм и терроризм. В третью — деятельность Купола. Приоритетным конечно является направление на ликвидацию Купола, но в каждой группе есть одно-два наиболее важных дела. В первую очередь рассматриваем столичные проблемы, потом областные и в последнюю очередь общероссийские.

— Я бы сделал исключение, — негромко сказал комиссар-два Герман Довлатович Рыков, занимавший пост начальника информационного бюро Управления «И» ФСБ. Тихий и незаметный, он тем не менее обладал мощной убеждающей силой и настойчивостью, так что иногда казалось, что именно он руководит «Стопкримом», а не Завьялов.

¹ Бандлик (ликвидация бандформирований) — термин, обозначающий любую акцию «чистилища» по пресечению деятельности криминальных группировок.

— Герман, ты меня удивляешь, право слово, — хмыкнул Боханов. — Еще не было случая, чтобы у тебя не появилось особое мнение.

— Пусть говорит, — хладнокровно отнесся к реплике Завьялов.

— Я бы выделил в группу особо важных дел четыре, — продолжал Рыков. — В порядке очередности: «Журналист», «Палач», «Насильник» и «Грязный ствол».

Завьялов вывел на дисплей одно за другим перечисленные дела, и комиссары еще раз перечитали, о чем идет речь.

Дело «Журналист» было заведено на мэра Владивостока Кривошеина, имеющего не только поддержку губернатора края, но и мощное кремлевское прикрытие, не позволяющее довести до конца уголовные дела, связанные с расследованием криминальных деяний чиновников краевой администрации. Суть дела сводилась к следующему.

Молодой девятнадцатилетний журналист Алексей Судаков выступил на радио с критикой мэра, обвинив его в злоупотреблении служебным положением (фактов хватало: от строительства дач и бассейнов за государственный счет до прокручивания государственных же денег в коммерческих структурах). В тот же вечер глава города вызвал журналиста к себе в кабинет и, не выбирая выражений, смешил его с грязью, распорядившись лишить радиостанцию помещения, а Судакову приказав покинуть Владивосток в двадцать четыре часа.

Журналист оказался не робкого десятка, предупреждению не внял, рассказал все своим коллегам и был ночью похищен, как впоследствии оказалось, боевиками из банды Тихона Трюмо по заказу мэра.

Всю ночь парня пытали: поднимали на дыбе, подвешивали за ноги, тушили о тело окурки, загоняли под ногти иголки, паяльной лампой сожгли волосы подмышками и в паху. Требовали, чтобы журналист признал, что сделал передачу по просьбе кандидата в мэры Чуркова и получил за это кругленькую сумму в долларах. Парень признавать ничего не желал и в конце концов его оставили в покое, сбросив в залив, где он едва не утонул.

Дело под названием «Палач» было заведено «чистильщиками» на сотрудников подмосковного ГАИ, застрелившими двух армейских офицеров с их приятельницами. Трагедия произошла вечером в пятницу, одиннадцатого мая. По словам полковника Белякова, командира войсковой части, где служили майор Кучков и капитан Мухин, он отмечал с этими офицерами и их подругами свой день рождения в одном из частных домов в Царицыно. В это время сын Белякова катался по улице на мопеде. Подростка задержали сотрудники ГАИ и отобрали ключи от мопеда. Сын пожаловался отцу. К гаишникам вышел полковник с друзьями-офицерами, естественно, все в штатских костюмах, представился по всей форме, но получил весьма невежливый отказ. Сдержался, хотя и пообещал разобраться с обидчиками сына «повыше». И тогда гаишник-капитан Арутюнов и два его помощника, лейтенант и сержант, начали избивать Белякова. Кучков и Мухин, конечно же, вмешались, драка получилась нешуточная, выбежали женщины, а потом раздались выстрелы. В результате — четверо убитых, двое раненых. Стрелял один человек, а именно капитан Арутюнов, мастер спорта по стрельбе из спортивного пистолета, бывший чемпион Москвы. Вина его следователями «чистилища» была доказана полностью, в то время как следствие, проведенное местным отделением милиции, посчитало действия Арутюнова правомерными:

Следующим делом «чистилища» было расследование действий старшего лейтенанта юстиции, следователя Тамбовского РОВД Бориса Екимова.

Вечером в субботу, двенадцатого мая, в центре Тамбова к трем девушкам подкатали желтые «Жигули». Два изрядно подвыпивших мужика стащили подруг в машину и увезли за город, на «хату». Двум заложницам чудом удалось бежать, что касается третьей... На следствии пятнадцатилетняя девочка рассказала о пытках, которым она подвергалась, но красноречивее звучит заключение судмедэкспертизы. «При осмотре потерпевшей установлены следующие повреждения: закрытая черепно-мозговая травма, ушиб мягких тканей нижней губы, кровоподтеки нижних конечностей, ссадины рук и коленных суставов, кровоподтеки шеи, спины, колото-резаная рана в области правой молочной железы, ссадины слизистой влагалища и ануса, девственная плева нарушена...». Колотую рану нанес девушке, когда ей удалось вырваться, именно главный насильник Борис Екимов. Догнав несчастную, он пропорол ей грудь осколком стекла.

Но самое интересное началось потом. Казалось бы, улики неопровержимы, вина Екимова и его подельника Абалкина доказана, районный суд приговорил обоих по статье 117-3 (групповое изнасилование несовершеннолетней) к пяти годам лишения свободы (минимальный срок по этой статье), однако областной суд отменил решение районного и дал Екимову всего два года, а Григорий Абалкин и вовсе отделался условным наказанием. Свою потрясающую гуманность судьи объяснили симпатией, которую вызвали у них личности подсудимых. Екимов оказался ударником милицейского труда, а Абалкин — единственным сыном главы администрации области.

И четвертым делом, внесенным Рыковым в список особо важных, оказалось расследование деятельности подпольной мастерской по изготовлению, подгонке и «отмывке» оружия. На счету этой мастерской набралось не менее сотни «стволов»: пистолетов, винтовок, автоматов, использованных киллерами для охоты на коммерсантов и строптивцев, отказавшихся сотрудничать с той или иной мафиозной структурой.

— Все это хорошо... — пробормотал Боханов, которого не очень-то впечатляли приведенные сведения, ни масштабом, ни размахом, ни логическим обоснованием. — То есть я хотел сказать, случаи эти в общем-то рядовые...

— А я бы добавил в этот список еще и бандлик по делу Макаревича, — сказал Музыка, меняя платок. — Вообще дела по деткам высокопоставленных начальников следовало бы выделить в отдельную группу бандликов.

— Мне кажется, бандлик Макаревича слишком мелкая акция, чтобы присоединять ее к важнякам, — осторожно возразил Завьялов.

Речь шла об уголовном процессе, недавно законченном в столице муниципальным судом Щукино. История началась еще в прошлом году с того, что компания великовозрастных школьников (шестнадцать-семнадцать лет, десятые-одиннадцатые классы), не принятых в местный детский спортклуб, принялась регулярно бить стекла помещений клуба, забрасывать приходящих туда камнями и грязью, ломать и воровать инвентарь. Руководитель клуба Макаревич, не выдержав систематических издевательств, поймал двух подростков и надавал им оплеух. К его несчастью,

один из хулиганов оказался внуком заместителя начальника ВУД Щукино полковника Романовского. На Макаревича мгновенно завели уголовное дело и передали в муниципальную прокуратуру, где работал брат Романовского. Там оно немного застопорилось, потому что старший помощник прокурора не усмотрел в рукоприкладстве хулиганства, ибо для оплеух имелись серьезные причины. Но прокурор отобрал у него дело, и суд вместо статьи 109 УК — нанесение не опасного для жизни телесного повреждения припаял Евгению Макаревичу статью 206 часть 2: злостное хулиганство, отличающееся исключительным цинизмом и особой дерзостью. В результате директор спортклуба загребел в колонию усиленного режима на три года, а суд дважды не отрегистрировал на кассационные жалобы подсудимого, жаждущего справедливости.

— Конечно, мы должны ответить этой судебной банде, — почесал затылок Боханов, — но не в первую же очередь. Есть дела и поважнее.

— Вы абсолютно правы, Владимир Эдуардович, — раздался вдруг негромкий насмешливый голос, и из угла комнаты шагнул к столу неизвестно как оказавшийся там человек. Тарас Витальевич Горшин собственной персоной.

— Граф! — пробормотал ошеломленный Музыка.

Завьялов тоже вздрогнул, внутренне сжимаясь. Горшин, с виду самый обыкновенный молодой человек — то ли студент, то ли учитель одной из провинциальных школ, всегда проникал на квартиру координатора или в его рабочий кабинет без труда, минуя все запоры и сигнализацию, совершенно незаметно, как бесплотный дух. Впрочем, этот человек много чего умел, что было неподвластно нормальному гражданину, и не власть в мистику, узнав его возможности, было трудно. Завьялов, как и его коллеги, не считая Рыкова, относились к Горшину с уважением и изрядной долей если не страха, то опасения. Все уже признали его силу, проверили в деле и спорить с ним не пытались, он практически всегда был прав.

Лишь Герман Довлатович Рыков, не только комиссар «Стопкрима» и начальник информбюро ФСБ, но и кардинал Союза Десяти Неизвестных, не удивился бесшумному проникновению Графа в запертое помещение, он з н а л, кто такой Горшин и что его подвигло к созданию «чистилища».

— Есть дела гораздо более важные, — продолжал Тарас Витальевич, — чем предлагаемые уважаемым Германом Довлатовичем к исполнению. Например, действия Чеченской армии свободы на территории России вообще и Москвы в частности. Или кража психотронного оружия из секретных военных лабораторий. Не может не тревожить нас, конечно, и растущая мощь Купола, постепенно идущего к созданию СС, то есть Сверхсистемы, объединяющей государственные и мафиозные структуры. Вот почему важнейшими проблемами, на мой взгляд, которыми надо заниматься в первую очередь, являются три. Первая — ликвидация руководства ЧАС, вторая — поиск похищенного оружия и наказание похитителей, и третья — развал Купола, начать который можно с уничтожения его главарей. Не так ли, Герман Довлатович?

Все посмотрели на забывшегося по обыкновению в угол кресла Рыкова. Тот бледно улыбнулся, отлично понимая подтекст вопроса, но отрицать правоту Горшина не стал, тем более что и ему, как одному из кардиналов Союза Десяти, было выгодно устранение нынешнего босса Купола, что способствовало выдвижению на это место еще одной теневой фигу-

ры — Хейно Яановича Носового и сокращению влияния Монарха Тьмы на земную реальность.

— У нас не хватит сил, чтобы заниматься всеми перечисленными проблемами, — сказал Рыков. — Но для того чтобы нас поддерживало население, необходимо все время возбуждать общественный резонанс, что как раз и делают предложенные мной бандлики. В конце концов можно пойти на компромисс, заняться, скажем, поиском оружия и одновременно организовывать акции из моего списка.

Горшин сверкнул глазами, отвернулся и сел в пустующее кресло возле камина. Завьялов смотрел на него вопрошающе, потом опомнился и оглядел сосредоточенные лица остальных комиссаров.

— Что ж, господа, принимаем предложение за основу?

Босс Купола имел около двух десятков квартир, расположенных в разных районах города, не считая таковых по области, а также четыре дачи, три из которых были оформлены на подставных лиц. Обычно он собирал совещания в катране, которым был широко известный элитный клуб «У Шварценеггера», — конспиративная нейтральная территория, где по неписаному закону все встречающиеся не ведут друг против друга никаких войн и хитрых игр — кроме карточных, — но на сей раз Генрих Герхардович пригласил своих «директоров» к себе на дачу в Подмоскowie, расположенную в сорока километрах от столицы по Минскому шоссе.

Руководителей Купола было пятеро: один президент и четверо директоров. Лишь президент Ельшин Генрих Герхардович, молодой, стройный, красивый, с гривой седых волос, сменивший на этом посту прежнего «крестного отца», не имел клички, все звали его Георгием Георгиевичем (в тесном кругу — Жор Жорычем), остальные носили имена по принадлежности к кабинетам, которыми руководили в официальной жизни: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф.

Летчик, бывший заместитель главкома ВВС, работал в Генштабе Министерства обороны, был там вторым лицом и самым молодым генералом, получившим звание еще в возрасте двадцати девяти лет благодаря умению делать карьеру за счет сослуживцев. В Куполе он курировал работу военно-промышленного комплекса, а клан, которым он руководил, контролировал до пятидесяти процентов акций ВПК.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а также — чего никто из его коллег и членов правительства не знал — был главным хавмачманитором мафии, то есть объединял и координировал сеть ее банков.

Мэр, естественно, работал в мэрии столицы и одновременно был главным координатором Купола по связям с другими подобными организациями во всех регионах России, странах СНГ и во всем мире. Его клан контролировал всю торговлю в Москве и ряде крупных городов страны, кроме разве что торговли наркотиками, которую контролировала юго-западная группировка — чечено-таджикско-узбекская мафия.

Шериф, будучи «шпилевым генералом», — куратором работы силовых министерств и ведомств, — добрался до генеральной прокуратуры, а посему имел особый статус дженерози — генерала внутренней безопасности, то есть второго лица в Куполе, хотя с недавних пор явно метил в первые. К тому же он опирался на такую мощную фигуру в официальных кру-

гах, как начальник информационной службы президента Хейно Янович Носовой, так же видевший себя директором.

Все они были разными по возрасту, опыту, характеру, физическим силам и складу ума, но сходились в одном — в жажде власти.

— Пора, господа, заняться чисткой конюшен, — весело начал Георгий Георгиевич, одетый по-домашнему в спортивный костюм; остальные никогда себе этого не позволяли, одеваясь в темные костюмы с галстуками, привыкшие к этой форме одежды и даже дома редко ее снимавшие. — Нам начинает активно мешать «чистилище», вознамерившееся пошерстить наши ряды, а также подняли головы некоторые депутаты Думы, ошибочно полагающие, что они бессмертны и неуязвимы. Кроме того, начинают раздражать и досаждают чеченцы со своими «акциями во имя Аллаха», в результате чего активизируются правоохранительные органы, а нам приходится лавировать и притормаживать свою деятельность. Надо охладить кое-какие горячие чеченские головы, а если получится — взять их сектор под свой контроль.

— Вряд ли получится, — проворчал Шериф, уже не раз сталкивающийся с хорошо организованной разведкой и системой безопасности чеченской группировки.

— Кое-что изменилось в лучшую сторону, — сверкнул зубами Георгий Георгиевич. — Контора, я имею в виду ФСБ, решила послать в Чечню группу перехвата для ликвидации боевиков, сделавших рейд по России и уничтоживших трех офицеров спецназа и известного писателя Кожемякина. Мы можем под этот шумок приговорить кое-кого из конкурентов как в «чистилище», так и в наркобизнесе.

— Кого именно? — любопытствовал Шериф.

— Все удачи «Стопкрима» — результат деятельности его секьюрити во главе с неким Тарасом Горшиным по кличке Граф. Его надо убрать в первую очередь. Ну а имена главных наших конкурентов из южной группировки вы и без меня знаете.

— И как же мы их достанем? — с иронией осведомился Мэр.

— Очень просто, — снова показал великолепные зубы президент Купола. — Натравим на них «чистилище».

— Это несерьезно, — проворчал Банкир.

— Очень даже серьезно. Вот мой план. — И Георгий Георгиевич, он же Генрих Герхардович Ельшин, генерал ФСБ, развернул перед директорами план воздействия на мешающие структуры, подсказанные ему консультантом, о существовании которого знали лишь немногие люди на Земле.

Они редко собирались вместе, имея возможность установить друг с другом связь из любой точки земного шара, где бы кто из них ни находился. Однако все же случались ситуации, требующие общего обсуждения и принятия решения, и тогда координатор Союза Девяти Неизвестных собирал их в своей резиденции, в храме Гаутамы на Алтае, где он жил уже три сотни лет.

Люди, входящие в состав Союзов Неизвестных, при всех режимах и правительствах ухитрялись сохранять кресла советников президентов, помощников премьер-министров, приближенных царей и королей, экспертов разного калибра.

Эти люди являли собой реальные правительства стран, о существова-

нии которых не догадывались даже такие специальные структуры, как федеральные агентства безопасности, внешняя разведка и контрразведка, имеющие высокопрофессиональные бюро анализа и сбора информации, если только в них не работали сами Неизвестные, что случалось частенько. Если же кто и начинал догадываться о теневой деятельности известных политических фигур об ином порядке вещей, то в скором времени исчезал с властного горизонта, уходил в отставку, переводился на другую работу, а то и вообще «случайно» погибал в авто- или авиакатастрофе.

Кардиналы Союзов Неизвестных влияли на любые серьезные события в мире, хотя непосредственно в них и не участвовали. Они предпочитали управлять королями, царями и президентами, а не быть ими. Эти люди корректировали ход истории так, как считали нужным, и власть их была велика, хотя и ограничена: в первую очередь законами «запрещенной реальности», во вторую — иерархиями, выходящими из этой самой реальности. И все же кардиналы Союзов Неизвестных, Посвященные в тайны Внутреннего Круга человечества, так давно влияли на жизнь Земли, что стали считать себя едва ли не богами. Психика их изменилась (не без влияния просачиваний в наш мир «проекций» Монарха Тьмы, «отца» человечества, задумавшего новое Изменение), и вместо сохранения информации и контроля над опасными знаниями они стали контролировать быт и социум, подгоняя его под свои вкусы и пристрастия. В результате войны на планете стали происходить все чаще, масштаб их вырос, а жестокость, доходящая до садизма отдельных сражающихся сторон, перешла все допустимые границы. Ибо все чаще начали сталкиваться *интересы* Союзов, вдруг почувствовавших тягу к абсолютной власти.

Не стал исключением среди них и Союз Девяти Неизвестных, допустивший распад империи СССР (тогда он был Союзом Девятнадцати Неизвестных), а ныне правивший Россией. Входили в него уже упомянутый нами Рыков, координатор Союза Бабуу-Сэнгэ — настоятель храма Гаутамы, Головань — заместитель директора Международного института стратегических исследований, Мурашов — секретарь Совета безопасности, главный военный эксперт при правительстве, Юрьев — советник президента по национальной безопасности, Блохинцев — член-корреспондент Академии наук (проживал в Новосибирске), Носовой — начальник информслужбы президента, Грушин — директор Национального банка и отец Мефодий — помощник премьера по связям с религиозными концессиями и Православной Церковью (жил в Ярославле).

Все они собрались в этот ясный майский вечер сначала во внутреннем дворе храма Гаутамы, олицетворявшим его третий уровень, недоступный даже монахам, а потом в келье настоятеля, оборудованной по последнему слову охранно-сигнализирующей техники.

Бабуу-Сэнгэ, удивительно похожий на Будду, чьи скульптуры украшали все покои храма и сторожили четыре угла кельи, меднолицый, желтоглазый, бесстрастный, поднял руку с медальоном, на котором были выгравированы Конгокай и Тайдзокай-мандалы, и сказал негромко, сразу переходя на метазык:

— Начнем, братья. Собрал я вас по нескольким причинам, достаточно тревожным в отдельности. Начну с более мелких. Мне стало известно, что некие силы, заинтересованные в дестабилизации социума, похитили из военной лаборатории образцы психотронного оружия под названиями

«Удав» и «Пламя». Не стоило бы заострять на этом внимание, если бы не одно обстоятельство: в этом деле замешан кто-то из иерархов. Через посредника, естественно, коим является генерал Федеральной службы безопасности Ельшин. Вам что-нибудь известно об этом, Герман Довлатович? — Взгляд Бабуу-Сэнгэ нашел Рыкова.

— Известно, координатор, — склонил голову Рыков. — Я занимаюсь этим делом и готов предотвратить готовящуюся сделку. Являясь боссом Купола, который давно следовало бы взять под свой полный контроль, Ельшин намерен продать зарубежным покупателям не только партию похищенного оружия, но и технологию его изготовления, что по вполне понятным причинам недопустимо.

— Хорошо, что вы это понимаете. Главная опасность при этом — возможность прямого зомбирования людей, особенно, если «глушаки» и «болевики» попадут к вождям варварских режимов типа Чечни, Афганистана и некоторых африканских стран. Вторая причина созыва — поиск Знаний Бездн непосвященным по имени Матвей Соболев. Неизвестно, каким образом он овладел трансовым перемещением сознания по мировой линии предков в прошлое и «колеблет» мироздание, и так не вполне устойчивое. Кто займется переводом с помощью непосвященного?

— Если позволите — я, координатор, — учтиво проговорил Рыков.

— У вас достаточно своих проблем, Герман Довлатович. Может быть, это сделаете вы, Юрий Венедиктович?

Советник президента коротко поклонился, бросив на Рыкова ничего не выражающий взгляд. Но Герман Довлатович понял настоятеля. Именно Юрьева готовил Бабуу-Сэнгэ себе в преемники, а этого допустить Рыков не мог.

— И третье, особенно тревожное. Братья, как авеша адепта, я посвящен в кое-какие дела «розы реальностей» и получил оттуда странный слух.

— Слух?! — недоуменно проговорил кто-то в тишине кельи.

— Иначе назвать эту информацию нельзя, потому что ее невозможно проверить. Там, *наверху*, растет недовольство деятельностью инфарха, якобы бы покровительствующего простому смертному из нашей реальности...

— Это мы знаем, — раздался тот же голос, принадлежащий самому нетерпеливому из кардиналов — Блохинцеву. — Это не слух, я имею в виду — недовольство.

— Вы не дослушали, — мягко пожурил его настоятель. — Слух же заключается в том, что якобы произошло и з м е н е н и е.

В келье наступила полная тишина. Затем раздался шорох одежды присутствующих и снова — тишина.

— У них? — задал вопрос Головань. — Где произошло и з м е н е н и е?

— У нас!

Слово прозвучало, как пощечина, и после него тишина длилась дольше.

— Чушь! — сердито сказал Блохинцев. — Мы бы почувствовали.

— И все же прошу вас проанализировать сказанное, — бесстрастно сказал Бабуу-Сэнгэ. — Что-то действительно произошло, какое-то значительное событие, незамеченное нашим сознанием, и есть основание полагать, что с л у х этот — данность! Ведь исчез же из часовни на территории Троице-Сергиевой лавры эйнсоф...

Взгляды восьми кардиналов красноречиво говорили об их изумлении и недоверии, и координатор Союза добавил задумчиво:

— Такое впечатление, что в нашей реальности появилась сила, с которой придется считаться...

После совещания Рыков отозвал во дворе храма в сторонку Юрьева и сказал без обиняков:

— Юрий Венедиктович, о т д а й мне Соболева. Я давно за ним наблюдаю, это ганфайтер из военной контрразведки, и он мне был нужен для замены одного комиссара в «чистилище». Я поработаю с ним и, если не склоню к сотрудничеству, верну обратно.

— Бабуу не одобрит эту передачу, — хмыкнул советник президента, плотно сбитый, с породистым крупным лицом, с длинными волосами. — А кого ты хочешь убраться, уж не Графа ли?

Рыков растянул в улыбке бледные губы, не удивляясь осведомленности Юрьева. Каждый из них имел свою *систему* разведки и сбора данных и каждый защищал свои интересы, что не мешало кардиналам, в официальной жизни страны стоящим по разные стороны баррикад, делать общее дело.

— Ну, так как?

— Действуй, — пожал плечами Юрьев. — Но в обмен сообщу, когда найдешь «глушаки», и отложи для меня парочку. Коль уж не повезло найти нечто подобное среди Великих Вещей Инсектов, пусть хоть эти штучки будут в нашем арсенале.

Рыков кивнул, не рискуя ничем. Он не собирался выполнять обещание, данное о б р е ч е н н о м у человеку.

НОВЫЕ «СТАРЫЕ» ВСТРЕЧИ

Не секрет, что акулы никогда не болеют. Не секрет, почему не болеют: потому что владеют эндогенным дыханием. Акула использует в основном кислород, вырабатываемый клетками ее же собственного тела.

Матвей давно научился «акульему дыханию», еще в студенческие годы приобрел тренажер Фролова для этого, в нынешнее же время каждое утро по полчаса дышал, «как акула», что вошло в норму и заряжало тело энергией чуть ли ни на весь день.

В девять ему позвонил сам начальник «Смерша» и велел явиться к обеду на «объект номер два», что означало конспиративную квартиру, снимаемую Ивакиным. Но до того как отправиться на встречу с начальством, Матвею пришлось разбираться с соседкой, сына которой избили местные дворовые хулиганы.

Парню досталось крепко: сломали челюсть, пробили голову, наставили кровоподтеков по всему телу — и все из-за того, что не дал закурить. Знал он и тех, кто его бил, поэтому в милицию заявлять не стал, боялся, что убьют или напугают мать.

Матвей узнал эту историю случайно, от соседа по лестничной площадке, пенсионера, зашедшего за спичками. Сначала пропустил информацию мимо ушей, а потом, встретив заплаканную, тихую, как мышка, сиденькую, хотя и молодую еще, женщину, пожалел вдруг, разговорился, едва не испугав соседку, привыкшую переносить горе и лишения самостоятельно, без мужа, и решил помочь. Побеседовал с сыном, которого звали Алексеем, выяснил обстоятельства драки и твердо пообещал, что никто никогда его больше и пальцем не тронет.

Зачинщиков драки он вычислил легко: компания с утра тусовалась возле пивного бара напротив дома, где жили Соболев и мать с ее незадачливым сыном. Матвей подошел и вежливо проговорил, обращаясь сразу ко всем:

— Привет, фраера. Запомните твердо и на всю жизнь: пить — вредно! Буяннить — некрасиво! Задирать прохожих, а тем более избивать их — особо опасно для жизни! Как поняли?

Обалдевшие «фраера» с пивными кружками в руках вытаращились на незнакомца, чьи глаза светились ледяной синью, как небо над Северным полюсом. Наконец главарь шайки, широкий, как комод, чуть пониже Соболева, но шире в талии, с мощным животом и руками-лопатами, прохрипел:

— Бля, кажись, крыша поехала у мудака! Чума, выясни, чо ему надо, да врежь по еб... у!

Мослатый Чума с гривой нечесаных волос шагнул к Матвею и остановился, споткнувшись, поймав его отрешенно-независимый отталкивающий взгляд.

— Эй, тебе чего надо, сопля х... ва?

Там, где начинается свобода слова, свобода мысли заканчивается, вспомнил Матвей изречение Максимилиана Волошина.

— Я знаю, что это вы вчера избили парня из двенадцатой квартиры, Алексея. Знаю также, что брат этого косопузого мордоворота — твоего атамана — работает в милиции, от того он и не боится ничего. А хочу я одного — чтобы вы уяснили закон: все, что вы сделаете, вернется вам вдвойне.

Чума нерешительно обернулся к битюгу-атаману, и тот наконец понял, что ему угрожают. Сделал вразвалочку два шага к Соболеву, замахнулся кружкой, облив своих приятелей, и Матвей дружески помог ему мягко сесть на бордюр тротуара с выражением тупого изумления на лице.

Прохожие, опасливо обходившие пивохлебов, не заметили ни удара, ни вообще какого-либо движения Матвея, как, впрочем, и вся компания. Однако соображали любители повеселиться быстро, тем более что Матвей одновременно с усыпляющим касанием передал атаману и всей его пятерке кодирующий раппорт, воспринятый ими на подсознательном уровне, не затуманенном алкоголем в отличие от сознания. С этого момента их должна была коробить, угнетать одна только мысль о нанесении вреда мирным гражданам.

Убедившись, что мыслепередача принята компанией вполне лапидарно, Матвей перестал ею интересоваться и исчез — для всех медленно приходящих в себя «адептов пива и зрелищ». Для них он как бы перестал существовать.

В двенадцать часов дня Соболев был на квартире у Ивакина, где его ждали руководители военной контрразведки, полковник и генерал. Оба не услышали, как он вошел, и теперь с одинаковым выражением недоверия на лицах взирали на возникшего в комнате ганфайтера. Первым опомнился Дикой:

— Это и есть ваш агент класса «абсолют», Борис Иванович? Впечатляет, надо признаться. Или вы отключили сигнализацию?

— Ничего я не отключал, — встал из-за стола Ивакин. — Просто он обучен таким трюкам — проникать в любое хранилище с любой системой охраны.

Генерал хмыкнул, тоже встал, разглядывая худощавое, спокойное,

исключительно у равновешенное лицо Соболева. Шагнул к нему и протянутой для рукопожатия рукой и вдруг без подготовки нанес серию резких быстрых ударов в стиле пангай-нун: кулак левой руки — локоть — обратное движение — хлесткий удар тыльной стороной ладони — ребро правой руки — локоть. Такая серия обычно приводит противника в растерянность, и добить его можно любым силовым тычком в одну из уязвимых точек тела. Однако ни один удар Валентина Анатольевича не прошел, даже не коснулся контрразведчика, хотя он, как казалось со стороны, не двинулся с места.

— Эффектно, — снова проговорил Дикой, с улыбкой поднимая руки вверх. — Все, проверка окончена. Прошу извинить, капитан. Но когда мне говорят, агент класса «супер» или «абсолют», я начинаю сомневаться даже в себе. Теперь вижу, что Борис Иванович прав. Но все же позволю вопрос: откуда у вас информация по «Щиту» и Ельшину?

— Если я скажу правду, — выдержал взгляд генерала Матвей, — вы не поверите. Проанализируйте данные, и придете к выводу полной логичности предположений.

— Уже проанализировал, — вздохнул Дикой, жестом предлагая Матвею занять место за столом. — Но вы же понимаете, что если мы пойдем дальше, нас просто сомнут. Первухин тоже замазан в этом дерьме?

— Начальник УСО — профессионал и делает то, что ему приказывают. Но с Ельшиным в паре он работает только по операции «Перехват».

— Гора с плеч! А Панов... э-э, знает о втором дне Генриха Герхардовича? О Куполе?

— Не знает. Он просто пытается быть на д проблемой, однако приказы премьера сводят на нет все его благие намерения. В наше время почти каждый политик, депутат Госдумы, представляет собой систему, имеющую собственную базу, финансовую поддержку, крышу, связи с мафией, что уж тогда говорить о таких мощных фигурах, как премьер-министр, президент, министры обороны и МВД, финансов. И тем не менее в стране образовались коалиции, конкурирующие сверхсистемы, претендующие на абсолютную власть.

— Ну-ну, — благожелательно кивнул Дикой, видя, что Матвей замолчал, в то время как тот думал, посвящать ли генерала в разборки, из которых он наверняка не выйдет живым. Однако, помня прошлые события, Матвей не мог не предупредить начальника ВКР об опасности, хотя и не верил в его возможности изменить ни события в стране, ни свою собственную судьбу.

— Недавно я сделал один статистический анализ, — сказал Матвей, — для своих нужд. Статистика становится опасной наукой, ибо действительно знает все.

Ивакин и Дикой переглянулись, не понимая, к чему клонит контрразведчик.

— И вот мои наблюдения, — продолжал Матвей, не обращая внимания на взгляды. — Ситуация у нас в стране и за рубежом складывается весьма неблагоприятная, начались явные дисбалансирующие социум процессы. Все больше производится оружия, причем появляются новые виды, более страшные, воздействующие на психику и подсознание человека — «глушаки», «болевики», гипногенераторы «оборотень» в США. Сдерживающие рычаги этого процесса явно ослабли. Далее. Совершается все боль-

ше преступлений с особой жестокостью, и особенно — террористических актов. В мире все больше умирает людей, рост смертности особенно заметен у нас, в России, и в Китае, там цифры более впечатляющи из-за огромности населения. Все больше регистрируется голодных, умирающих от эпидемий, да и количество болезней увеличивается, особенно в области психопатологии. Стремительно растет число наркоманов, идет разработка новых видов наркотиков, в том числе и в системе видеопроката — так называемые «эйдетические клипы виртуальной реальности». Вы должны знать о работе военных лабораторий в этом направлении. Как и о положительных результатах в области зомбирования людей.

Полковник и генерал снова переглянулись.

— А самое плохое, — закончил ровным голосом Матвей, — что, судя по результатам опросов МИСИ¹, в мире все больше образуется людей равнодушных, готовых на все или отрицающих всякую добродетель, всякую мораль. Это лучший материал для зомбирования в массовом порядке, что можно использовать для достижения любого уровня власти.

— К чему вы клоните, капитан? — тихо спросил Дикой.

— Делайте выводы, — сочувственно глянул на него Матвей. — Я свои сделал. Чеченская армия свободы, с которой мы столкнулись, всего лишь результат прежних экспериментов по зомбированию людей, начатых еще во времена КГБ с «Белым братством», другими религиозными и общественными движениями. Наши вожди надеялись, что секретность разработок позволяет им действовать безнаказанно, и только для своей пользы, но это заблуждение. Технологией психотронного воздействия на людей не может завладеть рядовой человек, но специально подготовленный и знающий — может. Что и происходит.

Матвей замолчал, и некоторое время в комнате стояла тишина. Ивакин помял подбородок, покосился на задумавшегося Валентина Анатольевича. Тот встряхнул головой.

— И все же я пока не улавливаю...

— Хочу вас предупредить еще и вот о чем, — добавил Матвей. — Генерал Ельшин и сам игрок не слабый, но он опирается на гораздо более мощную фигуру, которую я назвал бы Монархом Тьмы.

— Кто же это? — поднял брови Дикой. — Министр обороны? Премьер? Сам президент?

— Нет, — качнул головой Матвей. — Эти фигуры организуют наш, земной властный уровень, но существуют и другие уровни, возможности которых намного выше.

— Неземные, что ли? — с иронией пробурчал Ивакин, не ожидавший от подчиненного подобных философских речей и не знавший, как отнесется к ним генерал.

— Неземной, — серьезно посмотрел на него Матвей. — Я мог бы кое-что рассказать вам о том, с чем и с кем вы столкнетесь, но вы не подготовлены и не поверите, а мистиком и фантазером в ваших глазах я выглядеть не хочу.

— А вы попробуйте, капитан.

— Нет, — твердо сказал Матвей. — Не сегодня, во всяком случае. Я могу быть свободен?

¹ МИСИ — Международный институт стратегических исследований.

Дикой кивнул, потом спохватился, когда Матвей вышел в прихожую, догнал его у двери.

— Вы заинтриговали меня, капитан...э-э, Соболев. Напустили мистического тумана, сделали совершенно двусмысленные намеки... Откуда у вас эти знания? В какие тайны вы посвящены и кем?

— Когда-нибудь узнаете, генерал, — улыбнулся Матвей, процитировал:

Как будто сам Бог у меня за спиной
(Треножник из бронзы украсила вязь),
Он водит моею дрожащей рукою,
Небес и земли повелитель и князь.

— Чье это? — сощурился Валентин Анатольевич.

— Мишель Нострадамус, Центурия I.

— Постойте еще секунду, капитан. Если мы... если я пойду дальше и возникнет необходимость перехвата высокопоставленных лиц...

— Я военный человек, — вспомнил Матвей слова Васи Балужева, — я выполняю приказ.

Оставив переполненных эмоциями начальников обсуждать услышанное, он поехал к Илье Шимуку по кличке Муромец. Приближался момент, когда к нему должны были заявиться рэкетеры Дадоева с требованием платы за «крышу». Илью надо было предупредить и уберечь. На том этапе жизни, который прошел Соболев, Муромца убили. В этой жизни Матвей поклялся его спасти.

Однако автомастерская Ильи оказалась закрытой. Предчувствуя недоброе, Матвей расспросил двух водителей, имевших поблизости гаражи, и выяснил, что на владельца мастерской «наехала» местная «братва», в результате чего Илья оказался в больнице с простреленным плечом.

Задав порыв сразу броситься в больницу к Муромцу, Матвей присел на ящик возле ворот гаража и задумался. Он отлично помнил все даты в прошлой жизни, когда происходили те или иные события. Дадоевцы не должны появиться у Ильи так рано, а если это произошло, значит, сценарий ныннешней событийной ветви развивается почему-то иными темпами, выходит, процесс ускоряется, и действовать надо быстрее, как и предупреждала Светлана в недавнем сне. Значит, его возврат в прошлое с помощью эйнсофа имеет и другую цену: начался процесс еще большего ослабления Закона возмездия, частного случая Закона обратной связи.

Анализ социума...

«Проанализируйте, — сказала Светлана, — и вы поймете...»

Нужны подтверждения независимых экспертов. Он сам слишком сильно влияет на события, заставляя их происходить быстрее и другим путем. Вселенная помнит свое будущее и как бы сопротивляется попыткам изменить ход событий, кто бы этим ни занимался. Стоит ему задеть какой-то объект своим вниманием, и тот начинает эволюционировать в ускоренном темпе, как бы стремясь избавиться от опеки, повторить путь, уже пройденный им однажды, восстановить *свою* карму...

Или это не так, все проще? Скажем, время в «розе реальностей» течет иначе, и живущие там почти независимы от тех, кто «шевелится» в «запрещенной реальности», даже если они изменяют течение бытия? Тогда иерархи могут знать, что произошло, и продолжают влиять на события земной жизни...

Матвей обошел гараж Ильи, всматриваясь в землю, кусты и траву, подобрал маленький черный с золотом значок — свастику с глазком по центру, — спрятал в карман. Несомненно, значок потеряли впопыхах боевики Дадоева. Но два года назад — Матвей помнил это совершенно отчетливо — бандиты Дадоева не носили значки в виде свастики. Им хватало татуировки на руках.

Через полчаса Матвей навестил Илью, завез ему гору фруктов, кефир, молоко, кучу разнообразных йогуртов, зная его пристрастие, поговорил с другом, подбодрил и уехал немного успокоенный. По словам Муромца, все происходило так же, как и в первый раз, за исключением одной существенной детали: рэкетеры пришли не предупреждать о своих намерениях брать дань с владельца мастерской, а совсем по другой причине. С неделю назад в «семерку» Ильи на полном ходу врезался, будучи в сильном подпитии, лично Дадоев на своем «фольксвагене». Угробил машины, конечно, начисто, и свою и чужую. А когда Илья приехал в ГАИ, как потерпевший, чтобы составить протокол и получить компенсацию от обидчика, там ему популярно объяснили, что искать правду не стоит, а если он полезет на уважаемого гражданина, то окажется виновником столкновения со всеми вытекающими последствиями.

Илья, естественно, не внял наглому предупреждению, сам нашел обидчика, вежливо предложил разойтись по-доброму, то есть заплатить за причиненный ущерб. Дадоев так же вежливо пообещал, а потом к Илье и заявили его крутые мальчишки-лакеи...

«Все это дурно пахнет», — подумал Матвей, вслух говоря Илье ободряющие слова.

И все же, пока Илья находился в больнице, у Соболева был некоторый запас времени на изменение предложенного ему сценария событий. Следовало срочно собирать команду Посвященных, еще не знавших, что ждет их впереди.

После обеда Матвей поехал к Казанскому вокзалу, на Ольховскую, 5 «а», квартира 42, где проживала бабушка Мария Денисовна с внуком Стасом.

За два истекших года прежней жизни парень стал Соболеву почти сыном, и встречи этой он сам ждал с нетерпением и волнением, не зная, как воспримет мальчишка появление чужого дяди. Хотя легенду Матвей приготавливал заранее: мол, знаком с отцом (кстати, отсидживающим срок в колонии за воровство).

Дверь открыла старушка, ничуть не изменившаяся с того момента, когда Матвей познакомился с ней впервые. Впрочем, она и не могла измениться, до этого момента Соболев для нее не существовал и никаких крутых поворотов судьбы она не ждала. Чем-то она напоминала бабушку Кристины, такую же сухонькую, светленькую, с добрым морщинистым лицом и прозрачными мудрыми глазами.

— Вам кого, мил человек?

— Вас, Мария Денисовна, — стесненно проговорил Матвей. — Я знаком с отцом Стаса и приехал вас навестить. Передачу вот принес. — Он вытянул вперед руку с пластиковой сумкой, набитой продуктами. — А Стас дома?

— Уроки делает. Да вы заходите, — засуетилась старушка, впуская гостя. — Снимайте обувь, вот тапки, и проходите. — Спихватилась. — Ой, зовут-то вас как?

— Матвей Соболев... э-э, Матвей Фомич.

Матвей прошел в чистую и светлую гостиную со старинной мебелью, стареньким телевизором «Горизонт» в углу на табурете. Стас сидел за столом у окна с карандашом в руке и исподлобья смотрел на вошедшего. Несмотря на сколько долгих мгновений они смотрели друг на друга. У Матвея вдруг перехватило дыхание, сердце дало сбой, повлажнели глаза. Видимо, мальчик уловил его состояние, хотя и не понял, чем оно вызвано. Глаза его стали большими, вопрошающе ждущими и одновременно испуганными. Матвею захотелось броситься к нему, прижать вихрастую голову к груди и заплакать. Проглотив ком в горле, он шагнул вперед, к столу, вбирая глазами лицо парня, чей образ снился ему чуть ли не каждую ночь после возвращения из той жизни.

— Стас... — Голос дрогнул, и Матвей повторил чуть тише и с улыбкой: — Стас, если бы ты знал, как я ждал этой встречи...

Мальчишка сполз со стула и стоял теперь, опираясь на здоровую ногу, недоверчиво глядя на незнакомого дядю, явно взволнованного встречей. И тогда Матвей добавил, продолжая улыбаться через силу:

— А ногу твою мы вылечим. Скоро. Верить? Я знаю одного хирурга, замечательный мужик! Будешь бегать и прыгать.

— Правда?! — Глаза мальчишки распахнулись еще больше, и плавилась в них такая боль и надежда, что сердце Матвея снова дало сбой.

Он опустился перед ним на колени, поражаясь самому себе — такого с ним никогда не было! — и обнял вдруг подавшееся к нему худенькое тело. Мария Денисовна появилась на пороге, блестя сухими глазами, и смотрела на гостя странно, с пониманием и верой, будто знала что-то, чего знать не могла.

Потом они пили чай на кухне, болтали о том о сем. Стас, придя в себя, развеселившись, отчего его худое, остренькое, серьезное лицо совершенно преобразилось, рассказывал им разные школьные истории. Мария Денисовна поделилась с гостем своими житейскими проблемами, а Матвей слушал и ощущал себя, как дома, почти как в прежние времена. Только грызла душу память о прошедшем да тревога за судьбу близких людей, которым соприкосновение с «волкодавом»-перехватчиком грозило непредсказуемыми последствиями.

Уходя, Матвей подарил Стасу складной нож, мечту каждого двенадцатилетнего мальчишки, чем окончательно завоевал его сердце, истосковавшееся по вниманию и мужской ласке.

В Рязань Матвей выехал в начале пятого дня, взяв с собой лишь комплект одежды для смены и переодевания. Проехал Бронницы, Никитское, а у Андреевки пришлось свернуть с трассы на объездную грунтовую дорогу из-за ремонта шоссе. И тут Матвею впервые пришлось столкнуться с так называемым «мостовым рэкетом».

Перед мостом через небольшую речку с двух сторон были установлены шлагбаумы, и рослые молодцы в темно-зеленом хэбэшном обмундировании пропускали машины через мост только после оплаты водителями строго отмеренной таксы: один человек в машине (не взирая на пол, возраст и профессию) — пять тысяч рублей.

Матвей сначала не понял, почему у моста выстроилась очередь автомашин, ситуацию прояснил водитель впереди стоящего грузового «ЗИЛа».

— Местный рэкет. Объявили мост частным владением и берут мзду с каждого проезжающего. А мосту сто лет в обед. Куда только милиция смотрит?

Матвей знал, куда смотрит милиция, получавшая от государства гроши, и потому не только научившаяся брать недостающее у бандитов, но и отрабатывать свои тридцать сребреников.

— Представляешь, сколько здесь проезжает машин за день? — продолжал пожилой шофер, зло сплюнув в пыль.

Матвей представлял.

— И ремонт шоссе — тоже их придумка, наверно, — добавил шофер, чье темное худое лицо явно не говорило о семейном достатке. — А если приходится мотаться туда-сюда сорок раз на дню?

Матвей прикинул, во что мужику обходится езда по «частному» мосту, сел в кабину.

— Пропусти-ка меня вперед, может, и не придется платить.

Подъехав к пикету — трое здоровенных лбов, вооруженных дубинками, небрежно регулировали движение, то опуская, то поднимая полосатый шлагбаум, — Матвей вылез из машины, и вместо того чтобы отдать деньги в протянутую руку, легонько коснулся ладони подушечками пальцев. «Таможенник» с тяжелым набрякшим лицом мгновенно окосел, и Матвей тихо спросил, глядя в его побелевшие глазки-буравчики:

— Кто здесь командует парадом?

— Секач, — просипел парень, кивая на мордovorота у шлагбаума, разговаривающего по мобильному телефону с видом босса всея округи.

Покрутив головой — надо же, и сюда пришла цивилизация в виде сотовой связи! — Матвей подошел к здоровяку, коснулся его шеи пальцами и сказал, подхватывая под руку, чтобы тот не упал:

— Снимай свои наряды и кончай эту самодеятельность. С этого дня здесь устанавливается свободная неэкономическая зона. Понял?

Третий «таможенник», поигрывающий дубинкой, почувствовал что-то неладное, двинулся к Матвею, лапая рукой что-то под курткой слева, где у него, очевидно, был спрятан пистолет, и Соболеву пришлось напрячься, чтобы передать ему раппорт на расстоянии, внушая мысль бросить эту работу к чертовой матери и наняться в село трактористом.

— Мне босс голову открутит, — вяло пробубнил могучий телом Секач. — Кто приказал снять рогатку? Менты?

— «Чистилище», — сказал Матвей, загоня в сознание бугая страх расплаты. — Объясни боссу популярно, что его здоровье под ба-альшим сомнением. Командуй. — Соболев похлопал сомлевшего окончательно «командира поста» по плечу и сказал знакомому шоферу «ЗИЛа», глядевшему на него с вытаращенными глазами: — Таможня дает добро. Можешь теперь ездить свободно.

Вскоре мост с его «охранниками» остался позади, и Матвей забыл об инциденте, сосредоточившись на будущих встречах с Посвященными. Сначала он решил было навестить Ивана Терентьевича Парамонова, по расчету недавно прибывшего в Рязань, но потом вспомнил прощальный взгляд Ульяны, когда они прорывались с боем к надкладезной часовне Троице-Сергиевой лавры, сердце защемило, и Матвей свернул при въезде в Рязань не направо, где жили родственники Парамонова, а налево, в новый микрорайон, где у тетки жила Ульяна Митина, студентка третьего курса медицинского института и она же — Посвященная I ступени Внутреннего Круга, еще не ведавшая, с кем ей придется познакомиться.

«ЛЕТУЧИЕ МЫШИ»

Их доставили в Дагестанский городок Кизилпорт военным транспортником, ночью, в обстановке полной секретности. Кого везет, не знал даже командир самолета, привыкший, впрочем, к подобного рода «черным полетам».

Здесь к ним присоединились двое: проводник-чеченец, отзывающийся голько на слово «брат», и человек полковника Дерюгина, возглавлявшего местное отделение ФСБ. Человек был инструктором, хорошо знавшим условия работы и местные обычаи, и оказался женщиной. Семеро перехватчиков, подчинявшихся майору Ибрагимову, устроившихся в каком-то бараке на краю летного поля, молча смотрели на высокую блондинку в камуфляж-комбинезоне, также молча разглядывающую их.

— Кажется, нам повезло, Кир, — ухмыльнулся его напарник по имени Тамерлан; с другой стороны, это могла быть и кличка, Василий этих своих спутников знал мало. — Будет с кем погреться ночью.

— Сопляк, — был негромкий ответ инструктора, — поживешь здесь с полгода, тогда и решим, стоит ли с тобой греться.

Смуглолицый, красивый, сильный Тамерлан растянул в улыбке губы, собираясь продолжать в том же духе, но встретил предупреждающий взгляд Ибрагимова и промолчал, хотя было видно, что он привык считать себя независимым и неуязвимым.

Эта пара — Кир и Тамерлан нравилась Василию меньше всего, потому что они были из «Стикса», суперсекретного подразделения киллхантеров, «охотников за охотниками», которым командовал майор Ибрагимов. В принципе и сам майор был малосимпатичен Балуюеву, и второй человек в отряде — майор Шмель по кличке Белый. Лишь приданные отряду генералом Первухиным парни из особой группы «летучих мышей», специалистов по ликвидации перебежчиков и первостепенной важности операциям за рубежом, не производили на Василия отталкивающего впечатления. Звали ребят, в меру накачанных, но жилистых, гибко-стремительных и бесшумных, Павел и Серый, то есть Сергей, но отзывались они и на клички — Шерхан и Маугли. Рыжеватый Шерхан-Паша действительно чем-то походил на сытого тигра, а Маугли-Серый — на вечно голодного, черноволосого, остролицего сына джунглей Маугли, каким его описал Киплинг.

Когда инструктор закончила свой долгий часовой рассказ, ответила на вопросы и вышла, Ибрагимов наставил на скупающего Тамерлана палец и с тихим нажимом сказал:

— Она не женщина, парень! Понял? Никаких телодвижений и даже намеков. Она действительно прожила в Чечне три года, будучи разведчиком, перенесла гибель семьи и на шутки реагирует по-своему. Один такой шутник отделался как-то сотрясением мозга, но запросто мог потерять яйца.

— Не пугай, майор, — скривил губы Тамерлан. — Уж с бабой-то я справлюсь, какой бы крутой она ни была. Опыт имеется.

— Она барс, — усмехнулся Шмель. — И владеет всеми видами оружия, а особенно — колющим и режущим. Так что не увлекайся, сержант.

— Завязали разговоры, — поднял руку вверх Ибрагимов. — Через час вылетаем к месту назначения. Проверить еще раз экипировку и отдыхать.

В свое время Василия всегда перед заданием (он служил тогда в разведроте внутренних войск) смешила фраза командира роты «проверить экипировку», хотя все были людьми взрослыми и должны были собирать-

ся в рейд серьезно и основательно. Но когда один из разведчиков забыл о взведенном пистолете и во время выполнения задания неожиданно выстрелил, в результате чего был убит часовым, Вася перестал относиться к приказу «проверить» свысока. В данный момент он безропотно принялся осматривать снаряжение, оружие, одежду, отметив боковым зрением, что красавчик Тамерлан делать этого не стал.

Каждый из них был одет в отечественную «кольчугу» — современный спецкостюм из особого материала — тальпона, не пробиваемого ножом, с меняющимся рисунком темных пятен на зеленовато-буrom фоне. В костюме были вшиты бронепластины из кевлара, защищавшие грудь и спину. Кроме того, в комплект костюма входили боевой жилет и шлем из прочного пластика, с инфракрасными очками, в который были вмонтированы микрофон и наушник рации, обеспечивающей постоянную связь с командиром. Боевой жилет в среде военных профи боя носил название «лифчик» и был настолько удобен, что даже с довольно солидным грузом (до сорока пяти килограммов) не мешал солдату свободно двигаться, стрелять из всех видов оружия и драться врукопашную. В карманах жилета, на груди и на спине, размещались не только автоматные рожки с патронами, но и сигнальные ракеты, гранаты, комплект химзащиты, аптечка, НЗ, радиостанция «аварийной волны» — то есть маяк, химические грелки, толовая шашка, лопата, продукты питания, бритва, комплект выживания и личной гигиены, мазь от насекомых и мазь, сбивающая со следа собак.

Вася уже опробовал подобные костюмы с жилетами, разработанные как российскими специалистами и носящие название «бармица-1» и «бармица-2», так и иностранные «силзы», но в данный поход ничего иностранного брать было нельзя, в случае провала группы след должен был вести «за рубеж», то есть в Москву, в штаб «Стопкрима», поэтому снаряжение бойцов команды было за редким исключением сплошь российским, вплоть до оружия.

Вооружены все были пистолетами-пулеметами бесшумного боя «клин» и «кедр» с магазинами на тридцать патронов, очень удобными в ношении, пистолетами «волк», обладающими точностью боя и огромной пробивной способностью (пули «волка» пробивают кирпичные стены и стволы вековых дубов), с магазинами на двадцать четыре патрона и глушителями, а также кинжалами и ножами знаменитой американской фирмы «Бакмастер». Двое из группы, майор Ибрагимов и Тамерлан, имели снайперские винтовки «Маузер СР 86» калибра 7, 62 миллиметра с магазином на девять патронов, майор Шмель нес «винторез» — бесшумный снайперский комплект с гранатомет РГ6 револьверного типа, а у спутника смуглолицего Тамерлана — Кира был еще и пистолет-арбалет «умарекс».

Однако ни один из них, кроме Балуюева, не пользовался метательными стрелками и звездами, сякэнами и сюрикэнами, и специальными коггистыми перчатками нэкэдэ. Кроме того, Василий взял с собой еще и комплект Н-1 («ниндзя»), в который входили черный спецкостюм, закрывающий все тело и голову, наборы гладких и колючих шариков, ножей, игл, бечева и светозвуковые гранаты размером с грецкий орех.

Правда, Вася не знал, что Ибрагимов вооружен еще и секретными «глушаком» и «болевиком», получив задание испытать их в боевых условиях.

Тщательно проверив оружие и крепление всех деталей «кольчуги», свободу движений и удобство одежды, Василий сел в уголке помещения между шкафом и стеллажом с какими-то пакетами, закрыл глаза и сосре-

доточился на медленном дыхании, заставляя мысли лениво течь от ассоциации к ассоциации, не анализируя своего отношения к происходящему.

Предупреждение своего нового знакомого Матвея Соболева он принял к сведению, но не придал ему особого значения. Не знал он и как относиться к рассказу ганфайтера из «Смерша», хотя и поверил ему почти во всем. Во всяком случае, пакет информации о приемах смертельного касания — космек и ТУК — туфтой не был, в этом Вася уже убедился. Но чтобы полностью овладеть этой техникой нужно было время и особое отношение к жизни, основанное на философии Дао или на эзотерических принципах Внутреннего Круга. Все это остро интересовало Балуюва, и он дал себе слово после возвращения заняться эзотерикой всерьез.

Мысли свернули в другое русло. Задание...

Задание звучало просто: отыскать на территории республики Ичкерия убийц и уничтожить, подбросив «неопровержимые» улики того, что здесь действовал российский отряд «чистилища». Но Вася понимал, как трудно это будет сделать, даже зная координаты местонахождения каждого боевика и имея поддержку местного отделения ФСБ.

По сути, им предстояло провести три операции, так как семеро вычисленных военной контрразведкой и следователями УСО ФСБ террористов из Чеченской армии свободы проживали в разных местах: четверо на базе ЧАС под Гудермесом, двое в горах, в небольшом селении Калиюрт (афганский инструктор и наемник-советник из Эстонии), и один — сам командир отряда Амирбек Шароев — в собственном доме в Грозном. О перемещениях указанных лиц сразу становилось известно Ибрагимову, так как он держал связь с подразделением, обеспечивающим наведение команды на цель, посредством специальной рации через военные спутники связи. Если бы что-то изменилось, их бы сразу предупредили. Но пока все шло по плану, первой акцией «воздания справедливости» было нападение на базу ЧАС и ликвидация четверых убийц: Джамала Гапурова, Имрана Абдулмуслима, Романа Купчиха и Николая Мухина, бандита-рецидивиста по кличке Муха, находившегося в общероссийском розыске еще с девяносто пятого года.

Во втором часу ночи послышался приближающийся стрекот вертолета. Вертолет сел где-то неподалеку. Через несколько минут послышались голоса, и в барак вошли двое: летчик в шлеме и черном комбинезоне без знаков различия и женщина-инструктор. Ибрагимов поднял группу. Один за другим они вышли в ночь, молча погрузились в вертолет, и тот взлетел, не зажигая опознавательных огней, держа курс на юг, к Чечне.

Через час выгрузились в ущелье, заросшем колючим кустарником, диким виноградом и черной ольхой. Вертолет сразу улетел, стало тихо, и все невольно обратились в слух, замерли, сжимая оружие в руках, пока проводники не напомнили о себе.

— Пошли, — скомандовал Ибрагимов, и отряд бесшумно зарысил за проводниками, вытягиваясь в цепочку: впереди командир, позади всех майор Шмель. До базы ЧАС от места высадки им предстояло преодолеть около двенадцати километров.

Добрались точно по расписанию — к половине четвертого ночи. Ночь была безлунная, но проводники хорошо ориентировались на местности, знали окрестности Гудермеса как свои пять пальцев и провели группу, как по ниточке, не наткнувшись ни на человека, ни на зверя.

Описание базы ЧАС все перехватчики выучили назубок, поэтому не тратили времени на разведку и на изучение местности. База представляла собой старый глиняный карьер диаметром в два километра, поверху обнесенный колючей проволокой, имеющий всего один въезд, он же и выезд, охраняемый двумя вышками с пулеметами и прожекторами. В карьере были оборудованы тир, полоса препятствий, построены казармы, хозблок и столовая, а также «клуб» — нечто вроде «офицерского казино», регулярно снабжавшегося проститутками, в которые иногда попадали и женщины, похищенные боевиками в Дагестане, Ставрополье или в родной Ичкерии. Кроме этих одноэтажных строений лагерь имел два туалета и подземный винный склад. На вооружении же у «солдат армии свободы» имелись два танка, четыре БТР, радиостанция и три десятка ручных зенитно-ракетных комплекса типа «Гарпун», то ли украденных когда-то, то ли купленных боевиками во время войны у шустрых российских полководцев. Комплексы предназначались для уничтожения вертолетов и любой другой летающей техники, если таковая появлялась вблизи расположения базы.

Стрелковым же оружием ЧАС была обеспечена под завязку, в том числе и сверхсовременным западного и российского производства. Нормальному человеку в голову бы не пришло штурмовать лагерь, хорошо укрепленный и охраняемый не хуже других военных баз. Однако группе Ибрагимова не было нужды поднимать шум, задача стояла тихо и незаметно уничтожить только четверых наемников, участвовавших в «налете на Москву». Шум мог подняться лишь в результате неосторожных действий группы, а для прорыва она имела все необходимое, хотя это был крайне нежелательный вариант.

Все действия перехватчиков были оговорены, поэтому каждый знал свое место и что он должен делать.

Первыми к базе выдвинулись снайперы: майор Ибрагимов и Тамерлан. Они должны были снять часовых на вышках, господствующих над карьером и всей местностью без единого кустика или деревца, разве что с россыпями камней.

Отсчет пошел! — раздался в наушниках голос майора, тихо хлопнули выстрелы, и часовые на вышках перестали шевелиться.

«Делу время, потехе ЧАС», — скалмбурил про себя Василий, в темпе преодолевая сто метров до ворот.

Тотчас же проводники бросились к вышкам и быстро заняли места часовых на случай огневого отступления. Они сознательно шли на риск, и Вася отдал должное женщине-инструктору, не боящейся смерти. Пережила она, наверное, столько, что жизнь стала ей не дорога.

Группа же бесшумно скользнула к воротам, Шерхан и Маугли заскочили в будочку поста и через мгновение выскочили обратно, открыли ворота. Никаких лазерных или фотооптических отражателей охрана базы не применяла, боевики чувствовали себя здесь хозяевами, и даже собак не пустили по кругу, как всегда это делали в других местах, поэтому первый рубеж перехватчики преодолели за считанные секунды и без шума. Их тут явно не ждали.

Второй заслон на спуске в карьер сняли все те же снайперы, выдвинувшись слева и справа от дороги. Часовых было трое, причем один из них спал в саманной развалюхе, приспособленной в качестве будки поста. Убрал его Кир.

Через две минуты карьер лег перед ними зеленовато мерцающей сквозь приборы ночного видения чашей. Нигде ни одного человека, ни малейшего движения, тишина. Уверенные в неуязвимости и недосыгаемости «солдаты свободы», уголовники, бандиты и террористы, наемники из всех стран СНГ и даже из-за рубежа, спали, не ожидая неотвратимой минуты возмездия.

— По местам, — прошелестел в наушнике голос майора, и отряд разделился.

Шерхан и Маугли скользнули к бэтээрам, предполагая вывести могучую технику из строя. Тамерлан и Кир обошли «офицерское казино» и столовую в поисках охраны, никого не обнаружили и подтянулись к одной из казарм — длинному деревянному бараку с рядом окон, где и располагались те, ради кого они сюда пришли. Внутри должны были войти майор Шмель, Кир и Василий. Только Шмель знал в лицо тех, кого предстояло убрать, и только Кир согласился всех их «погасить». В задачу Василия входила подстраховка группы на случай, если кто-либо из спящих в казарме проснется.

Дневального, спящего в обнимку с автоматом, снял Шмель. Внутри храпящей на разные голоса казармы царил мрак, однако перехватчики легко ориентировались в темноте с помощью своей ночной оптики. В носшибанули сложные и могучие запахи немытых человеческих тел и ног, табака, перегара, капусты и чеснока, сквозь которые Василий учуял и сладковатые ароматы наркоты. Пробормотал про себя: «Кто не курит анашу, я того не выношу...»

Роман Купчик, мощный детина с редкой белесой щетиной на красной роже, спал у окна на втором этаже нар, раздевшись до трусов. Умер он мгновенно от мастерского удара ножом в сердце. Его напарник Мухин спал рядом, опухший то ли от беспробудного пьянства, то ли по причине болезни. Он тоже не издал ни звука от укола кинжалом, только дернулся один раз, заскрипев досками нар.

Умер тихо в храпящей, вздыхающей, бормочущей, стонущей и свистящей темноте казармы и чеченский охотник за головами Джамал Гапуров, бородастый, усатый, похожий на типичного представителя своего дикого и варварски-гордого народа. А вот его приятель Имран Абдулмуслим, такой же лохматый, но с бритым недавно, хотя уже и зарастающим щетиной лицом, от удара ножом умер не сразу, рванул вверх, замычал, и его пришлось удерживать за руки и зажимать рот сразу двоим — Киру и Шмелю, пока он не затих.

Нашлась работа и для Балугева.

От резкого скрипа нижней кровати, на которой спал Абдулмуслим, проснулись сразу двое в углу казармы: рослый блондинистый молодец, вероятно, какой-то прибалт, и чеченец, несмотря на жару и духоту, спящий в полном национальном обмундировании, разве что без сапог. Реакция у Василия была мгновенной, блондина он вырубил сразу ударом-выпадом (хитю) в горло, а чеченца мог и не успеть заставить замолчать, если бы тот не накурился гашиша. Пока чеченец таранился в темноту, покачиваясь, силясь разглядеть сквозь горячечные видения, что происходит, Василий добежал-таки до него на цыпочках, зажал рот ладонью и коснулся костяшками пальцев виска. Мужик уснул снова, так ничего и не сообразив.

Зато до Василия внезапно дошло, что он совершенно рефлекторно применил прием из арсенала ТУК — варианта системы смертельного ка-

сания, переданной ему для изучения Матвеем Соболевым. Причем применил не осознанно, а на уровне подсознания, будто всю жизнь знал эту систему и практиковал в течение длительного времени.

Открытие ошеломило, но анализировать его было недосуг, пришел момент отступления, и Балув поспешил за Киrom и Шмелем, который, прежде чем уйти, бросил на тела убитых белые визитки с вытисненными на них золотым кинжалчиком и надписью: «Привет от «чистилища».

Через несколько минут они собрались у ворот, прислушиваясь к тишине и готовые к немедленным действиям. Но территория базы была пустыня, «солдаты свободы» продолжали мирно спать, для них утро еще не наступило.

Еще через час, когда уже начало светать, группу подобрал вертолет и перебросил в горы, под селение Калиюрт. Вторую часть операции по ликвидации наемников из Афганистана и Эстонии предстояло выполнять днем, нагло, на виду у всех жителей деревни. Таков был план. А оставшуюся часть рейда предполагалось закончить уже следующей ночью, пока командир террористической группы Шароев, живущий в роскошном особняке в Грозном, не понял, что на него началась охота.

И все же первая акция перехвата прошла так просто и гладко, что у Василия появилось неудовлетворение собой и нехорошее предчувствие. Показалось, что он упустил из виду некую важную деталь, которая объяснила бы ему успех операции. Однако вспомнить эту деталь не удалось, и Василий не стал делиться своими сомнениями ни с кем.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХ

Ульяне снился странный сон.

Будто она идет по железному лесу, лесу металлических ферм, мачт, труб, решеток и ажурных колонн, а навстречу тянется угрюмая процессия: гигантские существа, похожие на людей, львов и насекомых, закованные в сверкающие изумрудным огнем панцири и плащи из перламутровых пластин, несут клетку, в которой лежит, прикованный к полу, полуголый молодой человек с удивительным, ясным, бесконечно спокойным лицом и пронзительно-голубыми глазами провидца. Его глаза с непередаваемым выражением узнавания, понимания и самоиронии скользнули по замершей Ульяне, и девушка вздрогнула, как от физического прикосновения. Однако незнакомец отвернулся и снова стал смотреть в низкое серое небо с огненными прожилками, похожее на остывающее поле вулканического пепла и лавы.

Затем Ульяна заметила легкую фигурку босоногой женщины, одетой в полупрозрачный, изредка становящийся ослепительно белым, сарафан или скорее плащ. Женщина скользила между «деревьями» жуткого техногенного леса, то и дело оглядываясь, и Ульяну поразила ее красота. В лице незнакомки в удивительных пропорциях сочетались ум и сила, кротость и гнев, любовь и ненависть, спокойствие и напряженное ожидание, мудрость и желание знать и узнавать. Ее огромные прекрасные глаза цвета ультрамарина, чем-то похожие на глаза пленника в клетке, встретились с глазами Ульяны, и ту снова пронзила молния энергетического разряда.

«Помоги ему!» — умоляли глаза незнакомки.

«Чем?» — выразила вопрос взглядом Ульяна.

«Ты можешь и знаешь, только проснись и действуй...»

«Кто он?»

«Ты знакома с ним уже два года... и вскоре познакомишься снова...»

«Не понимаю...»

«Проснись и вспоминай. Чем быстрее вспомнишь, тем больше будет шансов удержать мир на грани и з м е н е н и я...»

Незнакомка летящим шагом догнала процессию, с тихим гонгом картина исказилась — исчез металлический лес, на его месте образовалась ледяная твердь, исполосованная трещинами, и Ульяна проснулась.

Долго глядела в потолок, пытаясь понять смысл удивительно четкого и подробного сна, потом встала, умылась и позвонила Парамонову, хотя шел еще только седьмой час утра.

Иван Терентьевич снял трубку тотчас же, будто ждал звонка.

— А я хотел звонить вам, Ульяна свет-Владимировна. Есть повод.

— У меня тоже. Мне снился весьма необычный сон...

— Какое совпадение! Странная процессия, молодой человек с голубыми глазами в клетке, такое впечатление, что я его давно знаю, хотя уверен, с другой стороны, что никогда в жизни не встречал...

Ульяна почувствовала учащающееся сердцебиение, заставила себя дышать часто и мелко, успокоилась.

— Иван Терентьевич, таких совпадений не бывает. Это наведенный транс-овый сон, темная передача. Кто-то из адептов Круга нас предупреждает.

— Возможно, вы правы. Давайте встретимся вечером где-нибудь в уютном месте, обсудим все странности. Скажем, в кафе «Салтыков-Щедрин», часов в семь.

— Идет. В случае чего я вам перезвоню.

Ульяна закрыла трубку мобильного и задумчиво прошла по спальне, вспоминая пленника и женщину в одеждах ангела, потом решила выпить чаю, но задержалась в гостиной, у дивана. Тетка девушки, семидесятилетняя старушка Анна Павловна, вставала поздно, будучи «совой», ночью она всегда что-то читала, рассказывая после племяннице сюжеты книг, и Ульяна привыкла к такому распорядку дня и ночи. Она с любопытством взяла с дивана очередную книгу, удивленно хмыкнула. Анна Павловна читала «Алые паруса» Грина.

Раскрыв наугад страницу, Ульяна пробежала несколько строк глазами и невольно увлеклась магией отточенного Гриневского стиля и его романтическим отношением к героям и ситуациям. Всплакнула даже, дочитав до конца, подумав при этом, что сколько раз ни перечитывает «Алые паруса», столько раз плачет. Нет, Грин определенно был магом, только вряд ли счастливым...

День пролетел незаметно. Ульяна побывала на занятиях в институте, зашла в книжный магазин, купила Шульгина, поболтала с подружками о кино, о моде и прочих премудрых вещах, и начала дома собираться на встречу с Парамоновым. Однако все повернулось иначе. В начале седьмого Ульяна внезапно почувствовала толчок сердца, неясное давление на психику, будто в спину ей посмотрел колдун, владеющий техникой рапорта, и тотчас же запел на пять нот входной звонок.

Замерев, Ульяна ждала в своей комнате, прислушиваясь к тихому разговору в передней. Затем раздался певучий говорок Анны Павловны:

— Уля, это к тебе.

Ульяна вышла в прихожую и буквально споткнулась о светящийся ледяной голубизной взгляд молодого человека, того самого, что приснился ей в недавнем сне! Взгляд этот выразил многое, в том числе терпение, необидную иронию и взыскательную оценку, и Уля почему-то вспыхнула, вдруг сообразив, что оценка не столь положительна, сколько было ее мнение о себе. Матвей же, со своей стороны (это был он) ждущий встречи с понятным нетерпением и волнением, вдруг успокоился (что отразилось во взгляде и было воспринято девушкой). Перед ним стояла Уля Митина, Посвященная I ступени Внутреннего Круга, еще не ставшая авешей Светлены и не получившая от нее отпечатка в н у т р е н н е г о света, тех черт личности и магического влечения, которые были свойственны спутнице инфарха — его второму «Я» по сути. Девушка была бесспорно красива, однако перестала волновать Соболева, как в прошлые времена.

— Добрый вечер, — поклонился Матвей, проницательно глядя в глаза Ульяны. — Я Матвей Соболев, де-факто — Посвященный II ступени Внутреннего Круга, де-юре — еще только ученик на Пути в Круг.

Изумление, проступившее в глазах девушки, было столь красноречивым и естественным, что Матвей невольно улыбнулся, отчего его лицо словно засветилось изнутри.

— Я знаю вас уже два года, а также ваших друзей: Ивана Терентьевича Парамонова и Вахида Тожиевича Самандара. Но об этом мы еще поговорим, если вы меня, конечно,пустите. Или вы собрались куда-то? Уж не на встречу ли с Иваном Терентьевичем?

Ульяна, пораженная проницательностью гостя, только кивнула.

— Отлично. Тогда я с вами. Позвольте?

Ульяна снова кивнула, потом рассердилась на свою заторможенность, покраснела, оценив красноречивый взгляд Соболева, брошенный на ее ноги, — одета она была по моде «озе»: в мини-юбку с цветами, с глубокими «сексуальными» разрезами по бокам, и в блузку с вышивкой, подчеркивающую форму высокой груди, — позвала хозяйку:

— Теть Ань, мы ушли.

— А с Богом, мои дорогие, — проговорила Анна Павловна, просеменив из кухни в прихожую. — Возвращайтесь в любое время, вкусным чаем напою, с чабрецом и шиповником.

Во дворе на молодую пару обратили внимание сидящие у детской площадки пожилые женщины и старушки, и Ульяна с улыбкой кивнула на них, приходя в хорошее настроение:

— Будет о чем посудачить. Ко мне часто однокурсники забегают, Иван Терентьевич заходит да Самандар изредка приезжает, а теперь вы появились.

— Меня они не запомнят, — серьезно ответил Матвей, усаживая спутницу в салон «Таврии». — Я умею отводить глаза.

Вскоре они вышли из машины у кафе «Салтыков-Щедрин» на улице Воропаева, где ждал Ульяну Иван Терентьевич Парамонов, известный психотерапевт и целитель, Посвященный I ступени Внутреннего Круга, проживший на свете больше девяноста лет, но выглядевший всего на сорок пять. Впрочем, Ульяна Митина тоже имела далеко не девичий возраст — тридцать четыре года, однако выглядела восемнадцатилетней студенткой.

Мужчины некоторое время рассматривали друг друга, представленные девушкой, затем Парамонов первым подал руку, как бы демонстрируя

доверие и отсутствие дурных намерений. Он пробовал пробить пси-блок Соболева, прощупать его мысли и повлиять на настроение, но усилия его не увенчались успехом. К тому же ему внезапно показалось, что он действительно знает этого поджарого, высокого, голубоглазого, ощутимо сильного человека давно, еще до появления его во сне.

— Уля, вы рассказали ему сон?

— Не успела, — виновато оглянулась на Парамонова Ульяна.

— Прошлой ночью мы с ней одновременно видели один и тот же сон. — Иван Терентьевич пропустил девушку вперед, и они вошли в кафе. — Главным действующим лицом сна были вы. Вероятно, мы с Улей стали перцепиентами темной передачи. Ваших рук дело?

— Нет, — покачал головой Матвей. — Но я, кажется, знаю, кто вас предупредил о моем появлении.

Они выбрали столик в углу зала, за фикусом в кадке, заказали ужин, и Матвей оглядел обращенные к нему серьезные лица Посвященных.

— Возможно, многое из того, что вы сейчас услышите, вам известно, многое покажется если и не бредом, то выдумкой, но постарайтесь отнестись ко всему с должным вниманием. А начну я издалека...

И Матвей принялся за пересказ истории со «Смершом-2», перехватчиком и разборками третьего уровня между силами, вполне способными развалить мир «запрещенной реальности», превратить ее в «реальность несуществующую».

Рассказ длился более двух часов, за кое время они неторопливо поужинали и дважды заказывали кофе. По лицам собеседников трудно было судить об их переживаниях, однако Матвей понимал, что они чувствуют, и в глубине души сочувствовал обоим. Принять на веру его рассказ было действительно трудно.

— Такая вот философская сказочка, — закончил он, — не отменяющая, к сожалению, страшенького финала.

— Почему не отменяющая? — не согласился Парамонов, создавая вокруг столика, за которым они сидели, зону чистого воздуха; во всем зале не курили только они трое. — Вы же знаете, как будут развиваться события, и можете предотвратить многие беды.

— Да, я хочу это сделать, — кивнул Матвей. — Но вывод напрашивается неутешительный. Дав мне возможность начать все сначала, зинсоф одновременно включил спусковой механизм ускорения событий, а также механизм ослабления Закона обратной связи. Буквально за две недели с небольшим, что я обретаюсь в Москве после вызова из Рязани, произошло множество изменений прошлого сценария, заставляющих меня спешить. К власти приходят более властолюбивые и жестокие люди, меняется весь аппарат принятия решений, образуются мощные конкурирующие системы, поставившие целью добиться а б с о л ю т н о й власти.

— О, да, — тихо проговорил Иван Терентьевич, — игра во Власть — самая увлекательная из игр человека: выборы, тайная закулисная борьба, перемещения, шантаж, подкуп, оговор, предательство, фабрикация ложных сведений, донос, внезапное исчезновение, убийство наконец — как это все увлекательно! И как это страшно, особенно если начинает работать «закон дьявола» — принцип переноса вины, при котором расплачиваются за злодеяния самые умные, самые сильные, честные и добрые. Я не сомневаюсь, что рассказ ваш правдив. — Парамонов накрыл ладонью руку

Матвея, как бы прося прощения. — Вы привели по-настоящему ошеломляющие факты из моей... нашей жизни. Но позвольте задать несколько уточняющих вопросов.

— Я готов, — сказал Матвей, отвечая внутренней улыбкой на затуманенный взгляд Ульяны, еще не пришедшей в себя.

— Вы говорите о создании конкурирующих систем. Наверное, следует понимать, таких, как Союз Девяти Неизвестных, «Стопкрим», Купол, перерастающий в СС — криминальную Сверхсистему, силовые структуры, Госдума... так? Ну, еще и аппарат президента, реализующий свой подход к властному управлению. И все это — следствие ослабления общего Закона обратной связи, частным случаем которого является Закон возмездия, Закон адекватного ответа. Кстати, все они — частные варианты Закона регуляции социума, вмонтированного в нашу реальность Аморфом Конкере.

— Монархом Тьмы.

— Да, Монархом. Ну и что? Мир таков, каков он есть. Нам-то зачем вмешиваться во властные разборки? Мы — Посвященные Внутреннего Круга, призванные собирать и хранить знания для будущих поколений, а не воевать за восстановление попорченной справедливости. Что вы хотите изменить, Матвей Фомич? Зачем вам решать глобальные задачи изменения социума? Пусть этим занимаются иерархи.

— Они заняты, — усмехнулся Матвей, — они заняты разборками между собой. Но если мы не объединимся и не дадим отпор, Монарх сделает новое и з м е н е н и е и просто-напросто сотрет человечество с лица Земли. Кому тогда будет нужен Внутренний Круг? Да и уцелеет ли он?

— Круг уцелеет, — улыбнулся и Парамонов. — Идея создания Внутреннего Круга принадлежит не перволюдям, и даже не Инсектам, были на Земле существа и до них.

— Аморфы?

— До Аморфов. Аморфы — эксперимент Безусловно Первого, его ошибка, можно сказать. Как и мы — ошибка Аморфа Конкере, то есть Монарха Тьмы. Безусловно Первый экспериментировал с «розой реальностей» не один раз, что, естественно, отразилось и на нашей, тогда еще не опустившейся до уровня «запрещенной».

— Этого я не знал, — задумчиво признался Матвей. — Недавно я ходил по астралу и наткнулся на заблокированные уровни. Кто-то не хочет, чтобы я узнал кое-какие тайны, над раскрытием которых начал размышлять.

— Над какими, если не секрет?

— В первую очередь меня волнуют Знания Бездн — прямые следы Безусловно Первого, во вторую — он сам. Сюань — как говорят китайцы, самая глубокая и наиболее непонятная из тайн.

Парамонов с новым интересом глянул на по-особому, и з н у т р и невозмутимое лицо Соболева.

— Однако, вы и замахиваетесь, Матвей Фомич! Среди Посвященных утвердилось свое отношение к Безусловно Первому. Он выше любых описаний, концепций и названий, он действительно Тайна, без которой ничто не пробуждается к жизни, мы же все живем в мире Его иллюзий, в мире внешних проявлений Его мысли.

— Возможно, я в каком-то смысле дилетант, но мы затронули вопросы дискуссионного плана. Я изучал Дао, так вот даосы утверждают, что

никто не создавал ни пустоту, ни Дао, это первозданные реалии, существующие задолго до появления богов и человека. Даосы даже ввели в обиход символ или слово «сянь-ди» — образ, предшествующий Богу.

— За что учение Дао не признается большинством религий мира, — кивнул Парамонов, — ибо оно сомневается в существовании Единого. Как сказал один французский писатель¹: не знаю, существует ли Бог, но для Его репутации было бы лучше, если бы он не существовал.

Ульяна засмеялась. Улыбнулся и Матвей.

— И все же вы рискуете, — добавил Парамонов. — Даже не тем, что задаете вопросы о сущности Мироздания и Творца, а тем, что одновременно пытаетесь о с т а т ь с я человеком. Вступивший на Путь в Круг перестает быть обыкновенным человеком, он становится Собирателем и Хранителем знаний, в большинстве своем опасных для человечества в его нынешнем состоянии. Необходимо выбирать: либо вы там, либо вы тут. Как говорил еще один умный человек: очень многих я видел на своем веку, которые были доведены до совершенной тупости неумеренной жадной знания.

— Монтень, — усмехнулся Матвей, любуясь улыбкой Ульяны, на миг напомнившей ему Светлену. — Итак, вы мне отказываете в помощи?

Глаза Ивана Терентьевича стали грустными.

— Не спешите с выводами. Нам надо разобраться. Если мы станем помогать вам, сделаем ошибку, я в этом уверен. С другой стороны, будет, наверное, еще большей ошибкой не помогать. Я далеко не герой, особенно если предстоит сражаться с живыми людьми, а не с древними текстами. Но ведь вы утверждаете, что в прошлой жизни мы были вместе?

— Иначе я не пришел бы к вам.

— И чего вы хотите от нас? Чтобы мы встали на тропу войны?

— Это не я хочу — закон. Я оцениваю нынешнее состояние мира как пограничное. Монарху, чтобы начать и з м е н е н и е, необходимо обоснование, которое он получит в скором времени, если произойдет фазовая перестройка социума. Люди ему станут не нужны.

— А сами вы какой избрали Путь, пройдя свой Путь воина до конца?

— Путь ненасилия. Даосы его называют Путем Избегающего Опасности.

— А нам предлагаете Путь воина, — засмеялась Ульяна. — Ничего себе альтернатива.

— Среди нас есть воины, ваш друг Самандар, к примеру, мой друг Вася Балувев. — Матвей встретил взгляд Ули и понял, что потерял в ее глазах большую часть своего обаяния, усмехнулся в душе. — Но вы меня неправильно поняли, идущие. Наша общая задача — формирование эгрегора Внутреннего Круга, способного стабилизировать ситуацию, остановить распад общества и дальнейшее ослабление Закона адекватного ответа.

— Каким образом мы сможем повлиять на закон? — скептически поднял бровь Иван Терентьевич.

— Для этого я хочу выйти в «розу реальностей», — сказал Матвей легко, как о каком-то пустяке, — и договориться с Монархом, чтобы он поискал другой объект для экспериментирования. А если не удастся — объединить иерархов.

¹ Жюль Ренар (1864 — 1910).

Матвей помолчал, не обращая внимания на то, что в глазах собеседников протаивает изумление и сменяется беспокойством. Их взгляды спрашивали: в своем ли он уме?

— Если же и с иерархами не удастся договориться, — продолжал он ровным голосом, — то я попытаюсь выйти на Безусловно Первого.

Ответом Соболеву было продолжительное молчание Посвященных. Потом Парамонов глянул на Ульяну, крикнул, сцепил и расцепил пальцы.

— Вы меня поразили, Матвей Фомич! Но мне действительно необходимо обдумать ваше предложение, я не люблю и не хочу ошибаться.

— Я тоже, — добавила девушка, в глазах которой снова вспыхнул интерес к Соболеву. — А кто такой Балув? Вы уже дважды упоминали его имя.

— Вася Балув ганфайтер, перехватчик-«волкодав», как их называют профессионалы, мастер захвата. Сейчас он находится в Чечне с одной непростой миссией.

— А поподробнее можно?

Матвей допил свой остывший кофе, но заказывать больше не стал. Сказал нехотя:

— Он вошел в состав отряда, которому поручено ликвидировать убийц из ЧАС, так называемой Чеченской армии свободы. Чеченцы начали отлавливать и уничтожать своих бывших врагов по всей территории России. Раньше они просто похищали людей с целью выкупа, сейчас что-то изменилось, они начали более жестокие действия. Их группа проникла в Москву и убила двух офицеров, героев войны в Чечне, а также писателя Кожемякина, приговоренного исламскими фундаменталистами к смерти за правдивое изображение фанатизма. ФСБ решила ответить адекватно.

Парамонов покачал головой.

— Я слышал об этом преступлении. Жуткое явление... я имею в виду терроризм, а тем более исламский. Но чтобы решиться искать убийц на территории Чечни... это же самоубийство! Как они их там найдут? А тем более уничтожат?

— Террор не анонимен. У него есть имя, фамилия, связи, банковский счет, исполнители, базы и так далее. Вычислить имена убийц для силовых контор будет несложно. А вот выполнить задание... тут вы правы. Я пробовал уговорить Васю не идти туда, но он человек военный и пока еще в самом начале Пути. О сущности бытия, о противостоянии добра и зла он по-настоящему не задумывался. Но человек он неординарный, неглупый, интересный, у него все впереди.

— Если только он вернется оттуда живым, — проворчал Иван Терентьевич. — Хорошо бы научиться натравливать зло на зло, вот только не всем дается эта наука. Да и не существует однозначной оценки добра.

— Добро — изнанка зла, — вставила Ульяна.

— Но не всегда можно определить и отделить их друг от друга. Вот недавно возник «Стопкрим», «чистилище», как говорят в народе. К какому разряду отнести это явление, к добру или злу? С одной стороны «чистильщики» наказывают бандитов и негодяев, с другой — их путь не лежит в русле закона и противоречит самым элементарным нормам морали.

— Разработка Горшиным программы защиты и адекватного ответа, появление «Стопкрима» — это достаточно своевременная реакция социума на возникновение Купола, то есть в данном случае просто сработал

Закон регуляции социума. Кстати, организация банд, киллер-центров, все более частое появление маньяков-насильников и убийц — тоже следствие Закона регуляции, и этому росту зла необходим противовес.

— Но ведь этим должен заниматься Союз Девяти.

— Должен. Но и у них возникли внутренние проблемы, как следствие волнений среди иерархов. Некоторые из кардиналов Союза возжелали власти абсолютной, равной власти Монарха.

— Кто? Мы их знаем?

— Вы их узнаете.

Иван Терентьевич покачал головой.

— Да-а, дела-а! И все же не обижайтесь на нас, Матвей Фомич, сегодня мы не можем дать ответ.

— Я и не надеялся. Еще не раз придется контактировать и решать. Ну что, по домам?

— А где вы остановились? Может, поедem ко мне?

— Вы забыли, что здесь у меня «схрон», своя квартира. Кого первого доставить в родные пенаты?

Они расселись в не слишком комфортабельном и удобном, но все же уютном салоне «Таврии».

— Пожалуй, первой доставим Улю, — оглянулся на девушку Парамонов. — Меня никто не ждет, ни жена, ни дети, а ей завтра вставать рано.

Машина выехала со стоянки, влилась в негустой поток автомобилей на улице Ленина.

— Да, Иван Терентьевич, — прижалась к локтю друга Ульяна, — все забываю спросить: почему вы не женитесь?

— Потому что моя жена еще не родилась, — отшутился явно смущенный Парамонов. — И вообще я боюсь семейной жизни, необходимости поддерживать какие-то обязательные отношения. Холостому спокойнее.

— Есть анекдот на эту тему, — сверкнул улыбкой Матвей. — У психолога спрашивают: когда бывают хорошие отношения между мужем и женой? Тот отвечает: когда муж не слышит, что говорит жена, а жена не видит, что делает муж.

Ульяна засмеялась, улыбнулся и Иван Терентьевич.

— Вполне может быть, не спорю. Если серьезно, я действительно боюсь. На моем роду лежит некое заклятие... ради нейтрализации которого я и увлекся психологией, психическими аспектами и целительством. У моего отца была большая прекрасная семья — восемь человек: он, мама, трое дочерей и трое сыновей, я самый младший. Все умницы, без преувеличения, красивые, добрые люди, но стоит кому выйти замуж или жениться — семья отпочковавшегося члена семьи начинает бедствовать. Болезни, кражи, пожары, стихийные бедствия начинают буквально сыпаться со всех сторон, пока не происходит гибель кого-то из близких.

Иван Терентьевич замолчал, глядя перед собой ничего не видящим взором.

— И что же? — тихонько потревожила его Ульяна.

— А ничего, — очнулся Парамонов. — Я похоронил двух братьев и двух сестер, пока не понял закономерности.

— Выяснили, в чем дело?

— Нет, — с видимым усилием ответил Иван Терентьевич. — То есть я имею предположение, но даже Посвящение во Внутренний Круг не позво-

лило мне его уточнить. Мы были неразделимы — вот все, что я знаю.

— Кластер, — произнес Матвей. — Ваша семья представляла собой психомотивационный кластер, клубок свернутых мировых линий, замкнутых на определенного человека. Я даже рискну предположить на кого — на отца. Верно? Ваша семья была самодостаточна, а вы, очевидно, пытались как-то разорвать этот клубок, уйти из дома, причем еще в юношеском возрасте. Был конфликт. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — задумчиво проговорил Парамонов. — Отец очень не хотел, чтобы я учился в другом городе, но я все же уехал... со скандалом. О чем жалею до сих пор.

— Он жив?

— Нет, умер в восемьдесят восьмом. Мама годом позже, им было уже по сто двадцать с лишним лет. Все долгожители, особенно по бабкиной линии Волковых. Наверное, кто-нибудь из моих предков был и во Внутреннем Круге. А нас осталось двое: я и сестра Шура. Хотя родственников по всем линиям много, в том числе и в Рязани.

Машина остановилась напротив дома Ульяны. Девушка вышла, отказавшись от предложения проводить ее до подъезда.

— До встречи, ганфайтер, — помахала она рукой, обойдя машину и нарочно наклоняясь к окну со стороны водителя так, что в вырез блузки стала видна упругая сильная грудь. — Мы еще не все точки над «i» расставили, и у меня остался вопрос.

— Задавайте, — храбро сказал Матвей, понимая значение насмешливых искр в глазах девушки: реагировал он на нее совершенно естественно, как нормальный мужик, и последняя его мысль — поцеловать ее в грудь, была мгновенно воспринята девушкой.

— Я не поняла наших прошлых отношений. Что-то подсказывает мне, что простыми они не были. Расскажите?

Матвей смешался, но ответить не успел, Ульяна отошла, демонстрируя походку светской львицы. Хмыкнул в кабине сзади Иван Терентьевич.

— А ведь она и д я щ а я, Матвей Фомич. Неужели права? Тогда вам придется опасаться Бахида, он давно имеет виды на Ульяну и соперников не терпит.

— Все не так просто, — пробурчал Матвей, трогая машину с места. — Когда-нибудь я расскажу вам, как мы познакомились. Уля стала авешей Светлены... в общем, поговорим позже.

Молча они доехали до окраины города, где в собственном доме жили родственники Парамонова. Выходя, тот сказал с уважением:

— Вы действительно знаете, где я живу, что лишний раз подтверждает вашу историю. Однако я не уверен, что мы с Улей согласимся стать рекрутами вашей «армии спасения человечества». Жизнь слишком дорога штука, чтобы тратить ее на какие-то там разборки с кем бы то ни было.

— Я вас понимаю, — кивнул Матвей. — Но совершенно точно знаю, что жизнь приобретает значение лишь в том случае, когда мы сталкиваемся лицом к лицу с конфликтом между желаниями и действительностью. Это не мои слова, а изречение Дао, и оно проверено много раз, в том числе и мной. До встречи, Иван Терентьевич. Просьба остается в силе — проанализировать все сообщенные мной факты и сделать вывод. Вот вам мои московский и здешний телефоны. Звоните, когда сочтете нужным. Запоминайте номера.

Матвей пожал руку Посвященному, протянул ему листок бумаги с номерами, подержал перед глазами, скомкал, и в следующее мгновение комок выпихнул на его ладони, сгорел без следа.

— Всего доброго.

Машина уехала, унося возмутителя спокойствия, а Иван Терентьевич остался стоять в глубокой задумчивости, глядя ей вслед.

КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ

Им не пришлось преодолевать двадцать километров пешком от точки высадки до Калиюрта.

Нацепив зеленые повязки, сняв шлемы и надвинув на головы «чеченки» — вязанные шапочки с прорезями для глаз, — они вышли из распадка на дорогу, соединявшую Калиюрт и Ачхой-Мартан, и остановили первую попавшую машину, которой оказался старенький почтовый «газик», по сей день называемый в народе «козлом». Водитель-чеченец, привыкший, очевидно, каждый день встречаться с группами боевиков, то бишь «солдатами свободь», поворчал, но препятствовать посадке девяти «солдат» не стал, и группа, не без труда разместившаяся в провонявшем бензином, смолой и дымом «козле», спокойно доехала до селения, состоящего из двух десятков каменно-глинобитных разнокалиберных домиков, расположенных в три яруса на крутом склоне горы.

Пока ехали, водитель успел рассказать все местные новости, а также нарисовать схему охраны селения, в котором отдыхали некие высокопоставленные гости. Что за гости, водитель не знал, зато знали перехватчики. Калиюрт использовался командованием ЧАС как запасной командный пункт и одновременно «санаторий» для особо отличившихся «солдат свободь», в первую очередь — иностранных наемников. По данным Ибрагимова в настоящий момент здесь находилось человек десять «диких гусей», в том числе интересные майора лица: эстонец Ильмар Кулдсепп и афганец-талиб Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад.

Поскольку сведения об использовании Калиюрта в качестве «санатория» считались секретными, а совсем недалеко отсюда, в пятнадцати километрах южнее, располагалась еще одна база ЧАС, охранялось селение слабо, всего лишь одним постом на въезде. Пост — кольцевая стена из камней и мешков с песком — занимал одну из скал, нависавших над дорогой, и мог перекрыть пулеметным огнем все подходы к селению. Дежурили там трое бородатых парней в российском камуфляже, и чувствовали они себя вполне комфортно и спокойно, не ожидая появления опасных гостей. Один из них спал в тени стены (и виден снизу не был), второй курил, опираясь на станок крупнокалиберного пулемета, третий смотрел на приближавшийся «газон» в бинокль.

— Приготовились, — буркнул Ибрагимов.

Роли в предполагаемой операции были расписаны заранее и вопросов не возникло. Каждый из членов отряда не раз участвовал в подобных операциях и не нуждался в советах.

Охранник все же остановил машину жестом, понятным всем, — палец на спусковой крючок автомата. Но так как до скалы с укрепленным гнездом было далеко для скоростной атаки — около сорока метров, — Ибрагимов

ткнул стволом винтовки водителя в спину и приказал тихо ехать дальше. «Козел» остановился лишь тогда, когда бородач развернул в их сторону ствол пулемета с дырчатым кожухом пламегасителя. Зато до скалы теперь оставалось всего метров пятнадцать, а селение скрылось из глаз за подъемом на перевал.

Первой из машины вылезла женщина-проводник, сняла шапочку, так что черные с рыжеватым отливом волосы рассыпались по плечам, потянулась, помахала рукой охранникам, остолбеневшим от неожиданности, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы давно целившиеся сквозь щели брезентового верха кабины Шмель и Тамерлан выстрелили.

Негромкие хлопки выстрелов, слившиеся в один, падение тел, удары о камни, тишина.

— Порядок, — сказал Ибрагимов.

В тот же миг Василий, заметивший краем глаза движение на скале, рванул дверцу, выпрыгнул и в прыжке метнул вверх сангаку-хо¹. Высунувшийся из-за мешка с песком третий охранник успел нажать на курок автомата (новейший отечественный «никонов»!), но звезда саякэна вошла ему в бровь и навсегда отбила охоту сопротивляться. Вася сбил с ног женщину, вскочил, готовый стрелять или метнуть сюррикэн, замер, прислушиваясь к долетавшим из селения звукам. Застыли и остальные, ожидая развития событий. Однако ничего не произошло, только у охранника под скалой запищала рация.

Перехватчики переглянулись. Ибрагимов кивнул второму проводнику, тот метнулся к убитому, достал из кармана на груди рацию, выслушал, буркнул что-то по-чеченски, выключил, показал три пальца.

— У нас всего три минуты, пока они не опомнились, — сказал майор. — Вперед!

Вася помог женщине подняться, перехватив ее благодарный взгляд, они погрузились в машину, и, выбросив обалдевшего водителя, Ибрагимов сам повел «газик» в селение. После чего начался секундный отсчет операции, по наглости и внезапности равной операциям захвата дудаевцами Буденновска и Первомайского, а по скорости проведения превосходящей их.

В первый дом слева, у ворот которого стоял танк и где по данным майора располагалось подразделение охраны, с ходу заскочили Тамерлан и Кир. Шерхан и Маугли высадились в конце улочки, делавшей резкий поворот направо и ведущей на террасу, нависающую над крышами домов нижнего яруса селения.

Завывая мотором, поднимая полосу пыли, подскакивая на камнях, «газ» взлетел на террасу, простучал колесами по горбтому деревянному мостику над расщелиной, ведущему к «санаторию» — бывшему клубу, а теперь, после достройки и реконструкции, дому отдыха боевиков, и затормозил у низкой глинобитной стены с решеткой ворот, охраняемой художным бородачом в пиджаке и папахе с зеленой полоской материи. Он умер, не успев ни снять с плеча автомат, ни вообще что-либо понять, и Василий мимолетно подумал, что их «рейд мести» требует слишком много необязательных жертв, убийств в общем-то не причастных к злодеянию в

¹ Саякэн в форме треугольника с вырезами, превращающими углы метательной пластины в острия.

Москве людей. Однако мысль мелькнула и исчезла, ситуация начала развиваться в темпе прорыва.

Женщина-проводник и второй ее коллега остались у ворот, они сделали свое дело и теперь должны были подстраховать группу на случай появления вражеского подкрепления. Шерхан и Маугли взяли под контроль территорию виллы, достроенной с размахом совсем недавно — судя по горам мусора, кирпичей, камней, песка, досок, по ямам и канавам с трубами, по технике вокруг здания: бульдозерам, автокранам и асфальтоукладчику фирмы «Катерпиллер». Было еще раннее утро и рабочие, к их счастью, не торопились к своим машинам и на площадку, однако «санаторий» уже был частично заселен и работал.

Ибрагимов, Шмель и Василий ворвались в двухэтажное здание, похожее на средневековый замок, застав врасплах дежурного и двух охранников, потягивающих пиво у стойки в холле. Они были так уверены в своей безопасности, что не могли даже мысли допустить о возможности атаки здания чьим-либо спецназом. Так же думали и строители «санатория», расположенного в горном районе Чечни, далеко от границы с Россией. Понадеявшись на кажущуюся неуязвимость здания, окруженного горами и базами ЧАС, они не предусмотрели ни спецтехники охраны — телекамер и электронных систем наблюдения и разведки, — ни замаскированных дотов и капониров, ни хотя бы патрульных зон. После завершения строительства подсобных помещений и хозблоков и уборки территории по ее периметру должны были гулять собаки, но в данный момент этот вид охраны отсутствовал. Спецгруппу перехвата здесь никто не ждал.

Шмель открыл огонь первым: очередь из «клина» перечеркнула спины охранников, они даже не успели повернуть головы на звук открываемой двери. Ибрагимов выстрелил тоже, но в телефон, к трубке которого потянулась рука дежурного, сильно смахивающего на известного бандита и террориста Радуева: та же борода, широкий нос, черные очки, на голове фуражка-конфедератка.

— Не шебуршишь и останешься жить, — глухо проговорил Ибрагимов, подходя к дежурному скользящим шагом. — Нам нужны двое: Кулдсепп и Мухаммад.

— Не понимаю... — начал было «Радуев» по-чеченски, но майор его остановил. Легонько двинул прикладом винтовки по скуле, так что тот отлетел к стене, поднялся и стал навывтяжку.

— Один прибалт, светловолосый, шрам на губе, второй афганец, инструктор. Вякнешь, что не понимаешь, — найдем их сами, но уже в с е х и вместе с тобой.

— Вторая этаж, комнат тва и шест, — с акцентом по-русски прохрипел дежурный, и в тот же момент Шмель выстрелил в него из пистолета. С дырой во лбу «Радуев» отлетел к шкафу с ключами и сполз на пол, Василий не успел даже слова сказать. Повернул голову к майору.

— Зачем ты его? Связали бы...

— Некогда, — отмахнулся Шмель, в три прыжка поднимаясь вслед за Ибрагимовым по лестнице на второй этаж.

Апартаменты «санатория» под номером два оказались незапертыми. Наемник по имени Ильмар Кулдсепп спал в полной отключке с голой женщиной, имеющей роскошные формы жрицы любви, и на тихий скрип открываемой двери не прореагировал. Зато проснулась девица и в ужасе от-

прянула, увидев три страшные пятнистые фигуры с масками на лицах. Вася собрался было успокоить ее усыпляющим касанием, видя, что девушка собирается кричать, но Шмель выстрелил, и ночная гостья Кулдсеппа завадилась поперек кровати, на ноги спящего ничком эстонца.

Вася, не сдержавшись, рванул майора за рукав, разворачивая к себе, вlepил отрезвляющую пощечину, удерживая руку Шмеля болевым приемом. Выдохнул глухо:

— Остынь, стрелок! У нас четкое задание...

— Не вмешивайся, капитан! — яростным шепотом произнес Ибрагимов, наводя на него необычной формы пистолет. — Не то останешься здесь!

— Сердобольный? — сверкнул глазами Шмель. — Мы не на прогулке, «волкодав». Позже поговорим об этом.

Вася отпустил его и отошел к окну, преодолевая желание дать майору по морде еще раз.

Ибрагимов потормозил Кулдсеппа, тот замычал, отмахиваясь, потом разлепил глаза, увидел пятнистый комбинезон над собой и потянулся к пистолету под подушкой, но майор ударил его прикладом винтовки по руке, достал пистолет и отбросил в сторону.

— Просыпайся, сука наемная. У меня к тебе всего два вопроса. Ответишь — будешь жить. Вопрос первый: ты вызвался добровольцем в поход на Москву или получил приказ?

— Да кто вы такие?! — возмутился Кулдсепп на вполне приличном русском языке, почти без акцента.

— Твои судьи, — усмехнулся Ибрагимов. — Ответчать!

Приклад винтовки мелькнул в воздухе, нашел скулу эстонца, и тот слетел с кровати, потащив за собой тело убитой девушки. Только теперь он увидел труп, глаза его округлились, в них мелькнула догадка. Однако вел он себя по-мужски и сдаваться не собирался. Поднялся на четвереньки, с вызовом уставился в глаза Ибрагимова, смотревшие на него сквозь прорезь маски.

— А если доброволец, то что?

— Вопрос второй. Кто убил писателя Кожемякина?

— Не я, — смелее ответил Кулдсепп, разогнулся. Разлит он был нешлюхо, но уже имел заметное брюшко.

— А кто?

— Спроси у командира, — оскалил зубы эстонец.

— У Шароева, что ли? Спрошу в свое время. Идея была его или этого вашего инструктора из Афгана?

В глазах наемника мелькнула не то ненависть, не то страх, но думал он недолго и действовал быстро, хотя и недостаточно быстро по меркам профессионала. Он прыгнул к окну номера, собираясь нырнуть в него сквозь стекло, и нарвался на удар Василия, отбросивший его к трюму в углу комнаты.

— Кончай, — сквозь зубы произнес Шмель. — Время.

Ибрагимов раздумывал несколько секунд, глядя на копошащегося на полу эстонца, потом навел на него ствол своего странного пистолета и спустил курок. Выстрела не последовало, однако Кулдсепп вздрогнул и замер, а Василию показалось, что ему по ушам кто-то хлестнул невидимой ладонью. И только спустя некоторое время он сообразил, что Ибрагимов разрядил в наемника пресловутый «глушак», гипноизлучатель «кудав».

— Уберем Мухаммада, этого возьмем с собой. — Майор шагнул к эстонцу. — Встать! Исполнять все мои приказы! Кто убил Кожемякина?

— Афганец... он исполнитель воли исламского совета...

— Кто вам помогал в Москве?

— Я их не знаю... двое русских и кто-то из чеченской диаспоры...

— Кончай, — повторил Шмель, — выбиваемся из графика. Решил взять с собой — бери, потом допросишь.

— Я его не допросить хочу, — осклабился Ибрагимов, повернулся к безвольно сидящему Кулдсеппу. — Ждать здесь! Одеться! Молчать! — Не ожидая исполнения команды, майор исчез за дверью в коридор, за ним выскользнул Шмель. Последним вышел Василий, пораженный действием «глушака». Конечно, он слышал о возможностях психотронного излучателя, но сталкивался с его действием впервые.

Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад выглядел, как родной брат дежурного-«Радужева», даже очки у него были те же. Разве что был он повыше, жилистей, сильнее и чувствовал опасность не хуже волка. Брать его пришлось с шумом, потому что дверь номера, где он отдыхал, была заперта. Выбил ее Шмель ударом ноги, Ибрагимов дал в проем очередь из «клина», и полуодетый афганец, получив две пули в грудь, выстрелить в ответ не успел, хотя держал в руке «беретту». Шмель добил его из своего пистолета, выс-

трелив два раза в голову, не заботясь о чистоте простыней на кровати; пули снесли Мухаммаду полчерепа, и кровь забрызгала всю кровать и стену напротив.

Ибрагимов высыпал на грудь убитого полмешка мини-Коранов — точно таких же, что нашли на теле писателя Кожемякина в Москве, бросил сверху визитку «чистилища». Сплюнул.

— Жаль, что подход так просто. Очень мне хотелось испробовать на нем одну новинку. Ладно, уходим. — Он включил рацию. — Кир, Шерхан, что у вас?

Динамики в ухе каждого перехватчика донесли ответы вызванных: «Все в порядке, контролируем ситуацию», — и майор рванул в коридор, прекрасно понимая, что времени на отход у них мало, несмотря на дерзость и быстроту проведенной операции.

В коридоре им повстречался сонный абориген, судя по внешности — славянин, и реактивный Шмель присоединил его к жертвам атаки, хотя Василий мог вполне успокоить мужика без летального исхода. Забрав безвольного Кулдсеппа, они выскочили во двор, снова сели в «газик» и с визгом шин понесли по серпантину улицы вниз, вон из Калиюрта, подхватив на выезде Кира и Тамерлана, перебивших гарнизон «комендатуры» селения.

Отмотав по дороге двадцать километров до распадка, куда должен был прилететь вызванный еще в селе вертолет, и встретив лишь пастуха с отарой овец и двух пацанов на велосипедах, они рассредоточились на гребне распадка и стали ждать прибытия «вертушки». Ибрагимов же и Шмель укрылись с пленным в кустах, приказав остальным не соваться к ним в течение получаса.

Вася лег на землю недалеко от женщины-проводника и стал смотреть в небо, ощутив вдруг усталость — не физическую, а психологическую. Операция начала его угнетать, не только количеством жертв, но и отношением коллег к происходящему. Они слишком легко убивали людей, мало или совсем не причастных к терактам в Москве, а главное, делали это с удовольствием.

Зашуршала трава. Вася повернул голову и увидел соседку. Шапочку она сняла, и теперь можно было разглядеть ее миловидное лицо с желтовато-карими глазами, курносый носиком и прямыми бровями, придающими лицу мрачноватое выражение.

— Спасибо за часового, — проговорила она, присев рядом на корточки. — Как зовут?

— Василий, — ответил Балувев, приподнимаясь на локте.

— Меня Людмила. А что отцы-командиры там делают с ним?

— Допрашивают, наверно.

— Что он может знать?

— Спроси у него.

Помолчали. Из-за кустов послышался смешок, потом раздался голос Тамерлана:

— Эй, «волкодав», не теряйся. Или помочь?

Вася рывком сел, но женщина удержала его за рукав.

— Пусть веселятся, не обращай внимания. Это опасные люди.

— Да и я не бычок-первогодок.

— Я их уже знаю... — Людмила не договорила.

Из кустов, в которых скрылись внизу Ибрагимов и Шмель, раздался

дикий крик. В нем было столько муки и боли, что все вскочили, хватаясь за оружие. Уже догадываясь, в чем дело, Вася метнулся на крик, продрался сквозь кустарник и увидел катавшегося по земле Кулдсеппа, а рядом, в нескольких шагах, спокойно стоящих майоров.

Эстонец уже не кричал — выл и хрипел, царапая себе живот и грудь ногтями, то зажимая глаза, то пытаясь их вырвать, пока кровь не залила лицо. Вася заметил в руке Ибрагимова пистолет, похожий на «глушак», но с толстым кольцом алого цвета на конце дула, и все понял. Это был генератор боли «пламя», в просторечии «болевик», о котором тоже ходили легенды в кругах военных профи. Он воздействовал на нервную систему человека таким образом, что тот чувствовал сильнее боли, снять которые ничем было нельзя.

Вася повернул дуло своего «клина» к земле, выстрелил, и Кулдсепп затых, перестал корчиться и вырывать себе глаза. Пуля попала ему в висок.

Ибрагимов и Шмель оглянулись.

— Какого дьявола! — нахмурился Ибрагимов, увидел за спиной Василия подходивших Людмилу, Тамерлана, Кира и Маугли, сунул «болевик» запазуху. — В чем дело? Почему оставили охранение? «Духов» захотели пропустить? На место!

— А чем это ты его достал? — кивнул на окровавленное тело наемника Тамерлан. — Чего он так кричал?

— Не твоего ума дело. Быстро наверх!

Перехватчики молча полезли по склону распадка на гребень. Вася повернулся за ними, услышал тихий щелчок взводимого курка и мгновенно отпрыгнул в сторону, готовый стрелять сразу из двух рук в любую секунду.

Майоры стояли лицом к нему, похожие друг на друга хищным прищуром глаз. Ибрагимов держал руки в карманах, из руки Шмеля смотрел на Васю пистолет «волк». Несколько мгновений длилось красноречивое молчание, потом Шмель нехорошо ухмыльнулся, спрятал пистолет, а Ибрагимов проговорил ровным голосом:

— Еще раз вмешаешься в мои дела, «волкодав», пеняй на себя. Понял?

— Еще раз без нужды будете мучить людей, партнеры, — таким же ровным голосом ответил Василий, — положу обоих. А выберемся, доложу о ваших экспериментах кому следует.

— Ты сначала выберись, — сказал Шмель, продолжая улыбаться, так что от его улыбки у Балуева свело скулы.

— Займи свое место, — отвернулся Ибрагимов, нагибаясь к лежащему на спине наемнику.

Василий без шума растворился в кустах, поднялся на вершину холмистой гряды, снова лег на траву возле сидящей Людмилы. Женщина оценивающе посмотрела на его сосредоточенно-хмурое лицо, покачала головой.

— Зря ты с ними цапаешься. Зачем пристрелил пленного?

— Он бы все равно умер. — Вася помолчал. — Ктому же я не палач, а «волкодав»-перехватчик, не люблю, когда пытаются людей, даже таких гнусных, как этот эст.

— Это их дело. Я тоже не люблю таких зрелищ, но они наших ребят пытали не в пример страшнее.

Вася не ответил, и женщина замолчала. Потом придвинулась ближе.

— Женат?

— Нет.

— Дикий ты какой-то, не похож на остальных. Я видела, как ты двигаешься? Рукопашкой у кого занимался?

Вася хотел отшутиться, но в это время послышался гул вертолетных винтов, и тотчас же из-за ближайшего холма вывернулась пятнистая «вертушка», мастерски прижалась к земле, села в распадке с первого захода.

Через минуту они уже летели низко над землей — в антирадарном режиме, — огибая холмы и скалы, ныряя в лощины и ущелья, на северо-восток, в сторону Грозного. Вертолет должен был высадить группу в тридцати километрах от столицы Чечни, где их ждала спецмашина.

Вася понимал, что нажил себе серьезных врагов, но думал об этом мало. Пока они шли в общей связке, отряду был нужен каждый человек, Ну а потом, после выполнения задания, можно будет и поговорить с обоими по-мужски. Главное в нынешнем положении — беречь спину.

ЗИГЗАГ ВЫСОКОЙ ПОЛИТИКИ

Премьер-министр вызвал Панова в Белый дом неожиданно, к тому же он прежде никогда не разговаривал с ним в раздраженном тоне, поэтому Иван Сергеевич ничего хорошего от аудиенции не ждал. Однако пока он собирался, решал неотложные дела, ехал в дом правительства, произошли некие события, которые повлекли за собой весьма важные последствия.

Премьера не оказалось на месте, а его секретарь, вышколенный молодой человек в очках, о причине отсутствия сказал только два слова, подняв очи горе:

— У Хозяина.

Это означало, что Краснорыжин срочно убыл в Кремль по вызову президента.

Размышляя об этом, Панов вышел из приемной руководителя правительства и нос к носу столкнулся с вице-премьером Сосковым, которого знал плохо и с которым прежде никогда не контактировал.

— А я за вами, Иван Сергеевич, — сказал Сосков, поздоровавшись, плотный, большоголовый, смотрящий всегда исподлобья, почти никогда не улыбающийся, с ежиком коротких светлых волос. — Узнал, что вы здесь, и решил поговорить. Есть повод. Пойдемте в мои апартаменты.

— Но меня вызвал Михаил Сергеевич...

— Ему будет не до вас. — Сосков пропустил директора ФСБ вперед, дружески взял под локоть и повел по коридору, мягко ступая по ковровой дорожке. Открыл свой кабинет, усадил гостя в кресле напротив диванчика в «гостевом» углу огромной роскошной комнаты со множеством стеклянных шкафов, набитых призами и кубками всех размеров и цветов. Достал из бара бутылочку армянского коньяка, налил в стопочки по глотку, поднял свою стопку.

— Ваше здоровье, Иван Сергеевич.

Хмыкнув, Панов проглотил коньяк, сунул в рот по примеру хозяина дольку ананаса, и они некоторое время сосредоточенно жевали, поглядывая друг на друга, словно оценивая то, что должны были услышать. Наконец Панов сдался первым:

— Итак, я вас слушаю, Юрий Степанович. Что тут у вас происходит?

— Да ничего особенного, Иван Сергеевич. Под Краснорыжиным зашаталось кресло, так что в ближайшее время следует ждать перемен.

— А вы, надо полагать, его сменщик? — догадался Панов.

— Ну, не на сто процентов, — скромно потупился Сосков, — одна-ко вероятность большая. Все будет зависеть даже не от президента, а от Думы. В связи с чем дружески советую прекратить все спецоперации на территории Чечни. Краем уха я слышал, там сейчас работает ваша опергруппа?

Панов похолодел, стараясь тем не менее выглядеть достойно. О засылке группы перехвата в Чечню должны были знать всего четыре человека: сам Иван Сергеевич, Ельшин, Первухин и Краснорыжнин. Однако, если и Сосков осведомлен, значит, где-то произошла серьезная утечка информации.

— Исламский терроризм шагнул на территорию... — начал директор ФСБ.

— Да какой, к черту, исламский терроризм! — криво улыбаясь, проговорил Сосков, налил еще по глотку коньяка. — Хорошо делают братья-армяне, не правда ли? Нам до исламских террористов нет никакого дела. А вот предстоящая встреча президента Ичкерии с нашим президентом имеет громадное значение. Через два дня состоится визит их премьера, а потом и сам Шароев пожалует, что весьма и весьма важно для развития отношений в... гм-гм, нужном для нас направлении. И если вдруг в этот момент случится что-то с его сыном... вы понимаете?

Панов понимал. Задумчиво повертел в пальцах хрустальную стопку с выпуклым двуглавым орлом на боку.

— Но команда Безумного... э-э, Амирбека Шароева, уничтожила несколько офицеров, героев чеченской войны, а также писателя Кожемякина. Это доказано...

— Да забудьте вы о них, — поморщился Сосков. — Есть дела поважнее. Щенок перестарался... Пусть расчетами с чеченцами занимается «чистилище», что нам только на руку. В общем, я надеюсь, вы хорошо представляете последствия. Необходимо обойти все острые углы перед визитом Шароева в Москву, а это означает, что его сын...

— Известный бандит и террорист...

— ... его сын должен находиться в полном здравии.

Панов поставил стопку с коньяком на столик, выдержал тяжелый взгляд вице-премьера, встал.

— Я все понял, Юрий Степанович. Попытаюсь сделать все, что в моих силах.

— Вот и ладненько, Иван Сергеевич. А я со своей стороны обещаю вам всестороннюю поддержку.

Они раскланялись, не подавая друг другу руки, и Панов вышел из кабинета. Вскоре он входил в свои служебные апартаменты, привычно не замечая смены телохранителей, сопровождавших его повсюду, кроме разве что территории Белого дома. Постояв в глубокой прострации несколько минут у окна с видом на Лубянскую площадь, Иван Сергеевич вызвал Ельшина и Первухина и сел за компьютер. Ему захотелось поднять досье на вице-премьера Соскова, имеющего, по данным ФСБ, прямые связи с миром бизнеса и криминальным миром.

Начальники Управлений «Т» и УСО явились аккурат через десять минут, словно ждали вызова. Сестр их Иван Сергеевич не пригласил, проговорил, не поднимая головы от дисплея:

— Во-первых, кто-то из вас проговорился о проводимой нами операции «Перехват».

Генералы в замешательстве переглянулись.

— Не может быть! — твердо заявил Первухин.

— Тогда откуда о ней известно Соскову?

Начальники Управлений снова обменялись взглядами. Первухин был озадачен, Ельшин же догадывался, в чем дело, но молчал. Сосков был связан с Куполом, значит в его руководстве кто-то проговорился о засылке группы в Чечню.

— Во-вторых, — произнес Панов, не повышая голоса, все еще читая довольно объемное досье Соскова, выведенное на экран, — вы предложили этот вариант — «месть» — исламским экстремистам, вы и расхлебывайте. Связь с группой есть? Где они там?

— Они уже ликвидировали шестерых, — сказал Первухин, — остался Безумный... э-э, Шароев. Он будет уничтожен сегодня ночью.

— Немедленно отмените операцию! — Иван Сергеевич наконец глянул на стоящих посреди кабинета генералов. — Обстоятельства изменились. Шароев должен остаться живым. Ясно?

— Но ведь мы учитывали... — начал было Первухин.

— Исполняйте. — Панов отвернулся, давая понять, что аудиенция закончена.

Начальники Управлений поглядели друг на друга в третий раз и вышли. В приемной они закурили.

— Смена курса, — сказал авторитетно Ельшин. — Дует свежий ветер перемен. Краснорыжин, очевидно, полетит в скором времени, а его место займет или Сосков, или Лобанов.

— Да хрен с ними обоими, — затаился Первухин. — Меня это мало волнует. А вот то, как мы теперь будем вытаскивать группу...

Вытащим, — беззаботно махнул рукой Ельшин.

Вог и вытаскивай. Ты предложил вариант «мести»... с дезой на «чистилище», ты и хлопочи.

Нс переживай, — хлопнул начальника УСО по плечу Генрих Герхардович. — Все будет тип-топ, гарантирую.

ОТСТУПНИК

На сей раз сознание Матвея выплыло не в тело разведчика-первопредка, путешествующего по запретной территории Инсектов, а в тело более древнего представителя рода — получеловека-полульва-полунасекомого, и этот че ловекообразный монстр (две ноги, четыре руки, вполне человеческая голова, хотя и с фасетчатыми глазами и без ушей, хитиновые наросты на лопатках, похожие на зачатки крыльев, и такие же пластины на груди и на животе, органично сочетающиеся с кожей) оказался тем самым родоначальником системы боя — смертельного касания, которую получил Матвей в дар от иерархов с помощью Тараса Горшина.

В принципе ничего особенного в этом трансовом сне-воспоминании Матвей не увидел. Мастер тренировался один, записывал свои мысли острым когтем на тонких, как бумага, металлических листах (металл напоми-

нал серебро, а вязь букв походила на арабскую письменность), затем отрабатывал приемы на учениках, а может быть, на рабах — трупы уносили молчаливые женщины-львицы в своеобразных балахонах, и снова записывал соображения, изредка стирая проступающий на металле текст куском пемзы.

Матвей попытался воздействовать на сознание мастера и даже вывел его из дома, похожего на термитник, но, кроме десятка таких же трех-, четырехъярусных термитников, коричнево-красных, отблескивающих глазурью, геометрически безупречных, да леса за ними, над которым висел зозрекс, ничего больше не увидел. Зозрекс, летающий город Веспидов, показался ему необычным, однако времени на рассмотрение предок Матвею не дал, сердито вышвыривая сознание потомка из своего.

Проснувшись, Матвей проанализировал сон, понял, почему воздушный замок Веспидов показался ему необычным: он был совсем новенький, красивый, изящный, как игрушка, и пришел к выводу, что прапредки человека вполне могли уживаться мирно с пережившими Изменение Инсектами.

Сон не показался Матвею интересным, и все же он остался доволен. В этот раз ему удалось опуститься по мировой линии своих предков гораздо глубже в прошлое, чем в предыдущих трансовых путешествиях-снах, а это вселяло надежду, что когда-нибудь ему удастся подобраться к Изменению вплотную, а может быть, и перешагнуть этот временной барьер, чтобы пересечь эпоху царствования Инсектов, пообщаться с Аморфами и встретиться с Безусловно Первым, Творцом «розы реальности».

Встав, как обычно, в половине шестого, Матвей проделал комплекс обязательных упражнений и медитации, не выходя в астрал, затем начал развивать свои растущие возможности. Летать он еще не научился, как и ходить по воде, но вес тела был способен уменьшить в три-четыре раза. Мог излечивать раны, нанесенные холодным или огнестрельным оружием, у себя или у других людей, чем пользовался не однажды, развил обоняние до такой степени, что мог конкурировать с любым животным, остротой зрения — с орлами, а слухом — с дельфинами и летучими мышами. Теперь его интересовали более высокие материи: способность создавать видимые копии, так называемые «астральные тела», или по-научному — динамические голографические призраки, возможность ощущать панорамы и перспективы других реальностей и весьма необходимая способность проникать сквозь стены, не говоря уже о способе мгновенного преодоления огромных расстояний, которым владели иерархи и Хранитель Матфей. Но тот был Посвященным III ступени Внутреннего Круга, а Соболев принадлежал к касте II ступени, что и кардиналы Союза Девяти, поэтому мог только мечтать о возможностях Хранителей, хотя в будущем рассчитывал на новое Посвящение.

Конечно, он не ждал милостей от природы, он тренировался, упорно и настойчиво, и кое-что у него начало получаться.

Однажды Кристина застала его, управившегося в стену рукой (рука излучала нежное розоватое свечение), и даже засмеялась от неожиданности:

— Что это ты, Соболев, стену подпираешь?

— Пытаюсь пройти насквозь, — сказал истинную правду Матвей, что было воспринято сначала как шутка. Потом девушка заметила светящийся ореол вокруг руки и перестала улыбаться.

— Ты... серьезно?!

— Что ни на есть, — кивнул Матвей. — Понимаешь, всего-то и надо подогнать частоту вибраций тела под частоту вибраций стены, но у меня пока не получается.

Он убрал руку, и Кристина увидела на бетонной, покрытой обоями, стене отпечаток ладони...

Вспомнив этот эпизод, Матвей улыбнулся. С тех пор он пытался тренироваться в одиночестве, ночью или когда Кристина отсутствовала, чтобы не травмировать ее психику.

Он заперся в ванной, коснулся двумя ладонями перегородки между ванной и туалетом, сосредоточился, и руки, засияв, как раскаленные бруски металла, вошли в перегородку на сантиметр.

Боль ударила по нервам кнутом. Матвей выдернул руки, подул на них, потряс, сунул под воду. Утихомирив боль, покачал головой. Чего-то он не учитывал при экспериментировании, и проникновению в материал стен мешала реакция нервной системы, вызывающая сильнейшую боль-ожог в нервных окончаниях погружаемых в твердые тела рук.

После душа с непременно сменой холодной и горячей воды Матвей вскипятил чайник и привычно обзрел «окрестности» астрала, входя в меоз¹ без всякого усилия.

Как всегда, мерный «космический» шум первого информационного слоя Земли подействовал на него завораживающе, и он даже пропустил тихое прикосновение чьего-то мысленного потока. Опомнился, уплотняя пси-блок и одновременно расширяя диапазон гипервидения. Мыслепоток был незнакомым, и от контакта с ним у Матвея родилось ощущение прикосновения к холодной и скользкой шкуре болотной змеи. Кто-то пытался лоцировать его в астрале, ожидая появления, кто-то незнакомый, чужой, равнодушно-внимательный и от того непредсказуемо опасный.

Страхнув с себя щупальца чужой воли, Матвей побрел дальше, настраиваясь на прием нужной информации, но вынужден был прервать сеанс — на кухню выпорхнула Кристина, босоногая, как всегда, в наспех наброшенной мужской рубашке, розовая со сна, соблазнительная и милая.

— Я его ищу по всей квартире, а он здесь медитирует в одиночестве. О чем задумался, детина? — Она взобралась ему на колени, шутливо потянула за нос, лизнула в ухо.

Матвей поцеловал ее в шею, потом не удержался и расцеловал обе груди, прижал к себе.

— О чем может думать молодой мужик в семь утра? О тебе, конечно. А еще о несовершенстве человека.

Кристина белозубо засмеялась.

— Еще твой любимый Омарчик Хайям задавался этим вопросом. Понмишь?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если не совершенны, то кто бракодел?

¹ Меоз — состояние ментального озарения.

— Помню, — улыбнулся Матвей. — Хотя в принципе знаю, кто бракодел.

— Кто же?

— Аморф Конкере, Монарх Тьмы.

— Это еще кто такой, почему не знаю? Разве не Господь нас создал? Матвей покачал головой, сказал серьезно:

— Разве мог Господь создать таких злобных, трусливых, агрессивных, лживых и порочных существ, как люди?

— Конечно, мог, — пожала плечиками Кристина. — В противовес кому-то, например, или для ассортимента, так сказать, или вообще шутки ради. Ведь недаром говорят, что весь наш мир — майя, иллюзия... Е г о иллюзия, понимаешь? Мы всего-навсего мыслеформы Бога.

Матвей внимательно всмотрелся в лицо подружки. На миг ему показалось, что сквозь черты Кристины на нем проступили черты лица Светлены. Но он отогнал от себя это наваждение.

— Как я понял, ты уже кое-что прочитала из того, что я тебе давал. Интересно?

— Торчу и балдею. — Кристина освободилась из объятий, побежала в ванную, выглянула оттуда. — Даже на лекциях читаю. И вообще ты действуешь нечестно.

— Это почему же? — вытаращил глаза Матвей.

— Я и так с тебя тащусь, как говорят подружки, минуту не могу прожить одна, а ты еще эту гипнотизирующую эзотерику подсунул, чтобы крепче меня к себе привязать.

Дверь закрылась, зашипела в кране вода.

Матвей улыбнулся, потом рассмеялся, по ассоциации вдруг припомнив рассказ Васи Балуева.

Два года назад... или вперед? Ведь те события как бы еще не происходили... и все же хранится в памяти история двух «волкодавов»-перехватчиков и трех Посвященных, и никуда от этого не деться! Все это было... или все-таки еще только будет?

«Не рефлексируй! — строго приказал себе Матвей. — Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе.»

История же, поведенная Балуевым, была в самом деле уморительна. Вася тогда жил во Владимире с девушкой Наташей, перезнакомился с ее друзьями, ходил к ним в гости, вместе отдыхал. А однажды, отпраздновав чей-то день рождения, поздно ночью компания пошла прогуляться и, выйдя на берег Клязьмы, решила искупаться. Но так как все заранее не побеспокоились о купальных костюмах, один из самых юморных приятелей Наташи — Алексей, Лёха, — предложил купаться голыми, но лагерями: «женщины отдельно, мужчины отдельно». Провел черту на песке до реки, скомандовал: «Бабы налево, мужики направо». Разделись, залезли в теплую воду, а через минуту раздался вопль и визг на левой половине — Лёха заплыл на женскую территорию. Оправдывался он потом тем, что «черту смыло водой»...

Матвей еще раз улыбнулся, потом внезапно сбросил с себя одежду и ворвался в ванную. Кристина, правда, визг поднимать не стала...

Потом они завтракали: рис, овощная поджарка, кофе. Кристина была настроена весело, болтала о том о сем, изредка бросая на Соболева странноватые взгляды, и Матвею снова показалось, что из нее выглядывает

Светлена, спутница инфарха, его светлый ангел. Рассердился на себя, отодвинул чашку.

— Сколько тебе экзаменов осталось сдать?

— Два, — остановила свой рассказ Кристина. — А что?

— Прикидываю, когда и куда мы поедем потом.

— Куда захочешь. Можно ко мне в Рязань, можно к родственникам в деревню, они в Красноярском крае живут, в тайге, на берегу горной речушки. А куда ты ездил вчера?

— За кудыкины горы, — не моргнув глазом Матвей.

— Меня не мог взять с собой?

— Не мог, к сожалению.

— Не ври. Не захотел.

Матвей подумал, кивнул, соглашаясь, поднял вверх палец и назидательно проговорил:

— Если мужчина никогда не лжет женщине, значит, ему наплевать на ее чувства.

Кристина засмеялась, поперхнулась чаем, и Матвей легонько постучал ее по спине.

— В следующий раз обещаю взять тебя с собой. Но только после того, как сдашь экзамены и только в том случае, если будешь слушаться.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин. — Кристина вдруг ойкнула, бросив взгляд на висевшие на стене в кухне часы. — Заговорил ты меня, перехватчик, я же на консультацию опоздаю! — Она подхватила и бросилась из кухни в спальню, откуда раздался ее голос: — Посуду не забудь помыть.

— Это называется статус-кво, — пробормотал Матвей, вспомнил старый анекдот и добавил: — «А вот этого не надо, — сказал граф и пошел мыть посуду...» — Зашел в спальню, оценивающе разглядывая переодевающуюся Кристину. — Я тебя подвезу, успеешь.

— Выйди, нахал, — возмущенно отмахнулась блузкой Кристина.

В начале десятого он высадил ее на Манежной площади и направил машину по Охотному ряду мимо Театральной и Лубянской площадей в сторону Новой Басманной. Тарас Горшин, отступник Внутреннего Круга, ныне — комиссар «чистилища», жил в собственном доме на окраине Москвы, в зеленой зоне Щелково, и, судя по «шевелению» астрала, находился в данный момент дома.

Дом Тараса был окружен сосновым лесом, а обрабатываемый участок с плодовыми деревьями — две яблони, несколько вишен, слива и груша — и огородом не превышал шести соток. Зато участок был тщательно ухожен и содержался в идеальном порядке, что говорило о привязанности хозяина к земле. Дом недавней постройки по сути представлял собой финский коттедж с остроугольной крышей, под которой располагалась мансарда. Насколько помнил Матвей, в доме было пять комнат и кухня. В большой гостиной, выполненной в готическом стиле и представлявшей собой каминный зал с коллекцией старинного холодного и огнестрельного оружия и лат, Соболев уже бывал однажды.

Оставив машину за два квартала до «поместья» Горшина, наглухо заблокировав себя в пси-диапазоне, он прошелся по улице, присматриваясь к дому, никого в саду не увидел и ловко перепрыгнул через полутора-метровой высоты забор, памятуя, что калитка Тарасова двора снабжена хитроумной системой контроля и опознавания гостей.

Открыть входную дверь не составило бы особого труда, но тогда работала бы сигнализация, и Матвей решил проникнуть в дом через окно, несмотря на то что все они были заперты изнутри. Он зашел со стороны леса, все время лоцируя, вернее, пассивно контролируя передвижения хозяина по дому, прислушался к своим ощущениям, тревоги не почувал и положил руку на стекло. Через несколько минут в стекле образовалось отверстие по форме ладони, сквозь которое можно было просунуть руку. Матвей отодвинул шпингалет форточки, открыл ее, гибким змеиным движением, с прыжка, втиснул в нее плечи и быстро пролез, будто «стёк» на пол струей воды.

Горшина он обнаружил в гостиной с камином. Бывший Посвященный II ступени, отвергнутый адептами Внутреннего Круга за упорную реализацию идеи мести (слуги Конкере убили его жену с неродившимся ребенком), рисовал на листе белого картона китайский иероглиф цюанькулак внутри кулака, символизирующий тайный, скрытый от посторонних смысл какого-нибудь явления.

Он мгновенно повернулся к двери, почував чужое присутствие, и несколько секунд Посвященные смотрели друг на друга: один — с изумлением и недоверием, второй — с любопытством. Потом Горшин сорвался с места и оказался рядом — он владел т е м п о м, то есть знал секрет сверхскоростного сокращения мышц. Но и Матвей мог работать в т е м п е, поэтому встретил хозяина адекватно.

Специалист, владеющий системой п о с т р о е н и я движения, своеобразной силовой паутиной возможных траекторий рук, ног, головы, других частей тела, способен, ничуть об этом не задумываясь, показать тысячи разнообразных приемов, не привязываясь к какой-то определенной схеме боя или комбинации базовых техник. Он просто действует, исходя из принципа: хочешь быть непобедимым — не создавай ситуацию, в которой есть возможность тебя победить. И Матвей давно научился пользоваться этим принципом. К тому же он в совершенстве владел техникой смертельного и усыпляющего касания. Поэтому ни одно движение Горшина не поставило его в тупик, ни один удар мастера, коим безусловно был Тарас, не достиг цели. В любой момент Матвей мог остановить схватку, обладая дацзешу — искусством пресечения боя, к которому можно было отнести и японское ниндзюцу, и монгольское бандзо, китайский дуаньда, маньчжурский чаньтун, индонезийский пенчаксилат и отечественный русбой; всеми этими стилями Матвей занимался в свое время и все они вошли в его техническую базу.

Горшин отскочил, озадаченный, но не побежденный, не растерявшийся и по-прежнему опасный. Снова начал атаку, меняя стили и ритм проведения приемов, ломая траектории движений спонтанно и неожиданно. Матвею пришлось ответить, чтобы ослабить нажим, потому что он перестал сновать между ударами и уклоняться, противник ему все-таки достался высшей категории, с которым вряд ли мог справиться даже мэйдзин — мастер ниндзюцу.

Затем Горшин применил «ядовитую руку» — искусство смертельного касания, культивируемое некоторыми японскими школами тайдзюцу, и хотя это был всего лишь отголосок «настоящей» космек (комбинаторики смертельного касания — по терминологии Васи Балужева), созданной перволлюдьми миллионы лет назад, Матвею пришлось изрядно потрудиться,

чтобы не получить серьезный энергетический укол самому и не покалечить противника.

Кончилась атака Горшина тем, что он получил «щелчок по паутине» — укол в стиле русбоя в середину лба и некоторое время «выплывал» из полубессознательного состояния, присев на корточки. Выпрямился, опуская руки, показывая, что не собирается продолжать, но сдаваться явно не хотел.

— Мо сйцумен ва аримасэн ка¹? — спросил Матвей по-японски.

— Кто тебя послал? — Голос Горшина был тихий, хрипловатый, обманчиво-надломленный: он готовился к новой атаке.

— Не Конкере, — усмехнулся Матвей. — Я работаю на военную контрразведку, хотя пришел к тебе по собственной инициативе.

— Кто ты? Один из нас? Судя по тому, как ты вошел...

— Я Матвей Соболев, с одной стороны — Посвященный, с другой — нет. Если ты способен выслушать меня спокойно, без демонстрации вибхути², давай сядем и поговорим.

— А ты можешь?

Матвей прыгнул.

До стола было метров пять, и он пролетел над ним — уменьшив вес второе, — точным движением снял с поверхности стола лежащий на нем нож и полоснул им по левой ладони. Брызнула кровь, тут же сворачиваясь, а через несколько мгновений, когда Матвей уже стоял у стены с оружием по ту сторону стола, шрам затянулся на глазах, побледнел, исчез совсем.

— Нормально, — хмыкнул Горшин. — Почему я вас не знаю? Такое способен проделывать только Посвященный II ступени Круга.

— Вы меня знаете, — сказал Матвей дружелюбно. — Точнее, з н а л и. Но об этом мы поговорим чуть позже. — Он снял со стены висевший обоюдоострый меч, по желобку которого вилась вязь старинных русских букв: «Не обнажаша напрасе». — Тринадцатый век. Меч русского князя Волеслава, не так ли?

— Откуда вы знаете?

— Ты мне сам сказал два года назад. Не хочешь попробовать? Ты ведь мастер кэндо? Однажды ты демонстрировал мне свое искусство.

Горшин без слов прыгнул через стол, красиво приземлился по другую сторону и снял другой меч — рыцарский, классического европейского типа, длиной около метра и шириной в пять сантиметров, с гардой, дужки которой слегка загибались вверх. Эфес его не был особенно удобным, но и этой эфес русского меча не слишком хорошо лежал в ладони.

Во время памятной Матвею встречи с Горшиным тот показал ему такое виртуозное владение мечом, что не восхититься и не позавидовать было нельзя. Но с тех пор прошло достаточно времени, чтобы Матвей приобрел мастерство воина, оттачивая владение мечом и другими видами холодного оружия, поэтому сегодня он дрался с Тарасом на равных.

О нет, этот бой не походил на всемирно известные киношные сражения горца, Дункана Маклауда, со своими многочисленными врагами. Каж-

¹ Больше вопросов нет?

² Вибхути — манифестация сверхобычной силы, состоящей из восьми выдающихся способностей, в которые входят превращение в сверхмалые и сверхвеликие объемы, утрата веса, достижение любых сверхудаленных предметов и тому подобное (буддизм).

дый удар в этом бою мог оказаться смертельным, последним, ибо наносился не в одной плоскости, а по сложным кривым — «лопастями поражения», и не знающие защиты от таких ударов давно потеряли бы жизнь.

Горшин действительно был прекрасным кэндоистом, знающим все тактики и приемы боя на мечах, в том числе такие сложные, как японская «бозэй-когэй-хёики» и русская «сеча Радогора». Противостоять ему было чрезвычайно трудно, особенно в моменты смены ритма. Однако Матвей выдержал бой — лишь однажды он получил царапину плеча, но и сам нанес укол в ухо противнику.

Тарас бросил свой меч первым, сказал хладнокровно:

— Вы превзошли меня, сэнсэй. Проходите, я сейчас приготовлю напитки.

Матвей повесил меч на стену, сел в одно из старинных, из темного дерева, кресел. Горшин принес на деревянном подносе чашки из тонкого китайского фарфора, кофейник, сахар, сыр ломтиками, разлил кофе по чашкам. Отпив по глотку, они оценивающе глянули друг на друга, похожие непоказным спокойствием и глубинной уверенностью в себе, основанной на опыте и знании.

— Итак?

И от этого вопроса Матвею показалось, что история повторяется даже в деталях. Два года назад он пил кофе с Тарасом точно так же, и впереди их ждала жестокая схватка с Монархом Тьмы.

— Я инициировал эйнсоф, — сказал Матвей. — Ты в курсе, что это такое.

— В курсе, — кивнул Горшин, в свою очередь переходя на «ты». — Только странно, что ты уцелел.

— Мне придется начать издалека... — Матвей вздохнул про себя, не чувствуя желания продолжать; свою историю он повторял уже в третий раз, это начинало надоедать.

В отличие от предыдущей встречи с Ульяной и Парамоновым сегодня ему удалось уложиться в сорок минут. Горшин все отлично понимал, ни разу ничего не переспросил, скепсис не выражал и лишь изредка вскидывал на рассказчика сосредоточенный взгляд. Молчал он, после того как Матвей закончил, недолго.

— Значит, произошел отстрел мягкой версии Закона возмездия...

— Нечто в этом роде, — улыбнулся Матвей на слово «отстрел».

— Ну и что? Я это в принципе знал, поэтому и создал «Стопкрим» в качестве регулятора Закона.

— Этот твой регулятор слаб, он не справится с проблемой стабилизации социума. Да и не может он быть полноценным регулятором в принципе, как изначально патогенная система отношений.

— Допустим, это еще надо доказать.

— А исторический опыт порочных процессов регуляции социума тебе ничего не доказывает? Закон обратной связи подвержен волновым колебаниям, и как только он ослабевал, на Земле начинались войны, общие процессы разрушения культуры. На Ближнем Востоке окреп ислам, началась эпоха крестовых походов. Взрывообразный процесс падения энтропии породил монголо-татарское иго. Такой же процесс в двадцатом веке инициировал поход Гитлера на Россию...

— Не стоит приводить примеры, — рассеянно сказал Горшин. — Вряд ли ты докажешь мне то, в чем я сомневаюсь.

— Я ничего не хочу доказывать, только привожу факты. А в общем-то ты не прав, деятельность «чистилища» — не главная забота Посвященного такого ранга, как ты. Тем более что ситуацией все равно управляет более мощная организация.

— Купол, что ли? Мы доберемся и до него.

— Нет, Союз Девяти Неизвестных. В твоей команде есть некто Рыков Герман Довлатович, начальник информбюро ФСБ, так вот он — один из кардиналов Союза. Неужели не почувствовал его силу? А в Куполе работает еще один кардинал — Хейно Янович Носовой. Так что именно они регулируют социальную и прочую Среды страны, а не «чистилище», и масштаб их воздействия на жизнь мира гораздо выше. Не обижайся, но я не стал бы преувеличивать собственную значимость для «запрещенной реальности».

— Я не обижаюсь, — сверкнул глазами Горшин, сделав безуспешную попытку перехвата воли собеседника, — но и не преувеличиваю. Я отступник, и никто не смеет мне диктовать свои условия, ни Союз Девяти, ни адепты Круга. Ни ты. У нас разные способы реализации себя и разные дороги.

— Ошибаешься, — простодушно проговорил Матвей. — Я предлагаю нечто большее, чем месть убийцам твоей жены, а как говорят даосы: не взять то, что даровано Небом, значит себя наказать.

— Что же ты предлагаешь?

— Совсем скоро начнутся разборки между иерархами за трон Мастера Мастеров, инфарх будет низложен — не без помощи Монарха, кстати, разгорится великая битва за абсолютное владение «запрещенной реальностью»... — Матвей помолчал. — Ибо это так увлекательно — в л а с т в о в а т ь над миром! А Монарх между тем потихоньку готовит новое и з м е н е н и е... если только оно уже не началось.

— Что ты предлагаешь конкретно?

— Перекрыть границы нашей реальности, дать цивилизации шанс развиваться самой, без толчков извне.

— Судя по твоему рассказу, однажды ты уже попробовал это сделать, и ничего не изменилось.

— Нет, я хочу перекрыть границы абсолютно, для чего необходимо выйти в «розу реальностей» и остановить Монарха. А заодно и образумить возомнивших себя богами иерархов.

Горшин с проснувшимся интересом и недоверием посмотрел на Соболева.

— Ты с ума сошел! Во-первых, для посещения других реальностей необходимо Посвящение III ступени, да и то это не всегда гарантирует доступ. А во-вторых, Монарх нам шагу ступить не даст, коли узнает о намерениях.

— Если узнает. Надеюсь, ты ему не расскажешь? — проговорил Матвей самым серьезным тоном.

Горшин однако шутки не принял.

— Парень, у тебя по-моему головокружение от успехов.

— Я не предлагаю дэваяну¹, я предлагаю Путь Избегающего Опасности. Одному мне одолеть его не под силу, а вдвоем мы справимся. К тому же у нас есть помощники, как среди профессиональных воинов, идущих к Дао, так и среди Посвященных.

Горшин скептически поджал губы.

¹ Дэваяна — путь богов, которые идут после смерти к вечному блаженству, очистившиеся от грехов и познавшие вечную истину (буддизм).

— Неужели нашлись еще отступники? Поздравляю. А ты, значит, полководец армии отступников, ха-ха...

Матвей остался безмятежен.

— Ты хочешь изменить положение вещей? — спросил он Горшина.

— Одного желания мало, — ушел от прямого ответа Тарас. — Как ты предполагаешь это сделать?

— Я до сих пор нахожусь в поле действия саркофага Инсектов, то есть «одушевленной деталью» системы управления «Иглой Парабрахмы», которая находится в МИРе формикоидов под дачей генерала Ельшина. Надо проникнуть туда и открыть вход в «розу реальностей».

— Так просто, — невольно улыбнулся Тарас. — Нас к даче на пушечный выстрел не подпустят.

— Я уже дважды посещал ее. К тому же нас там не ждут и ловушки не готовят, а у Ельшина стоит в отдельном бункере великолепный комп типа «Шайенн» с выходом на Монарха.

Тарас подобрался, хищно шевельнул пальцами рук.

— Это... интересно.

— Идешь?

Горшин выдержал холодно-ироничный взгляд Соболева, расслабился.

— Надо как следует подготовиться.

— Я не предлагаю идти туда прямо сейчас, ошибаться мы не имеем права. Но времени у нас мало, начался синусоидальный провал Закона, надо спешить.

— А как Путь Избегающего Опасности согласуется с походом на Конкере? Ты же убедился уже один раз, что война с Монархом — Путь потерь.

— Путь Избегающего Опасности не запрещает мне играть роль винайки — устранителя препятствий, другое дело, каким способом я этого достигну.

— Каким?

— Не знаю, — простодушно ответил Матвей, вставая. — Пока не знаю. Но ведь мы профессионалы, разберемся? А еще я надеюсь, что нам помогут Учителя.

Горшин, задумчивый и явно заторможенный, проводил его до калитки, подал руку, помолчал, глядя исподлобья.

— Профессионалы, говоришь?

Матвей внимательно глянул в его непроницаемые черные глаза, не спеша отвечать на реплику. Тарас вдруг встрепенулся, показал свою удивительную улыбку — улыбку Будды — и процитировал:

— Да пребудут в целости,
Хмуры и усталы,
Делатели ценностей,
Профессионалы...¹

ПРЕДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Вертолет выбросил их в условленном месте, в тридцати километрах от Грозного, и с двух часов дня до вечера они отсыпались, отдыхали и готовились к следующей, заключительной части операции.

¹ А. Межиров.

«Домом отдыха» послужил взорванный еще в девяносто пятом году винзавод, на территории которого чудом сохранилось небольшое хозяйственное строение, используемое когда-то в качестве бутылочной мойки. Ничего пригодного к жизни там, конечно, не сохранилось, даже пустых бутылок, но перехватчикам особые удобства и не требовались, им было достаточно того, что стены строения и самого винзавода охраняли их от любопытных взоров местных жителей, изредка появляющихся вблизи.

Здесь группу ждал и транспорт — сгоревший с виду, разбитый вдрызг БТР, бывший тем не менее на ходу и способный доставить группу куда угодно со скоростью в шестьдесят километров в час.

Осмотрев территорию завода, Ибрагимов с двух сторон поставил по часовому и уединился в бывшем моечном цеху, где к нему присоединился майор Шмель. Остальные укрылись кто где, не желая в жару сидеть в душном помещении. Все понимали, что в случае обнаружения их не спасет ни полковник Дерюгин со своими оперативниками, ни тем более генерал Ельшин, и поэтому не переживали за свою судьбу, доверившись стихийным процессам, относясь к проблеме жизни и смерти по-философски. Правда, философия у всех была своя, и если бы можно было ее сравнить, то оказалось бы, что интересы многих бойцов отряда, основанные на их философии, диаметрально противоположны.

Василию досталось первому стоять в охране, чему он был даже рад. Удобно устроился за двузубым участком каменной кладки — винзавод до уничтожения был обнесен высокой стеной — и стал наблюдать за местностью: холмы, поросшие кустарником, лесок в распадке, заброшенная железная дорога. Через полчаса к нему присоединилась Людмила, и они перекинулись парой фраз, хотя Василию не особенно нравился интерес женщины к его особе. А спустя еще полчаса у него произошел конфликт с Тамерланом, скучающим от безделья и нацелившимся на более тесное знакомство с особой женского пола.

Людмила, поговорив с Васей и видя его нежелание вести отвлеченные разговоры, улеглась в низинке за стеной, скинув верхнюю часть комбинезона и подставив грудь солнцу. В этот момент к ней подсел Тамерлан, с ходу прижал к земле и, зажав руки особым приемом, принялся стаскивать нижнюю часть комбинезона. Людмила, конечно, знала приемы рукопашного боя, но в пределах универсальной школы, Тамерлан же был киллхантером и мог справиться с любым «черным поясом». Сопротивление женщины только раззадорило его, принятое за игру, а ее молчание он принял за слегка завуалированное согласие. Вася услышал стон и вмешался в борьбу в тот момент, когда Тамерлан, обездвижив Людмилу болевым приемом, пытался раздвинуть ей ноги.

— Эй, — тихо позвал Василий, надеясь, что его присутствие подействует на Тамерлана отвлекающе. Но тот лишь оскалился, продолжая свое дело. Прорычал свирепое:

— Приходи позже, «волкодав», будешь вторым.

И тогда Василий от души врезал ему ногой в область ребер с поворотом пятки. Удар назывался по-японски «икио кирасэру» и переводился как «сбой дыхания». Умело примененный, он всегда заставлял противника отступать.

Тамерлан был отличным бойцом. Краем глаза заметив движение, он почти успел уйти влево и попытался парировать удар внешним блоком — реб-

ром ладони, однако в этот момент носок стопы Балуева повернулся, и пятка впечаталась в бок киллхантера, сбрасывая его с женщины на метр в сторону. Он тут же вскочил, пригибаясь, растопылив руки, и вид его был так воинственно-смешон — с расстегнутым клапаном-ширинкой комбинезона и торчащим оттуда детородным органом, что Вася невольно засмеялся.

Он тут же пожалел об этом, потому что в глазах Тамерлана разгорелся огонек ненависти и нешуточной угрозы, а киллхантер был из тех людей, кто обид не прощает и вполне способен воткнуть нож в спину независимо от ситуации. Однако и спустить подлость привыкшему побеждать наглечу Вася не мог.

— Молись Богу, «волкодав»! — прошипел смуглолицый завоеватель и прыгнул к Балуеву. Когда у него в руке появился нож, Вася не заметил, но был готов к любому повороту событий.

Он мог бы в принципе тут же и пресечь бой, примени всплывшее в памяти само собой описание ТУК — техники усыпляющего касания, и все же прежде сработали навыки мэйдзина, владеющего багуа-чжан — техникой «восемнадцати форм ладони». Вася развернулся влево, уходя с линии атаки, пропустил руку Тамерлана с ножом подмышку, снова развернулся, надавливая на локоть, и Тамерлан вынужден был выпустить нож, чтобы противник не сломал ему руку. В то же мгновение Вася ударил его «клювом» — сжатыми вместе пальцами в глаз, и Тамерлан отступил, схватившись за глаз, а затем точным движением выхватил пистолет. Вася «качнул маятник», собираясь метнуть сюржикэн во второй глаз киллхантера, и едва успел удержать бросок, потому что сзади послышался лязг затвора и голос Ибрагимова:

— Отставить стрельбу! Что не поделили?

— Я тебе еще припомню этот день, сука! — глухо проговорил Тамерлан. Спрятал пистолет, развернулся и, все еще держась за глаз, исчез за полуразрушенной стеной.

— Не нравишься ты мне, «волкодав», — задумчиво поиграл затвором «кедра» майор, оглядел спокойно стоящего Балуева, потом Людмилу, застегивающую комбинезон с закушенной губой. — Все ты норовишь влезть в чужие дела.

— Он не виноват, — ровным голосом сказала женщина.

— Оч-чень ты мне не нравишься, — не обратил на ее реплику внимания Ибрагимов. — Знаешь закон? Попал в стаю — лай не лай, а хвостом вилай.

— Что за шум, а драки нет? — Появился из-за стены майор Шмель, оглядел Василия и Людмилу насмешливым взглядом, весьма схожим с прицеливающимся взглядом командира. — Я вижу, наш супер снова перебежал дорогу Тамерланчику? В чем дело, Хасан?

— Он не виноват! — зло глянула на него Людмила. — Следили бы лучше за своими бандитами. У вашего любимца слово не расходится с делом.

— Наше слово правое, наше дело левое, — хмыкнул Шмель, повернул голову к Василию. — Не боишься, «волкодав», что получишь пулю в спину?

Вася молча подобрал нож Тамерлана и неуловимым движением кисти бросил. Нож просвистел в сантиметре от носа майора, вонзился в ствол скрюченного самшита, прищипив свисающий с ветвей кусок веревки.

Ибрагимов снова оглядел молчавшего Балуева с ног до головы, кивнул Шмелю, и они отошли, скрылись в глубине двора завода.

— Он тебе не простит, — тихо проговорила Людмила, имея в виду Тамерлана.

— Переживу, — буркнул Василий, вдруг почувствовав неудобное дуновение опасности. — Последним смеется тот, кто стреляет первым, как говорил один генерал.

Людмила подошла, хлопнула по плечу и нырнула в заросли остролиста, как бы приглашая за собой. Вася сделал вид, что не понял, и снова занял позицию часового, выбрав место наблюдения таким образом, чтобы никто не мог зайти к нему в спину.

До вечера ничего больше не случилось.

А в начале девятого они заняли места в бронетранспортере, и севший на место водителя Маугли повел железную грохочущую коробку на север, в сторону столицы Чечни.

Проводники знали в округе такие дороги, на которых не стояли посты новоиспеченной Ичкерийской ГАИ, поэтому до Грозного добрались без приключений. БТР оставили под мостом через Терек, Ибрагимов и Шмель переоделись в форму местной милиции и вышли на дорогу, где остановили джип «мицубиси» с двумя пассажирами, пристрелив обоих, молодого и пожилого, сидевшего за рулем. В половине двенадцатого ночи въехали в город, опять же минуя посты ГАИ и милиции, и, попетляв по улицам почти полностью погруженного в темноту Грозного, остановились у ресторана «Великий Джихад», от которого до трехэтажного особняка на улице Дудаева, где жил сын президента Чечни Амирбек Шароев, известный в криминальных кругах под прозвищем Безумный, было рукой подать.

Подготовка операции заняла минуты, место и цель каждого перехватчика были определены заранее, действия согласованы и пути отступления оговорены. Однако Ибрагимов сделал кое-какие замены, и Василию вместо роли страхующего досталась роль главного перехватчика. Он должен был проникнуть в дом Шароева вместе с Тамерланом, Киром и Шмелем, захватить Безумного и вывести из дома. В дальнейшем предполагалось перевезти террориста за город, дождаться вертолета и переправить его в Россию. Почему первоначальная схема операции изменилась, Ибрагимов объяснять не стал, но было ясно, что он получил приказ по рации, самостоятельно менять до деталей разработанный план он бы не посмел.

Полчаса они наблюдали за особняком, пользуясь биноклями и приборами ночного видения. Дом, построенный в стиле псевдоренессанса лет пятьдесят назад (как ему удалось уцелеть после ракетных и пушечных обстрелов города — приходилось только гадать): цокольный этаж, высокие первый и второй этажи, балюстрада, аттиковый этаж, пилястры, вальмовая крыша, охранялся не только боевиками Шароева, но и милицейским нарядом со стороны улицы, поэтому надо было рассчитать каждый свой шаг, нейтрализовать охрану периметра и лишь потом штурмовать резиденцию Безумного.

Первыми из джипа выскользнули Шерхан и Маугли. Они теньями перелетели улицу и скрылись из глаз за стеной декоративного, давно нестриженного кустарника, отгораживающего проезжую часть дороги от тротуара. Через несколько минут рации донесли остальным членам отряда тихий двойной щелчок, что означало — путь свободен, и машину покинули Ибрагимов и Шмель. За ними ушли в ночь Тамерлан и Кир. Они должны были обезвредить внешнюю охрану здания, в качестве которой работали бывшие головорезы

из отрядов Радужева, Басаева, Хасбулатова и других полевых командиров времен чеченской войны. Шароев, подобно всем его предшественникам, очень любил вооруженных до зубов людей и окружил себя целым батальоном хорошо обученных бойцов. Но — обученных стрелять, а не охранять особо важных персон или участвовать в специальных операциях. Поэтому численность охраны группы перехвата не была значительной помехой.

В кабине джипа осталась одна Людмила, получившая задание наблюдать за подъездами к дому и в случае опасности вовремя дать сигнал тревоги. Второй проводник-чеченец, имя которого осталось неизвестным даже Ибрагимову, высадился еще до въезда в город, свою задачу он выполнил.

Дом со стороны фасада охраняли шестеро молодцов в стандартной пятнистой форме российского спецназа, и всех их Шмель, Ибрагимов и Тамерлан убрали в течение трех секунд из бесшумных винтовок и «винтореза». Еще двоих они же сняли с крыши, и четверых, охранявших здание со двора, ликвидировали Шерхан и Маугли. Лишь один из часовых, засевших на крыше, умер не сразу, свалившись вниз и произведя небольшой шум, остальные уснули навсегда в тех позах, в которых их застали пули снайперов и ножи киллхантеров.

Охраняли дом и собаки — иранские палевые овчарки, которых тоже пришлось пристрелить, так как они стали рваться с поводков убитых у ограды охранников.

Последним к дому метнулся Василий, прекрасно разбиравшийся в хосе теней и пятен света, видимых сквозь инфракрасные очки. Его уже ждали у малой колонны на углу здания Ибрагимов и Шмель. Дверь особняка была заперта изнутри и через нее решили не ломиться, не зная, какие силы ждут гостей в холле.

Майор показал пальцем на окна второго этажа, Василий молча полез вверх, цепляясь, как паук, за выступы колонны и рельефные плитки стены. Здание как нарочно было приспособлено для использования его в качестве тренажера для лазутчиков, и залезть на любой его этаж тренированному человеку не составляло особого труда. Достигнув карниза второго этажа, Вася уцепился за его край, подтянулся и бесшумно перевалился через каменное обрамление балюстрады на пол балкончика, где лежал убитый часовой. За Васей так же ловко взобрался Шмель, шепнул едва слышно:

— Он во второй комнате от угла, это бильярдная, играет наверное с кем-нибудь. Идешь первым, мы прикрываем.

— Где остальные?

— Уже на этаже, зашли с другой стороны.

Вася снял прибор ночного видения, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и распахнул стеклянную дверь, выходящую на балкон. Узкая комната с диваном и столиком у стены, батарея бутылок под столиком и на нем, запахи вина и чеснока. То ли комната отдыха охранников, то ли дежурка обслуживающего персонала. Из-под двери в коридор пробивается полоска света. Тишина.

Оглянувшись — Шмель не спешил идти следом, — Василий приоткрыл входную дверь и оглядел в щель коридор.

Бра по стенам, горящие через один, лепнина на потолке, малиновый ковер во всю ширину коридора, портреты Дудаева, Масхадова и Шароева на стенах между тремя белыми дверями. Охранник один, могучего сложения абориген с густой щетиной на щеках, в камуфляже, с «калашниковым»

под мышкой. Постояв перед портретами, он неспешно удалился в другой конец коридора к столику в тупике с горящей настольной лампой и тремя початыми бутылками. Звуки долетали из коридора самые мирные: стук бильярдных шаров, женский смех, тихие мужские голоса. И все же Вася снова на мгновение ощутил мерзкое чувство опасности, заставившее его напрячься и удвоить внимание. Он собрался было выскочить из комнаты, догнать охранника и усыпить его, но опоздал.

За спиной верзилы открылась дверь, в коридоре появилась пятнистая фигура (Кир!), зажав охраннику рот рукой, вонзила нож ему в шею, и опустила выгнувшееся дугой тело на пол. Махнула рукой, приглашая Василия. Тот выскользнул за дверь.

Кир ткнул кулаком в одну из дверей с нарисованным на ней кием, показал два пальца и отступил в сторону, затем скрылся за той же дверью, откуда только что выпрыгнул. Вася немного удивился, ожидая, что Кир последует за ним, но отсчет времени операции продолжался, и медлить было нельзя. Ударом ноги он распахнул дверь в бильярдную, ворвался внутрь и остановился, одним взглядом схватывая обстановку комнаты, расположение мебели и все ее детали. Ощущение беды охватило его с новой силой.

Здесь действительно играли в бильярд двое молодых мужчин, но ни один из них не был похож на Безумного, спутать которого было трудно с кем бы то ни было: парню исполнилось двадцать четыре года, но был он уже лыс, одутловат, с глазами навывкате, в которых вечно тлел огонек легкого безумия, и вечно сутулился. Эти же парни явно были спортсменами, носили майки с черепами и спортивные брюки, на чеченцев они походили мало. Скорее всего это были гости Шароева, наемники из какой-нибудь нацгруппировки стран СНГ.

Они переглянулись, застыв с киями в руках, уставились на человека в камуфляж-комбинезоне с «чеченкой» на голове. Вася тоже смотрел на них, уже понимая, что произошел некий сбой в операции, но еще не веря в худший вариант, и в это время в ухе свистнула рация, раздался задыхающийся голос Людмилы:

— Вася, беги! Это зас... — голос женщины прервался, затем долетел чей-то смешок:

— Пока, «волкодав»... — и все стихло.

И Вася понял, что Ибрагимов и Шмель ловко подставили его в завершающей фазе операции, начав ее так, что у него не возникло ни капли подозрения. Oczywiście, смерть Шароева стала невыгодна — там, наверху, сменился ветер политических расчетов, — и отцы-командиры жертвовали пешкой, чтобы сохранить фигуры покрупней.

— Зря я тебя не послушался, Соболев! — сквозь зубы проговорил Вася. — Ну ничего, майорчики-субчики, держитесь!

Понимая, что шансов уйти живым и невредимым у него почти нет, он начал отступление, так как сдаваться не привык и в безнадежных ситуациях. А еще он знал, что самый лучший способ сохранить свою жизнь — это пренебречь ею.

Путь отступления через коридор и внешние комнаты был отрезан, в этом Вася убедился, выглянув из бильярдной: с обоих концов коридора к двери игровой комнаты приближались рослые боевики Шароева с зелеными повязками на лбах — пятеро с одной стороны и

столько же с другой. Вася мгновенно отпрянул, захлопнул дверь и припер ее кием; все это в течение двух секунд, так что обалдевшие игроки не успели ничего предпринять. А когда они спохватились и кинулись к оружию (автоматы лежали на свободном бильярдном столе), Вася «выключил» их одного за другим, применив наконец приемы из арсенала ТУК, словно знал их всю жизнь. Удивился он этому открытию гораздо позже.

Ему не нужно было прикидывать варианты действий, обдумывать и колебаться, взвешивать все «за» и «против». Искусство ниндзюцу за многие годы занятий питалось в его плоть и кровь и диктовало свои решения спонтанно. Для проникновения в запретную зону, равно как и для выхода оттуда, ниндзя пользовались разными тактическими приемами, среди которых важнейшими считались следующие: выбор самого слабого звена в системе охраны, выбор наиболее благоприятного момента, отвлечение внимания стражи. Считалось, что лучшее время для прокрадывания туда и обратно — безлунная, туманная, ветреная и дождливая ночь. Внимание охраны часто отвлекали партнеры по команде, устраивая поджог, взрыв, просто шум в другом месте. Если же помощников не было, воину-одиночке приходилось самому заботиться об отвлекающем маневре. Что Вася и сделал.

В течение нескольких мгновений он приладил к ручке двери гранату с толовой шашкой, для остротки пальнул пару раз в дверь, чтобы молодчики в коридоре не сразу ринулись в атаку. Затем погасил свет в бильярдной и выбросил тела спящих игроков в окна, выбив ими стекла. И нырнул в окно следом.

Он уже катился по земле во дворе дома, когда на втором этаже прогремел взрыв. Охранники, оцепившие особняк за то время, пока Вася был внутри, невольно отвлеклись грохотом и вспышкой — от взрыва вылетели все стекла в доме, — и этого мгновения хватило Василию, чтобы метнуть в боевика напротив колющий шар и выскользнуть в образовавшуюся в цепи охраны брешь. Холодная ярость помогала держать т е м п, и действовал Вася намного быстрее необученных таким хитростям боевиков.

У металлической решетки забора он задержался, чтобы метнуть назад две светобарические гранаты, которые создавали звуковую волну мощностью до шестидесяти децибел и ярчайшую вспышку света, надолго выводящую из строя зрение. После этого он, уже не слишком торопясь, перелез забор и... упал, не сразу сообразив, в чем дело: в плечо вдруг с силой воткнулся раскаленный гвоздь, отбросив его назад. Потом пришла догадка — пуля! В него стреляли! Причем не боевики в спину, со стороны дома, а с улицы! И судя по удару и точности — попали в него, когда он прыгал! — стрелял снайпер.

Тамерлан!

— Прощай, «волкодав», — донесла рация чьи-то слова как бы в ответ на Васины мысли, и он на несколько секунд потерял сознание. Но и в этом состоянии им продолжала руководить подсознательная программа выживания, заставившая тело отползти в сторону, за кусты и не дать снайперу выстрелить еще раз. Опомнившиеся охранники начали стрельбу, но так как лазутчика не видели, то и стреляли в белый свет, как в копеечку, едва не перебив друг друга.

Очнулся Вася на дороге, в сточной канавке, метрах в тридцати от особняка Шароева. Мгновенно оценил ситуацию и, преодолевая боль в плече — правая рука уже начала неметь, — пополз к ресторану «Великий Джихад», пока не наткнулся на тело человека. Машинально ощупал лицо, волосы и глухо застонал — это была Людмила. Но джипа с командой Ибрагимова здесь уже не было. Они и так рисковали, ожидая, чем закончится прорыв Балуева, и стреляя в него во время отступления.

Стрельба вылилась на улицу, несколько пуль вжикнули мимо, рикошетируя от асфальта или тяжело шлепаясь в стволы деревьев. Тогда Вася встал на колено и ответил длинной очередью из своего «клина», целя в мелькавшие у дома Безумного фигуры. Выдохнул: «Прости, Люда!», — устроил в ее руках пистолет-пулемет таким образом, чтобы тот стрелял одиночными, и грузно побежал по дороге, пригибаясь и слыша свист пуль над собой, пока не добрался до автостоянки у ресторана. Дважды падал от попаданий в спину, хотя бронезилет выдержал, но все же одна из пуль нашла незащищенное место и пропахала бок.

Разбив боковое стекло ближайшей «девятки», Вася ввалился в кабину, ножом вскрыл рулевую колонку слева, выдернул провода зажигания, зубами оголил, соединил — все это на одном дыхании, автоматически, и погнал машину прочь от места сражения мертвой женщины-проводника с охраной Шароева. Надежды на то, что его не перехватят по пути из города, было мало, поэтому Вася сделал то, что на его месте не сообразил бы сделать ни один нормальный человек. Он погнал «девятку» не к окраине Грозного, а в центр, где на площади Свободы стоял недавно отстроенный десятиэтажный дворец президента. Только здесь у беглеца сохранялся шанс остаться в живых.

Он хорошо знал город, хотя ни разу в нем не был, и мог проехать по нему буквально с закрытыми глазами. Перехватили его гаишники и бойцы ОМОНа уже у выезда на площадь, перегородив улицу милицейским «графиком» и двумя «Волгами», однако Вася не раз преодолевал подобные заграждения как на тренировках, так и в реальной жизни, поэтому прорвался легко. Проговорив сквозь зубы: «Больше скорость — меньше ям», — он утопил педаль газа до упора, сбил одну из «Волг» и, протиснувшись в щель между ней и стеной четырехэтажного жилого дома, выскочил на площадь.

Здесь его тоже ждали, но вовсе не там, где надо было, никто из поднятых по тревоге сотрудников спецподразделений не ожидал от беглеца столь нестандартного хода, как атака президентского дворца, и Василию удалось промчаться мимо БТР охраны дворца, взобраться по ступенькам центральной лестницы наверх и направить свою «девятку» в парадную дверь.

Брызнувшие во все стороны полицейские из охраны резиденции главы государства открыли было огонь, но тут же прекратили: водитель не шевелился.

Но Василий был жив, хотя и получил два новых ранения — в левую руку и в голову. Сквозь кровавый туман в глазах он разглядел приближающихся солдат службы безопасности в белых касках и белых португях поверх серых мундиров, прохрипел: «Привет, ребята, босс принимает? Я тут записывался к нему на прием...» — и окончательно потерял сознание.

ДАЙ ПОНЯТЬ, ЧТО ДЕЛАЮ

В ментале его стерегли.

С тех пор как старейшины Круга, отвечающие за Посвящение, нарекли Тараса отступником, он перестал черпать информацию из многослойного информационного поля Земли. Если путь в астрал еще подчинялся ему, то выходы в следующие слои-уровни поля — ментал, логос и универсум — были перекрыты наглухо. Кто и как это сделал, Тарас не знал, однако каждый раз, когда он пытался выйти в необозримое поле Вселенской информации, его жестоко останавливали. Называлось воздействие «зверем астральной атаки». «Зверем» же была запущенная кем-то целевая программа, вызывающая деструкцию определенной личности и деформирующая ее витальную (эмоциональную) и ментальную (интеллектуальную) оболочки. В задачу программы входила качественная ориентация отрицательного заряда на деформацию тонких «эфирных» (энергетических) оболочек человека, что вызывало падение тонуса, порчу настроения, появление раздражительности, подавленного состояния, нежелания что-то делать и, в финале, болезнь и смерть.

Иногда эта программа действовала иначе, она включала лавинообразный каскад воображения Тараса, в результате чего на него обрушивалась его же собственная сила, и ему для нейтрализации «эффекта зеркала» приходилось уклоняться от собственного психического удара, переходить на другую частоту психического состояния, пока не затухал резонанс. Правда, при этом случались казусы, ибо переход сопровождался внедрением сознания Тараса в чью-то личность или в коллективные поля духовно ориентированных групп. Так однажды он подстроился к эгрегору Медитационного Клуба Пентагона и стал свидетелем попытки ученых-психоэнергетиков заставить заговорить замолчавший военный спутник.

В этот раз никакого подключения не состоялось. Как только воля Тараса обозначила попытку выхода в ментал, «зверь астральной атаки» прыгнул на него и нанес мощный пси-удар, бросивший Горшина в беспмятство на всех уровнях сознания. Пришел в себя он уже в своем теле, напоминавшем сосуд, полный боли всех видов и оттенков. С полчаса приводил себя в порядок, потом все же сосредоточился, собрал волю в кулак и вышел в астрал. Ему необходим был поиск сведений, подтверждающих слова Матвея Соболева. Не то чтобы Тарас не поверил ему — он оценил информацию Соболева сразу как правдивую, — но кое-что все-таки нужно было уточнить.

Свой полет по объемным многомерным панорамам астрала он закончил через несколько минут и, как всегда, в конце сеанса почувствовал чей-то внимательный, проникающий в душу в з г л я д. Это не был взгляд человека или какого-то живого существа. Впечатление складывалось такое, будто на него смотрела в с е л е н н а я со всеми заключенными в ней объектами, существами и рассеянной материей. Но у Тараса уже сложился образ «разглядывающего» его исполина, поэтому он низко поклонился ему и медленно проговорил в гулкую пропасть под ногами:

— Прости, что беспокою... исполни просьбу... сними ненависть мою, не святая она... так мало людей нравится мне, что я начинаю сомневаться в себе... а главное — дай понять, что делаю...

Исполин безмолвно высился над склонившимся — в психическом пла-

не — человеком, и Тарас с тоской подумал, что это его молчание и есть Ответ... который он не в силах понять...

Сеанс медитации закончился.

Тарас ощутил себя сидящим в кресле в каминном зале своего жилища. Шел первый час ночи, свет в зале не горел, в камине завораживающе тлели угли, пахло сосновыми поленьями, дымком, смолой и сушеной малиной. По электрическим жилам дома бежал ток, охраняя покой владельца, но из углов зала почти неощутимо, на пределе чувственного восприятия, текли холодные струйки недоброго внимания. Монарх Тьмы знал, где прячется его недруг, и, даже не находясь в земной реальности, влиял на нее, давая понять, что стережет каждый шаг отступника.

— Сгинь! — негромко сказал Тарас.

Холодные струйки растаяли. В своем доме он все же оставался хозяином. Настроение слегка улучшилось. Но потом вспомнилось появление Соболева, и настроение снова ушло. Н и г д е нельзя было расслабиться, даже в собственном, хорошо защищенном владении.

В памяти всплыло лицо Соболева, непостижимым образом пережившим личное и з м е н и е, сильное, с глазами провидца и воина, лицо человека, проникшего в глубины Дао, избравшего Путь Избегающего Опасности. Путь, предполагающий ненасилие. Не парадокс ли это? Как согласуется Путь ненасилия с тем, что он задумал? С проникновением в «розу реальностей» ради прекращения войны иерархов? Понимает ли этот мальчик, волей случая ставший Посвященным, что абсолютные реальности имеют совершенно иные законы, законы магии и взаимопереходов энергии, построенные на иных гармониях, которые люди просто не в состоянии воспринимать?..

Тарас тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он не был готов ответить Соболеву определенным образом, но и тот, судя по всему, не был готов к походу в «розу реальностей».

Сварив кофе, Тарас включил в рабочем кабинете компьютер и несколько часов подряд работал с поступившей по сети Интернет-класс информацией, составив план координации сил «чистилища» по намеченным бандам, не ощущая былого возбуждения и нетерпения, изучал дело, которым занимался лично; спал он мало, организму хватало четырех-пяти часов в сутки.

Дело под названием «Передел» он держал под личным контролем потому, что в него оказалась замешана сестра жены Наталья Звонная, весьма одаренный модельер, волей коллектива ставшая директором ООО (Общества с ограниченной ответственностью) «Центр-Мода», одного из крупнейших столичных магазинов одежды, расположенного на Красной Пресне. Началась история просто.

Накануне перевыборов директора в магазин пришел человек и сказал: «Я хочу стать вашим инвестором». «Зачем нам инвестор, — искренне удивилась директор. — Мы и так неплохо живем». Молодой человек вежливо откланялся и ушел. На другой день пришел еще один мужчина с таким же предложением. Звонная отказала и ему, еще не понимая, что попала под волну давления. В этот день она торопилась домой: дочка рожала ребенка. Трое молодых людей встретили ее в подъезде. Удара по голове она не почувствовала, просто вдруг потеряла сознание. Очнувшись в больнице: ей отбили почки, сломали два ребра и переломали все пальцы на

правой руке, так что модельером работать она уже не могла. Впрочем, директором тоже. Заявление об отказе от должности и предложение выбрать директором неизвестного гражданина она писала в больнице, после того как ее навестили все те же молодые люди и посоветовали не рисковать здоровьем и жизнью дочки и только что родившейся внучки. Женщина сдалась. Но потом к ней пришел Горшин, выяснил обстоятельства нападения, пообещал помочь и внушил Наталье Никитичне мысль, что дело надо продолжать. Она дезавуировала собственное заявление, вышла на работу и вновь была переизбрана директором, вернее, теперь уже президентом компании.

Буквально на следующий день к ней подошел знакомый молодой человек, который предлагал услуги инвестора, представился брокером фирмы «Мода-плюс» Фурыгиным и предложил «слиться» с их универсамом. «Нет, спасибо, — ответила Звонная, понимая, что начался новый виток борьбы за ее компанию. — Мы уж как-нибудь обойдемся без вас». «За нами известные силовые структуры», — намекнул «брокер» Фурыгин. «А за нами — мы сами...» — пошутила Наталья Никитична. Тогда она еще надеялась, что все утрясется, и сваяка (Тараса) предупредить не стала.

Однако события стали развиваться стремительно и непредсказуемо. ЗАО «Мода-плюс» начала наступление на конкурентов по всем фронтам, не брезгуя подкупом учредителей, устраивая лотереи с немыслимыми призами и премиями для работников магазина, скупая их доли, оформляя доверенности на право участия в деятельности ООО «Центр-Мода». Затем снова начались угрозы физической расправы над несговорчивым директором магазина и ее коллегами.

Не желая все-таки впутывать в эти разборки Горшина, Наталья Никитична обратилась за помощью в УВД, в налоговую полицию и в прокуратуру. Налоговая полиция сработала быстро, ответив, что «фактов перечисления денежных средств на приобретение акций ООО «Центр-Мода» не установлено», и умыла руки. «Брокера» Фурыгина, оказавшегося вице-президентом фирмы «Мода-плюс», и его подельников, избивших когда-то Звонную, вызвали в отделение милиции и заставили написать объяснительные, в которых они представили себя ангелами, спустившимися с небес для благодетельствования коллектива магазина «Центр-Мода». Никому они не угрожали, никаких недобрых помыслов не вынашивали.

Получив эти объяснения, сотрудники УВД развели руками, отпустили «брокеров» и уныло сообщили Звонной, что оснований для возбуждения уголовного дела нет.

В прокуратуре же один высокопоставленный чиновник цинично пошутил: «Вот убьют, тогда и приходите».

Наталья Никитична продолжала работать. А в середине мая, спустя два месяца после начала атаки на ее компанию, Звонную вновь встретили в подъезде дома трое крепких молодых людей. Правда, сделать они ничего не успели, потому что именно в этот момент в подъезд вошел Тарас Горшин. Что он сделал, обмершая Наталья Никитична не поняла, только троица вдруг перестала интересоваться жизнью и улеглась отдыхать прямо на ступеньках лестницы напротив лифта. Тарас проводил женщину домой, успокоил и оставил в состоянии, близком к шоку. Она поняла, что защитник у нее серьезный. Но сам Горшин прекрасно понимал, что так

просто от Натальи не отстанут, пока она не согласится отдать магазин или пока не сменится руководство ЗАО «Мода-плюс».

Именно этой «сменой» он сейчас и занимался, привыкнув не уповать на расторопность правоохранительных органов.

Под утро ему позвонил Завьялов и сказал всего три слова:

— Тень отца Гамлета...

Это означало, что совещание «полного квадрата» «чистилища» назначено на девять утра на явке, расположенной у театра «Современник». В свое время Горшин смеялся над «эзоповым языком» переговоров, предложенным Бохановым для связи комиссаров, но остальные руководители «Стопкрима» поддержали Владимира Эдуардовича, и теперь приходилось выслушивать всякую белиберду и вспоминать шифр.

— Тень отца пришла к Гамлету и спросила: «Отгадай, в каком ухе у меня яд?» — вспомнил Тарас извлечение из школьного сочинения. Фыркнул, глянул на часы. На отдых ему оставалось всего три с половиной часа.

«Высплусь», — подумал он, бросаясь на кровать и мгновенно проваливаясь в сон.

Поначалу заседание комиссаров «чистилища» не носило сенсационного характера. Решались обычные дела, обсуждались очередные бандлики, начался и закончился спор, какую из намеченных операций считать первоочередной; затевал такие споры обычно Боханов. Затем неожиданно спор развязал Музыка. Темой обсуждения была деятельность Чеченской армии свободы на территории России, и Глеб Максимович резко отрицательно отозвался о переносе действий «чистилища» на территорию Чечни.

Горшин не участвовал в обсуждении проблем родной конторы, уйдя мыслями в себя, на это его загадочное молчание наконец обратил внимание Завьялов:

— Что это вы притихли, Граф? Что-нибудь случилось? Или вам тоже не хочется связываться с исламскими экстремистами?

— Ими уже занимается ФСБ, — безучастно отозвался Тарас. — К тому же, уничтожив лидеров ЧАС, мы не решим проблемы. Она глубже, в корнях ислама, который является патогенной системой верований не из-за вложенной в нее программы подавления воли, а из-за использования ее низшей кастой, не имеющей высокоинтеллектуального или высокодуховного выхода.

Озадаченные комиссары «Стопкрима» переглянулись. Рыков наверное лучше других понимал Графа, но по обыкновению промолчал. Зато не удержался от восклицания Владимир Эдуардович:

— Вы, Граф, сегодня философ. Что это на вас нашло?

— Я сворачиваю свою деятельность в «чистилище», — ровным тоном сказал Тарас. — Закончу дела, которые контролирую лично, и уйду. Вы вольны принять в «квадрат» нового комиссара.

Наступило изумленное молчание, которое, спустя минуту, нарушил Завьялов:

— Вы это... серьезно, Граф?!

— Более чем, — лаконично ответил Тарас.

— Чтoб мне провалиться! — крикнул Боханов. — Вы меня сразили, комиссар! Ведь это же была ваша идея — создать «Стопкрим». Или вы решили организовать новую контору, где будете лидером?

— Чтобы решать там свои интересы, — добавил Музыка, будучи не всегда в ладах с русским языком, — вроде того дела с магазином «Центр-Мода». Или вы скажете, что не заинтересованы в этом деле?

— Заинтересован, — спокойно пожал плечами Тарас, — но это мое личное дело. Все мы грешны, и если покопаться, у каждого можно найти...

— Не надо копаться, — мрачно сказал Боханов. — В принципе каждый из нас имеет право на решение каких-то сугубо личных моментов. И все же это нечестно... я имею в виду ваше желание уйти.

— Не согласен, — впервые заговорил Рыков, утонувший в своем кожаном кресле. — В этом мире нет ни честности, ни справедливости, ни сочувствия. Мы имеем дело лишь с человеческими умозаключениями, существующими в узком кругу идей и понятий. Все остальное — тщета и суета.

— У вас слишком математический подход к делу, Герман Довлатович, — проворчал Боханов. — Слишком рациональный, скулы сводит. Ну и что мы теперь будем делать, господа комиссары? Граф, вы действительно собираетесь уволиться из «чистилища» или блефуете? А последствия этого шага вы просчитали?

— Не слишком ли много вы знаете, чтобы вот так запросто встать и хлопнуть дверью? — хмыкнул Глеб Максимович.

Тарас посмотрел на него рассеянно, однако промолчал.

— Давайте не будем опускаться до угроз, — вздохнул расстроенный Завьялов. — Появилась проблема, ее надо решать ко взаимному удовлетворению, а не путем внутренних разборок. Предлагаю каждому обдумать возникшую ситуацию и собраться еще раз.

— Разумно, — кивнул Боханов. — Ибо, как говорил какой-то умник¹: «Всякая проблема имеет решение — простое, удобное и ошибочное». Не стоит нашему комиссариату ошибаться в таком интимном деле. Ваше мнение, Герман Довлатович?

— Я считаю, Граф вправе решать, с кем ему быть, — растянул в недоброй улыбке бледные губы Рыков. — Другое дело, будет ли нести угрозу нам та компания, к какой он прибьется.

Тарас с любопытством и насмешкой посмотрел на комиссара-пяť.

— Герман Довлатович, ведь вы, по сути, свингер², а смеее угрожать. Нехорошо. Мы оба прекрасно знаем, в каких компаниях работаем, и лучше нам обходить острые углы.

Рыков снова улыбнулся, хотя глаза его блеснули остро и предупреждающе. Вступать в дискуссию с Тарасом он не стал.

— Э-э, но ведь свингер... — пробормотал сбитый с толку Боханов, — это, кажется, двойной агент?

— Скорее «друг семьи», — сдержал улыбку Завьялов, знающий точное значение слова «свингер». — Итак, что мы решаем?

— Отложим, — встал хмурый Музыка. — У меня много дел, прошу извинить. Предлагаю не решать с кондачка, встретимся завтра.

Он ушел. За ним, появившись, удалился Боханов. Завьялов, всегда уходивший последним, вопросительно глянул на оставшихся комиссаров.

¹ Генри Луис Менкен (1880 — 1956) — американский критик и публицист.

² Свингер — член супружеской пары, вступающий в интимную связь с членом другой супружеской пары.

— Мы тут кое-что обсудим, — меланхолически обронил Рыков. — Не беспокойтесь, Дмитрий Васильевич, все будет нормально.

Завьялов надел пиджак, поправил галстук, дал распоряжение команде сопровождения и вышел. Горшин и Рыков остались сидеть, словно не замечая друг друга. Потом Герман Довлатович проговорил бесцветным голосом:

— Тарас Витальевич, давайте наконец расставим точки над «і». Я знаю, кто вы...

— И я знаю, кто вы, — спокойно кивнул Тарас.

— Но если до этих пор мы могли контролировать вас, то после вашего ухода из конторы контроль становится проблематичным. А это, сами понимаете, несет угрозу нашему делу. Я имею в виду...

— Союз Девяти.

— Совершенно верно. Вы начинаете мешать нам.

— Это следует понимать как угрозу?

— Я просто констатирую факт. Состояние земной реальности квазиустойчиво, и если вы развернете бурную деятельность по ее дестабилизации...

— Отчитываться вам я не намерен, Герман Довлатович.

— Это нас удручает, Тарас Витальевич. Вы можете случайно нарушить наши планы, и тогда нам придется...

Тарас с иронией посмотрел на собеседника, от которого вдруг повеяло холодом и ощутимой угрозой.

— Договаривайте, кардинал.

— Вы все прекрасно понимаете, Тарас Витальевич. Но насколько я знаю вашу историю, махавидья¹ вам недоступна, не так ли? Вряд ли вы сможете противостоять Союзу долго.

— Во-первых, я не собираюсь воевать с вашим Союзом. Во-вторых, кардинал, насколько мне известно, вам тоже доступен лишь Сатариа², но никак не Цафкиель², не так ли?

Они скрестили взгляды и несколько мгновений обменивались психофизическими ударами, пытаясь прощупать оборону друг друга, потом осторожный Рыков отступил:

— Я не хотел угрожать вам, Тарас Витальевич, но в конце концов вам необходимо будет определиться, с кем вы. От этого будет зависеть ваша судьба, а возможно, и судьба реальности.

— Я рискну пойти своим путем, — равнодушно ответил Тарас.

— Карма риска — не лучшая дорога во Внутренний Круг. А вы ведь хотели бы вернуться, не правда ли?

Тарас встал.

— Прошу извинить, но мне надо идти.

Рыков не ответил, продолжая изучать лицо Горшина, обманчиво тихий, серый, слабый, как мышка. Голос его догнал Тараса уже у порога:

— Вы случайно не знакомы с человеком по имени Матвей Соболев?

— Не знаком, — небрежно ответил Тарас с некоторой заминкой, и эта заминка не ускользнула от внимания кардинала Союза Девяти Неизвестных.

¹ Махавидья (великое ведение) — метафизическое знание как свойство личности.

² Сатариа — дьявольское Понимание; Цафкиель — размышления Бога (Каббала); в данном случае — уровни внутренних энергий и психофизических возможностей.

В кафе «Лакомка» на Страстном бульваре Рыков появился в начале девятого в сопровождении своего мейдера охраны. «В свет» он выходил редко, имея возможность оттянуться или приятно отдохнуть в менее доступных простому смертному заведениях типа хелс-клуба «У Шварценеггера». Но сегодня Герман Довлатович наконец-то вычислил траекторию движения Матвея Соболева, о котором говорил Бабуу-Сэнгэ на последнем совещании кардиналов Союза Девяти, и решил войти с ним в прямой контакт. Лучшее же место для встречи, нежели кафе, найти было трудно, тем более что Соболев появился там не один, а с девушкой, что заведомо ограничивало его маневр.

Герман Довлатович занял двухместный столик недалеко от буфетной стойки, заказал мусс, кофе, ореховое желе и круассаны и стал наблюдать за парой в углу зала, не обращавшей никакого внимания ни на кого.

Девушка была, безусловно, красива, хотя одевалась достаточно просто, в узкое серое платье с блестящей, с большим вырезом на спине. А вот ее друг явно одевался от «Бриони». На нем был светло-бежевый костюм: однопортный пиджак с высокой застежкой, рукав чуть-чуть, на полтора сантиметра, приоткрывает манжеты кремовой рубашки, брюки прямые, классических линий — и великолепный сизый галстук с жемчужным отливом и рисунком, напоминающим китайский иероглиф тайцзи.

Сам Рыков предпочитал галстуки с картинками эпохи Возрождения, но толк в них понимал и оценил вкус парня по достоинству. Оценил он и туалетную воду («Аква ди гио» фирмы «Армани»), которой пользовался Соболев; расстояние в полтора десятка метров, множество посетителей и запахи кафе нисколько не мешали Герману Довлатовичу видеть, слышать и обонять то, что он хотел. Правда, в данном случае он почему-то не мог расслышать ни одного слова из разговора интересующей его пары, и это говорило уже о возможностях того, за кем наблюдал Посвященный.

Один раз Герману Довлатовичу даже показалось, что Соболев ему подмигнул, но сидел он в этот момент спиной к Рыкову, и тот решил, что принимает нежеланное за действительное.

Кафе постепенно заполнялось, пока не образовалась очередь к столикам, однако к Герману Довлатовичу никто не подсаживался — он контролировал обстановку, о т в о д я глаза жаждущих вкусить мороженого. К сожалению, он отвлекся, и в тот же момент к столику подошли крутые молодые люди с равнодушными взглядами «повелителей жизни».

— Подвинься, — сказал один из них, подзывая официанта щелчком пальцев. — И вообще засиделся ты тут, старичок, шел бы домой, а?

Рыков досадливо поморщился, ощущая дискомфорт на уровне психофизического воздействия: Соболев з а м е т и л его присутствие — и сказал едва слышно:

— Идите отсюда, мальчики, столик занят!

— Чего?! — вытаращился на него коренастый вожак компании, с бриллиантовой застежкой в галстуке и двумя золотыми перстнями на пальцах. — Пошел ты... — Договорить он не успел.

С трех сторон к столику приблизилась четверка спортивного вида молодых людей в безукоризненных темных костюмах, профессионально выкрутила руки троим «повелителям» и мгновенно вывела из зала, так что отдыхающий народ не успел толком ничего разобрать. Это сработал

мейдер сопровождения Рыкова, способный справиться и с более серьезным противником.

— Извините за беспокойство, — поклонился оставшийся молодой человек с бородкой и в очках, руководитель мейдера, и исчез, занял свое место где-то за другим столиком.

Рыков покосился в сторону Соболева с его подругой и буквально напал на его веселый, откровенно скептический взгляд. Этот взгляд словно говорил: а я вас знаю, господин кардинал! А также догадываюсь, чего вы хотите. Но лучше бы нам не встречаться... Герман Довлатович даже открыл рот, чтобы ответить. Опомившись, отвернулся, взял себя в руки, а когда снова глянул на молодую пару, никого не увидел. Ни Соболева, ни его подруги в кафе уже не было. Куда он делся, не могли ответить ни наблюдатели мейдера, подстраховывающие шефа, ни сам Рыков. И тогда он испугался, как никогда прежде! Только что ему показали с и л у, которой владели только Посвященные II ступени Внутреннего Круга, и сделал это человек, о котором Бабуу-Сэнгз с пренебрежением сказал «обыкновенный ученик»...

— Простите, — возник рядом официант с подносом, — это велено передать вам. — Он положил на столик перед Рыковым сложенный вчетверо листок бумаги.

Герман Довлатович развернул листок и увидел небрежно нарисованный иероглиф — кулак внутри кулака. Смысл этого иероглифа можно было толковать двояко, но кардинал Союза Девяти воспринял послание как предупреждение: не трогайте меня!

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА ТАНДЕМА

Тарас не смог определить местонахождение Соболева через астрал. Этот человек, обладающий колоссальным запасом психофизических сил, свободно разгуливающий почти по всем уровням общего континуального поля информации, способный опускаться в прошлое по мировой линии памяти предков, «не светился» ни в одном из диапазонов пси-поля. В принципе, Горшин тоже умел блокировать свои биологические излучения, «сворачивая» их в своеобразный «кокон короткого замыкания», но контролировать себя мог лишь до порога астрала. Те же, кто видел дальше и мог черпать информацию из ментала и логоса, скорее всего могли лоцировать его ауру, где бы они ни находились. Однако с этим приходилось мириться, пока он шел Путем мести, «путем потерь», как сказал адепт Круга, объявивший его отступником. И путь этот Тарас до конца еще не прошел.

После нескольких безуспешных попыток поймать ауру Соболева ■ зыбком мареве астрала Тарас вышел оттуда, стряхнул вцепившегося ■ «эфирный хвост» злобного «пса» — оставленную Монархом проекцию сторожа состояния — и позвонил контрразведчику по телефону, который тот ему оставил. Шел одиннадцатый час вечера, Матвей был дома, и через минуту Тарас ехал на своем черном «порше» к Варшавскому шоссе, где недалеко от метро «Тульская» жил Соболев.

Открыл ему сам хозяин, посторонился, пропуская. В прихожую выглянула юная дама, очень красивая, одетая в алый халатик с черной оторочкой, с любопытством глянула на гостя, и Матвей представил ее:

— Кристина, моя жена.

Девушка бросила на Матвея косой взгляд, многое сказавший Тарасу, подала руку, и Горшин почтительно поцеловал ей пальцы, мимолетно подумав, что его Елинава была так же молода и прекрасна.

В прихожую вслед за хозяйкой выскочил взъерошенный мальчишка, слегка припадавший на левую ногу.

— А это Стас, — усмехнулся Матвей. — Сбежал от бабки, напросился почевать.

Стас кивнул серьезно и умчался обратно, занятый важным делом: он учился метать в гостиную сюррикэны, используя в качестве мишени деревянную доску.

Кристина ушла на кухню готовить кофе. Гость и хозяин уединились в его рабочем кабинете.

— Мощный аппарат, — кивнул Тарас на компьютер. — Небось, имеешь выходы на все сети? В том числе и секретные?

— Не без того, — кивнул Соболев. — Положение обязывает. Прежде чем мы приступим к делу, хотелось бы услышать ответы на кое-какие вопросы.

— Мне тоже.

— Валяй ты первый.

— Лучше ты — по праву хозяина.

— Как далеко распространяются твои знания по реальной истории?

— Ты имеешь в виду историю людей или Инсектов? До порога Изменения — темный лес, разве что отрывки сведений. По истории перволюдей информации больше. Что тебя интересует конкретно?

— Я не могу вырваться за «точку сингулярности» — собственно Изменение, — как будто у меня не было предка-Инсекта.

— Зачем тебе это? Зачем ты вообще ходишь в прошлое? Что хочешь выяснить?

— Хочу отыскать следы Безусловно Первого. — Матвей улыбнулся, усаживая гостя на стул, а сам устраиваясь в черное кожаное вертящееся кресло. — Или, как говорят, Знания Бездн.

Тарас пристально посмотрел на Соболева, проговорил медленно:

— О тайной мудрости Знаний Бездн ходят легенды. Но я подозреваю, что тайная она потому, что невыразима словами и непостижима разумом.

— Может быть, и так, но мне хочется убедиться самому. Если не смогу добыть Знания сам, попрошу у Хранителей открыть к ним доступ, есть у меня один знакомый, Мастер касты Хранителей, почти тезка — Матфей. Одно время мне казалось, что он мой Учитель.

Тарас покачал головой.

— Плохо верится. Внутренний Круг недаром называется Кругом Великого Молчания, а уж каста Хранителей тем более не заинтересована в утечке опасной информации и никому никогда ничего не говорит, не имеет права, иначе нарушит Закон молчания. Что, сам понимаешь, чревато отречением. Значит, ты, по сути, ищешь то, что найти практически невозможно, а если и найдешь — вряд ли поймешь, что это оно и есть. А я грешным делом думал, что ты пытаешься найти Великие Вещи Инсектов, о которых тоже сложено немало легенд. Но ведь ты говорил, что две из них тебе подчинились? Я имею в виду «Иглу Парабрахмы» и саркофаг — «компьютер» Инсектов.

Матвей кивнул. Вошла Кристина, принесла вкусно пахнущий кофе. Отпив глоток, Тарас зажмурился, посмаковал напиток.

— Класс! Давно не пил настоящий зерновой кофе, все больше растворимый. Еще вопрос. Ты не нашел входы в МИР под церковью Спаса?

Матвей отрицательно покачал головой.

— Понять не могу, в чем дело. Вход блокирован, но не мной. То есть я еще как бы не нахожусь в контуре «Иглы» и не могу влиять на реальность, и в то же время эйнсоф мне подчинился, вернув сознание по личной линии в прошлое. Парадокс. Единственное, что приходит на ум — вмешательство иерархов. Или Хранителей. Надо выяснять.

— А эйнсоф в лавре сохранился?

— К сожалению, нет. Но я знаю, где можно отыскать еще пару: в Австралии и в Египте. Когда-нибудь я попробую их вычислить. Если бы я мог с помощью эйнсофа выйти на Безусловно Первого...

— Лучше не мечтай, — окинул Тарас скептическим взглядом отрешенное лицо Соболева. — Во-первых, Он — выше любых ожиданий, просьб, оценок и представлений. Кто-то сказал: Бог — это н е п р о я в л е н н о с т ь. Так вот, в нашем мире Безусловно Первый непроявлен, и даже следы его — Знания Бездн — утеряны всеми. Кроме, конечно, Хранителей Круга. Во-вторых, его появление в нашей реальности будет схоже с Вселенской катастрофой. Уж если его дети — Аморфы — тот же Монарх Конкере, способны преобразовать наш мир до неузнаваемости, представляешь, что может сделать Безусловно Первый?

Матвей подумал.

— Не представляю.

— И я тоже. Думаю, что иерархи в массе своей не способны подняться вровень даже с Аморфами, не говоря уже о Безусловно Первом, а ты — в самом начале Пути.

— Я подожду, — спокойно и уверенно сказал Матвей, — я терпеливый. Мне бы только определить, куда он ушел из нашей реальности после эксперимента с Аморфами. Может, ты знаешь?

— Говорят, существует некая м а т е р и н с к а я реальность. — Горшин с видимым удовольствием допил кофе, цокнул языком. — Хорошая у тебя жена, раз умеет варить такой божественный напиток. Что тебя интересует еще?

— Ты не пошутил насчет материнской реальности?

— Исток существует, и ты это знаешь. Ученые назвали его Большим Взрывом, породившим нашу Вселенную, то есть «розу реальностей» со множеством измерений, Хранители же несут истинное знание об акте зачатия, в результате которого появился Безусловно Первый. Именно в материнской реальности. Может быть, это просто символ, абсолют. Может, реально существующий объект, так сказать, «центральное ядро» «розы реальностей», Кэтер, как говорит Каббала. Не знаю. Зато знаю другое: существуют и другие «запрещенные реальности», кроме нашей, где также смело экспериментировали абсолютно аморальные дети Безусловно Первого, у которых потом тоже были дети — Аморфы.

Матвей задумчиво погладил стол пальцем, допил свой кофе, кивнул, отвечая своим мыслям.

— Нечто в этом роде я и предполагал. Даже Безусловно Первый не был п е р в ы м в Большой Вселенной, давшей жизнь многим сложнейшим

образованиям типа «фразы реальностей», что уж говорить об Инсектах и их потомках. До нас по миру прокатилась добрая дюжина волн разума, мы далеко не первые и явно не последние.

Помолчали. Потом в глазах Матвея зажегся огонек интереса и смущения.

— А ты случайно не знаешь, Инсекты выходили в космос?

— Выходили и оставили следы практически на всех планетах Солнечной системы. Но до звезд, по-моему, не добрались. Или не захотели добираться. Этап освоения ими пространства Галактики был недолог, они увлеклись другими проблемами, в частности — преобразованием физических метрик и борьбой за власть.

— Это я знаю. К сожалению, и в начале двадцать первого века мы также далеки от звезд, как в середине двадцатого, когда начинали, несмотря на попытки полетов вокруг Земли и на Луну, посылку автоматов к Марсу, Юпитеру... Вселенная все так же недоступна и загадочна. А как хотелось бы хоть одним глазком глянуть на следы Инсектов на других планетах!..

Тарас поднял брови, не понимая интереса собеседника к деятельности Инсектов в космосе, но шутить не стал.

— Итак, вы удовлетворены, сэр?

— Почти. А вы, сэр?

— Обоюдно. Приступим к делу? Только пусть твоя Кристина сделает еще кофе.

Матвей вышел, забрав чашки, вернулся через минуту, достал два листа бумаги и стал набрасывать план дачи Ельшина, куда собрался проникнуть тихо и незаметно.

Ушел Горшин через час, уверенный в том, что оба они сошли с ума.

Полковник Ивакин заявился к Соболеву под утро, без предупреждения и звонка. Матвей провел его в кабинет, прикрыл за собой дверь, и проницательный Ивакин кивнул на стену:

— Кто там у тебя? Неужели женщина?

— Еще нет, — сострил Матвей. — Сын плюс жена. Спят.

— Вчера ты был еще неженат. Когда успел?

— Так получилось.

— Непорядок, «волкодав». «Главконтра» узнает, будет скандал.

— Авось не узнает.

Они оценивающе глянули друг на друга, обозначили почти одинаковые понимающие полуулыбки.

— Что произошло, Борис Иванович? На контору начали давить? Или генерал наоборот решил не связываться с Ельшиным и свернул дело по «Щиту»?

— Мы затеяли проверку... ты уж извини, но без этого не обошлись. И сразу все подозреваемые свернули свою деятельность, ошетинились ежами, будто их кто предупредил. А потом Валентину позвонили из Минобороны и предложили не цеплять эту структуру.

— Странно, в деле похищения «глушаков» больше замешана ФСБ, чем Минобороны. Панов знает о деятельности Ельшина?

— Знает, но ведет себя странно, будто боится чего или ждет.

Матвей кивнул, потом обнаружил, что стоит в одних плавках, вышел из кабинета и вернулся уже в спортивном костюме.

— Скорее всего в верхах начались перемены, все ждут, кто придет на

смену Краснорыжину. От этого будет зависеть и расклад в эшелонах власти уровнем пониже. А Ельшин как реагирует на происходящее?

— У Валентина состоялся с ним конфиденциальный разговор, но о чем они беседовали, я не в курсе. Думаю, Генрих угрожал шефу, но тот молчит, работает до одурения. Так что задачку ты задал нам гнусную. Я уже и не рад, что вызвал тебя из Рязани. А разбудил я тебя вот по какому поводу. Из Чечни вернулась группа перехвата...

— Очень рад. Как прошла операция?

— Шестеро террористов, причастных к акциям в Москве, уничтожены, седьмой — Шароев, командир группы — остался жив. Но... — Борис Иванович пригласил свою густую шевелюру. — Не вернулся один «волкодав», может, ты его знаешь.

Сердце Матвея дало сбой.

— Кто?

— Василий Балугев, спец из бригады Первухина. И пришел я по его просьбе — проверить, что там произошло. Он считает, что-то здесь нечисто, парня подставили.

— Он жив?

— По тем сведениям, которыми мы располагаем, Балугев жив, но ранен и находится в плену, причем не у младшего Шароева, а у старшего.

— Президента?!

— Да.

— Каким образом он оказался у президента?

— Не знаю.

— А что говорят те, кто ходил с Васей? Кстати, кто именно? Вы не знаете?

— Майор Хасан Ибрагимов, командир спецподразделения «Стикс», майор Шмель — командир «Щита» между прочим, — криво улыбнулся Ивакин. — И перехватчики из когорты «летучих мышей»: Тамерлан, Кир, Шерхан, Маугли. Клички, естественно, имен не знаю.

— Ибрагимов! — Матвей сел на стол, не спуская посветлевших до ледяного свечения глаз с лица полковника. — Шмель-Белый... Тамерлан... киллхантеры... Боже мой!

— В чем дело? Ты их знаешь?

Матвей не ответил, раскачиваясь, как от зубной боли. Перед глазами всплыли картины схваток с Ибрагимовым, Шмелем, Тамерланом и Киrom. История повторялась, но с некоторыми отступлениями от старого сценария. Своим возвращением в прошлое он изменил баланс сил, и под удар попал другой человек... Вася Балугев.

— Как же я не догадался спросить, с кем он идет!

— Что-то изменилось бы?

Матвей очнулся, глубоко вздохнул.

— Конечно, изменилось. Я не пустил бы его в этот рейд, а тем более под началом Ибрагимова. Слишком хорошо я знаю эту нелюдь в человеческом облике. Да и остальных тоже. Я берусь за проверку, Борис Иванович. Но еще раз предупреждаю: будьте осторожны! Вы не представляете, с кем связались. Ельшин сделает все возможное... и невозможное, чтобы убрать вас с дороги.

— Пусть попробует, — мрачно буркнул Ивакин. — Мы тоже не лап-

тем ши хлебаем. Ну будь, капитан. Помощь в экипировке нужна? Нет? Тогда я пошел.

Матвей проводил полковника до выхода из подъезда, отметил вполне профессиональное передвижение его телохранителей и вернулся домой. Там он выпил холодного крепкого чаю, посидел немного на кухне, обдумывая план действий, и позвонил Горшину.

— Сделаем, — ответил ему Тарас, выслушав и не задав ни одного вопроса. — Жду.

Матвей собрался, оставил на столе записку Кристине и вышел из квартиры. Шел пятый час утра, светало...

Шмеля они нашли быстро. Командир спецбатальона правительственных учреждений «Щит» жил на даче в Серебряном бору, недалеко от мэра столицы Братенина. Вычислил его Матвей, выглянув в ментал и отыскав наиболее темное облако пси-поглощения. Правда, таких облаков на территории Москвы было много, однако Соболев помнил характерные особенности Шмеля-Белого, которого он однажды уже убил, и вскоре вышел на его личную «пси-дыру», способную высосать душу любого человека, рискнувшего заглянуть в эту «дыру».

Окончательно рассвело, когда они оставили горшинский «порше» в сотне метров от дачи майора, окруженной глухим и высоким деревянным забором. Никто не встретился им на пути, обитатели дачного поселка, одного из самых красивых в округе, расположенного в сосновом бору на берегу Москвы-реки, в такое время еще спали.

— Прямо-таки прайм-тайм¹, — вполголоса пошутил Горшин.

— Самое время, — согласился с ним Матвей.

Одеты они были по-летнему, в джинсы и футболки: белую — Тарас, голубую — Соболев. Оружия не брали, кроме нескольких метательных звездочек. Медленно прошлись вдоль зеленого забора, вслушиваясь в тишину поселка, в г л я д ы в а я с ь в глубины строений и леса; оба перешли в состояние самадхи или, как больше привык называть это состояние Матвей, в меоз. У ворот с резным верхом, двумя закрытыми амбразурами, открывающихся изнутри исполнительным механизмом по радиокоманде, остановились.

Дача Шмеля охранялась, но охранников было всего четверо — все молодые женщины! — и трое из них спали сладким сном в летнем домике, приспособленном под сторожку. Бодрствовала лишь одна супергерл, одна из тех, с кем Соболев уже встречался в прошлой жизни. Она расхаживала по территории дачи (четыре сотки всего, двухэтажный коттедж, несколько сосен и берез, ни одного плодового дерева, ухоженные, посыпанные мелким гравием дорожки, молочно-белые шары светильников вдоль дорожек, сторожка, веранда с камином) и напевала.

Шмель располагался на втором этаже дома, в одной из трех спален, причем был там не один — еще с одной герл, но, судя по звукам, долетавшим из коттеджа, не спал.

— Любвеобилен майор, — покачал головой Горшин. — И неосторожен. Пошли?

Матвей предупреждающе поднял палец.

¹ Прайм-тайм — наиболее выгодное и самое дорогое время для размещения теле- и радиорекламы.

Охранница во дворе прекратила напевать, достала рацию, сказала: «Иду», — и бегом направилась к зданию. Перехватчики переглянулись.

— Вот теперь пора!

Горшин подошел к воротам, сосредоточился и включил дверной механизм. Ворота дрогнули, приоткрылись. Один за другим молодые люди проскользнули на территорию дачи, контролируя каждое движение находящихся здесь людей, и в темпе ворвались в коттедж.

Коридор с рядом дверей, слева кухня, за ней туалет и ванная комната, лестница наверх, справа игровая комната, спальня, большой каминный зал с выходом на веранду. Апартаменты майора явно были скромнее, чем у генерала Ельшина.

Тарас ткнул пальцем в лестницу, но Матвей и сам почувствовал приближение чужого: по лестнице спускалась рослая девушка в наспех накинутом полупрозрачном халатике, та самая, что ублажала майора. Вряд ли она успела понять, в чем дело, когда перед ней возникла стремительная тень и лба коснулся чей-то горячий палец. Уснула она мгновенно. Матвей подхватил сожительницу Шмеля, уложил в коридоре на ковер, метнулся следом за Горшиным, который первым поднялся на второй этаж.

Из спальни доносились хриплые стоны, хозяин уже занимался любовью с вызванной охранницей, и гости снова обменялись взглядами.

— Силен майор! — кивнул на дверь спальни Горшин. — Всю ночь развлекался, еще и на утро силы остались.

Матвей рывком открыл дверь, шагнул в комнату, почти полностью занятую огромной кроватью, и остановился. За ним вошел Горшин.

Девушка сидела на майоре верхом, работая, как машина, и тот заметил гостей сразу, только не сразу сообразил, кто они такие и как здесь оказались. Затем масляная пелена удовольствия сползла с его глаз, он рывком сбросил с себя неутомимую герл и метнулся к тумбочке, на которой лежали пистолет «волк» и хищно-красивый, необычных очертаний гипногенератор «кудав», называемый в просторечии «глушаком». До тумбочки, однако, Шмель не добрался, остановленный мощным ударом Горшина, от которого он перелетел кровать и врезался спиной в батарею отопления.

— Таких ботинок отрезвляет лучше, — хладнокровно сказал Тарас в ответ на взгляд Матвея, и тот с ним согласился, одним движением успокаивая метнувшуюся к нему девицу, такую же рослую, мускулистую, с крутыми бедрами, умеющую драться не хуже тренированного мужика, но не имеющую понятия о технике усыпляющего касания.

— Кто вы такие? — Шмель попытался проскользнуть мимо Матвея к подушке, под которой лежал тонкий пенальчик рации — Тарас достал его, — но не смог и сел на полу у стены, держась за скулу, куда угодил носок туфли Горшина.

— Вопросы будем задавать мы, — вежливо сказал Соболев. — Если вы не возражаете. Мы знаем, кто вы, на кого работаете и откуда вернулись, поэтому наши интересы лежат в другой плоскости. Согласны отвечать добровольно?

— А если откажусь? — хмыкнул Шмель, пытавшийся сообразить, что надо утренним гостям. По всей видимости, он их не боялся, пребывая в полной уверенности, что «контора» за его спиной столь серьезна, что может достать кого угодно и где угодно. Впрочем, так оно и было, с небольшой разницей: утренние визитеры не были о б ы ч н ы м и людьми.

Матвей, просчитавший все движения души майора, повел глазами в сторону «глушака» на тумбочке.

— Это гарант того, что вы не откажетесь. А не поможет, найдем что-нибудь помощней, «болевик» например.

Физиономию Шмеля перекосило в другую сторону, но надо отдать ему должное, держаться он умел.

— Похоже, мы работаем на одну и ту же «фирму». Не бойтесь, что я вас найду... потом?

Глаза человека напротив обдали майора такой ледяной синевой, что он поешился.

— Шучу. Что вам надо?

— Как получилось, что седьмой член вашей группы Василий Балуев не вернулся вместе с вами?

— Он погиб, — быстро ответил Шмель.

В то же мгновение комнату пронзила тихая молния и рядом с головой майора в стену сочно воткнулся четырехугольный сакэн. От неожиданно-сти он дернул головой, и вторая метательная звезда, брошенная Горшиным, приколола к стене прядь волос на виске.

— Б...дь! — сказал Шмель. — Ты же мне прическу испортил!

— Повторяю вопрос, — невозмутимо, не повышая голоса, произнес Матвей. — Почему не вернулся...

— Сам виноват, — буркнул Юрий Степанович, внезапно осознавая, что гости не шутят и способны на все. — Увлекся, ушел в отрыв от группы...

— Балуев профессионал, не тебе чета, — покачал головой Матвей. — Он никогда не увлекается во время работы. Чья была идея оставить его там во время захвата Шароева?

Шмель хотел было поведать заведомо согласованную с Ибрагимовым «легенду», но снова наткнулся на пронизывающий синий взгляд молодого человека и понял, что делать этого не следует. Проворчал нехотя:

— Командира группы.

— Ибрагимова то есть?

Шмель дернулся.

— Точно мы из одной конторы! Откуда вы знаете такие подробности? — Майор заторопился, увидев слегка сдвинутые брови гостя. — Его, Ибрагимова. Он получил по рации приказ свернуть операцию, но все уже было подготовлено, и мы решили...

— Подставить Балуева, чтобы уйти самим.

Шмель покосился на Горшина, застывшего у окна спиной к нему.

— Он начал своевольничать, поцапался с Тамерланом, из-за бабы... от такого всего можно ожидать. Пожертвовав им, мы сохранили команду.

— Как он оказался в плену у президентской охраны?

— Не знаю...

Снова тусклый блик пересек комнату, и сакэн пробороzdил плечо майора, заставив его вскрикнуть.

— Повторить вопрос?

В глазах майора зажглась ненависть.

— Он... отбилсЯ, сел в машину, но поехал не на окраину города, а в центр, вломился прямо в дворец президента... Так нам передали оттуда. Это все, что я знаю.

— Похоже, он действительно больше ничего не знает, — обернулся Тарас.

— Он должен знать главное — з а ч е м Ибрагимову, а точнее, Ельшину, понадобилось подставлять Балуюва. — Матвей опустился на корточки перед голым человеком на полу, по коже которого внезапно побежали мурашки, проговорил медленно и четко: — Майор, у тебя нет выбора. Или ты живешь, или...

Юрий Степанович проглотил ком в горле, сию секунду отвернувшись от пронзительно-сверлящих глаз парня, не смог и промолчал:

— Мы оставили там визитки «чистилища»... Балуюв должен был сыграть роль «чистильщика» и дезориентировать чеченцев... мертвый. Но Тамерлан промазал...

Некоторое время Матвей не снимал тяжести своего окончательно заледеневшего взгляда с начавшего потеть майора, встал, отвернулся, кивнул Горшину.

— Я услышал все что хотел. Пошли.

— А он?

— Пусть живет. В скором времени за ним и так придет «Смерш».

Горшин послушно шагнул вслед за Соболевым, и тут же раздался ликующий вопль Шмеля:

— Стоять, суки! Руки за голову! Повернуться лицом!

Перехватчики повернулись. Шмель держал в руках пистолет-пулемет «клин», вынутый из тайника за батареей, и, оскалась по-волчьи, поводил стволом из стороны в сторону.

— Ну, каратисты ё...е?! С кого начинать?

— Может, попробуем пси? — задумчиво сказал Горшин.

Матвей кивнул, и оба они, усилием воли уходя в самад-хи-меоз, одновременно нанесли мощные парализующие удары по психике Шмеля. Открыть огонь майор не успел, потерял сознание от раппорта, нейтрализовавшего его волю. Выронив оружие, он осел на пол, глядя на своих врагов пустыми глазами.

— Такие, как он, убили мою жену, — тихо сказал Горшин.

Матвей не ответил, вспоминая памятный бой с майором в его кабинете на базе «Щита». История действительно повторялась — с некоторыми вариациями, но Закон обратной связи п а д а л все быстрее, и соответственно ускорялись все события, прожитые Соболевым в прошлой жизни.

По лестнице застучали шаги: охранницы, проснувшись от крика шефа, спешили на помощь.

Тарас, вопросительно посмотрев на Матвея, вернулся в спальню и взял «глушак».

РЭНДЗОКУ-ГЭРИ

Президентский совет исламской республики Ичкерия, образованный по типу Российского, заседал два раза в месяц. Решались на нем не самые важные государственные дела, несмотря на численность — двадцать три человека. Самые важные дела решались, когда президент Везирхан Шароев отпуская всех советников и оставлял двух человек: министра национальной безопасности Махмуда Солтан Солтанова и министра иностранных дел Салмана Борза. К этому ритуалу привыкли и чиновники, и журналисты, считая остающихся друзьями президента, но никто из них не знал, что трое самых главных людей государства представляют собой не только офици-

альное правительство, но и неофициальное — Союз Трех Неизвестных, до момента выборов остающийся в тени одиозных лиц, пришедших к власти в результате событий девяносто четвертого — девяносто седьмого годов. Да, они могли бы и дальше незаметно управлять своей небольшой державой, став экспертами или советниками крупных политических фигур, которыми стали бывшие полевые командиры и особенно «непримиримые» — сторонники национального обособления. Однако после раскола Союза Девятнадцати в тысяча девятьсот девяносто первом году, происшедшего по причине кризиса власти среди Посвященных, повлекшего распад СССР и образование множества мелких Союзов, кардиналами — представителями чеченской нации овладела не только жажда власти, но и жажда признания их как лидеров. А обладая колоссальными денежными средствами, связями, поддержкой чиновников высшего эшелона власти в Москве, заинтересованных в получении сверхприбылей, и сторонников в Чечне, они легко выиграли выборы, став таким образом легитимными повелителями Чечни. Занимая в Союзе Девятнадцати далеко не высший горизонт ответственности, они были честолюбивы, полны сил и стремления выйти на уровень мастеров координации, а когда это им не удалось, добились абсолютной власти в своей маленькой республике, что возвышало их в собственных глазах и позволяло считать, что им доступно все.

Впрочем, они и в самом деле могли многое, став Посвященными II ступени Внутреннего Круга за довольно сомнительные заслуги объединения чеченской нации. И все же они были слишком самонадеянны и верили в свою исключительность.

— Ваха¹, соратники. — Президент, носивший усики «а-ля Дудаев», оглядел смуглые, бородатые, бесстрастные лица кардиналов. — Сегодня у нас одна важная проблема: выполнение воли иерархов. Все подготовлено к реализации их проекта «Кодирование Посвященного», осталось только ждать появления объекта.

— Он не придет, — угрюмо сказал седовласый Солтанов.

— Придет, — возразил Шароев. — Благородство, рыцарство и верность нынче не в чести, это правда, но Соболев — Воин Закона справедливости, он придет за своим другом.

— Будет обидно, если мы ошибаемся, — проворчал лысый и чернобровый Салман Борз, показав крепкие белые зубы. — Слишком много сил мы потратили на эту операцию.

Президент потрогал свои усики привычным жестом, кивнул, соглашаясь. Министр безопасности знал, что говорил. Вся операция с походом на Москву, убийство офицеров и писателя Кожемякина, ответный ход ФСБ, уничтожение почти всей группы боевиков, захват члена команды ФСБ России — все это было просчитано таким образом и только лишь для того, чтобы спровоцировать приезд в Чечню Матвея Соболева. «Заказали» его иерархи, в частности — пентарх Удди, с которым был связан Везирхан Шароев, и они же подсказали путь, коим можно воздействовать на человека, получившего знания Посвященного, но еще не ставшего им. И расчет иерархов пока оправдывался, вся операция была сработана чисто, без единого прокола. Группа Шароева-младшего проникла в Москву, выполнила задание и вернулась. Генерал Ельшин, контактирующий с Конкере —

¹ Ваха — живи (живите) (чечен.).

проекцией Монарха Тьмы, — предложил план мести, который был принят. Команда «мстителей» просочилась на территорию Чечни и, не встретив сопротивления (пропустили ее специально), уничтожила исполнителей из группы Шароева. А потом Ибрагимов, самый жестокий из шакалов (слуг Ельшина) по совету генерала «сдал» Балуюва, и теперь перехватчик-«волкодав», друг Соболева, по сведениям пентарха, находился в руках Шароева-старшего. Оставалось только ждать прибытия Соболева.

— И все-таки не ошибаемся ли мы в оценке возможностей этого человека? — высказал опасение осторожный Солтанов. — Если уж друг Соболева едва не ушел от наших людей — а ведь он обыкновенный человек, хотя и профессионал, — то на что тогда способен сам объект воздействия?

— Махмуд, ты стареешь, — усмехнулся Салман Борз, вытирая блестящую бугристую лысину платком. — Он один, нас трое. И вряд ли ему подчиняется весь спектр с и л.

— По большому счету ты прав, — сдержанно проговорил президент. — По моим данным, Соболев владеет первой с и л о й Эхейх и второй сферой света Цафкиель¹.

Министр безопасности пренебрежительно поморщился.

— Мы близки к Игове, перешли в четвертую сферу — Ханиэль иерархии Голаб². Нам ли бояться Идущего?

— Но координатор Союза Девяти почему-то отказался от предложения пентарха, — рассеянно сказал Шароев.

— Бабуу-Сэнгэ отказался?! Почему? Впрочем, неудивительно, он всегда был слишком осторожен и щепетилен в таких вопросах. А зачем Соболев понадобился пентарху?

— Видимо, он чем-то ценен иерархам, а может быть... опасен. Поэтому они и хотят закодировать его, привлечь на свою сторону. Как только мы захватим Соболева, пентарх лично посетит нашу реальность для контакта с ним.

— Несмотря на запрет инфарха пересекать границу нашей реальности?

— Инфархом недовольны почти все иерархии, вскоре у него возникнут трудности с координацией всех пяти уровней Круга. А главное, что им недовольны Аморфы.

— Это пахнет отречением.

— Вот именно, братья. В случае передела власти т а м, в «розе», у нас появится шанс потеснить Хранителей и изменить наш статус з д е с ь. Вполне возможно, нам удастся даже открыть доступ к Знаниям Бездн. Поэтому я предлагаю не торопиться приглашать пентарха. Сначала мы попробуем договориться с Соболевым сами. Если он тот, кого инфарх наметил себе в преемники — а такие слухи ходят, — то парень нам очень может пригодиться.

— А если он не согласится? — поинтересовался Солтанов.

Шароев поднял на него похолодевший взгляд.

— Тогда мы поступим с ним по обстоятельствам. В крайнем случае

¹ Эхейх — Я Есть. Цафкиель — Размышления Бога (Каббала).

² Игова — Сущность бытия. Ханиэль — Милость Бога. Голаб — Дьявольская Жестокость (Каббала).

вызовом пентарха. А теперь давайте еще раз пройдемся по нашим более мелким проблемам. Первая из них — переговоры с Россией...

Кардиналы как по команде налили себе из стоящих на столе бутылок минеральной воды и принялись за обсуждение «мелких» проблем.

Откуда-то из глубин подсознания поднимались вверх, как пузыри воздуха сквозь толщу воды, объемы странных ощущений и видений, которым в человеческом языке не было и не могло быть соответствующих определений. Но действовали они на психику и тело раненого благотворно, укрощали боль и уносили с собой — в пустоту — тревоги, страхи, беспокойство и угнетающие чувства беды и ошибки. В какой-то момент эти «пузыри» подсознательных движений души вырвались на океанский простор сознания, превратились в «воздушные шары» ассоциаций, связанных мысленных цепочек, и Василий осознал себя лежащим на твердом топчане в тесной каморке с железной дверью и единственным зарешеченным окном.

Полежал, не двигаясь, только ворочая глазами, присматриваясь к обстановке каморки и прислушиваясь к звукам, долетавшим из глубин здания, в котором он находился, и окончательно понял, что находится в камере тюрьмы. Закрыв глаза, обессиленный даже этими простыми движениями глазных яблок, вспомнил свой прорыв к президентскому дворцу, но сердце дало сбой, и Вася вынужден был усилием воли отключить память. Судя по запахам йода и эфира, а также повязкам на голове, плече и на теле, его лечили, значит, убивать сразу не собирались. Это вселяло надежду. Тогда он устроился на топчане поудобней, отмечая очаги боли — вполне терпимой, кстати, — и сконцентрировал внимание на мыслеобразах «земли», «воды», «огня», «воздуха» и «неба»: эти ступени медитации помогали восстанавливать силы и лечить израненное тело.

Сначала Вася сосредоточился на первоэлементе «земля», которому по канонам медитативных техник соответствовали красный цвет и звуковая мантра «лаум». Он представил землю, мысленно ощутил ее тяжесть и сам стал неподвижным, твердым и тяжелым. Через некоторое время его поза стала поистине непоколебимой, вес постепенно увеличился, пока не достиг нескольких десятков тонн, так что его не могла сдвинуть с места никакая сила, и наконец Вася превратился в массивную и неподвижную скалу, только живую. Дышал он животом — вдох через нос, выдох — через рот, на выдохе долго тянул мантру «ла-а-а-у-у-у-м-м-м»...

Затем через четверть часа пришла очередь «воды».

Вася сосредоточился на воде и ее качествах, представил, что сидит на чистой водной поверхности в позе лотоса, легкий как пушинка. Вокруг вода, вода до горизонта, ровная и блестящая, без единой морщинки. Потом появляются волны, начинают носить «цветок лотоса» по воде, толкать его, бить, обрушиваться сверху, но, не в силах причинить ущерба, стихают...

За «водой» шел первоэлемент «огонь», пытающийся сжечь медитирующего, за «огнем» — «воздух», ветер, гоняющий его, будто легкий воздушный шар, из края в край безбрежного воздушного океана, и закончился сеанс медитации «небом»: Вася парил в кристально чистом голубом небе, глядя на пелену облаков под собой, его поза была тверда, тело наполнялось энергией, голубизна неба одухотворяла и радовала его, и хотелось до бесконечности продлить этот волшебный полет...

Звук мантры «аум», произнесенной непроизвольно, автоматически, заставил его очнуться и ощутить себя в физическом теле. Сеанс медитации вызвал чувство уверенности в себе и оптимизма, уменьшил боль в ранах, создал образ несокрушимого внутреннего «Я», разбудил силу и решимость воина. Вася почти созрел для действия. Но, во-первых, надо было выяснить, где он находится, во-вторых, не мешало подкрепиться, в-третьих, следовало и дальше играть роль раненого, вот-вот готового откинуть копыта. А поскольку лучший способ времяпровождения в данном положении — сон, Вася приказал себе спать.

Проснулся он через пять часов, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Не меняя позы, не выдавая себя ни одним движением, мысленно пошарил вокруг «руками» и наткнулся на двух человек, разглядывающих его неподвижное тело. Затем один из них что-то сказал по-чеченски, второй ответил, и они снова замолчали. Один явно был надзирателем или же одним из начальников тюрьмы, а вот второй казался очень спокойным и опасным, вызывая впечатление нависшей над головой стены.

Вася незаметно приоткрыл один глаз, чтобы рассмотреть в щелку визитеров, и буквально укололся о сверкнувший взгляд человека, одетого в черную кожаную куртку, белую рубашку с галстуком и смушковую папаху. Тяжелое лицо человека, гладко выбритое, с небольшими усиками, казалось высеченным из камня, и веяло от него холодной стальной волей и жесткостью, не знающей колебаний.

— Очнулись, Василий Никифорович? — улыбнулся гость.

Вася медленно открыл глаза, стараясь сжаться, не пустить под череп протянувшиеся к нему призрачные мысленные руки человека в папаше. Видимо, это ему удалось, потому что во взгляде гостя мелькнуло удивление.

— Кто... вы?

— Везирхан Хамидович Шароев, если вам будет угодно, — ответил гость. — Президент исламской республики Ичкерия. А вы соответственно ганфайтер, перехватчик-«волкодав» из особого подразделения Федеральной службы безопасности России и находитесь в данный момент у меня в резиденции.

— Где? — прошептал Вася, сраженный услышанным до такой степени, что ему не надо было особенно притворяться слабым и жалким. Президент з н а л, кто он такой, что говорило о прямой утечке информации.

— Где находится резиденция? — шевельнул густой черной бровью Везирхан Шароев. — Или где находится помещение, где вы содержитесь? В цокольном этаже моего дворца. — Президент пожал плечами. — Приходится, знаете ли, содержать вот такие «царские» покои... для подобных вам людей и некоторых моих нерасторопных подчиненных. Как вы себя чувствуете?

— Пить...

Президент обернулся к спутнику, среднего возраста чеченцу в черной форме с зелеными нашивками, сказал что-то на своем языке, глянул на недвижно лежащего узника:

— Вас покормят. Скоро ваше положение изменится, крепитесь, хотя сдается мне, чувствуете вы себя лучше, нежели пытаетесь внушить. До встречи со своим другом.

Кивнув, Шароев скрылся за дверью камеры, за ним тенью выскользнул начальник президентского СИЗО. Вася остался один. Расслабился, все

еще помня угрожающе-насмешливый взгляд президента Чечни, потом улынулся в ответ. Что бы тот ни говорил, в особые возможности пленника он не верил. А напрасно, подумал Вася с веселой злостью, придется тебя разочаровать, папаша, кем бы ты ни был... Вот только что за намеки ты сделал, говоря о свидании с другом? О каком друге шла речь?..

Через полчаса принесли еду: рисовая похлебка, кусок хлеба, сыр, зелень, чай. Недурно! Стараясь все так же выглядеть немощным и больным, Вася съел все, что полагалось по тюремному рациону, почувствовал прилив сил и повеселел. Теперь можно было подумать и об освобождении, благо никто не ждал от него активных действий сразу после захвата и ранения. По любым понятиям человек, сидящий в камере-одиночке личной президентской тюрьмы, не мог рассчитывать на побег, но только не Балуев. Его специально учили уходить из таких вот мощных укрепленных цитаделей, сначала учителя ниндзюцу, потом мастера спецопераций ФСБ, поэтому Васе не надо было ломать голову — что и как делать. Он уже знал, что будет делать в каждую последующую секунду. А еще он к своему удивлению вдруг снова вспомнил советы Соболева, его пакет приемов космек и ТУК, и к нему пришло удивительное ощущение знания и будущего. Он вспомнил встречи с Матвеем, с его друзьями — Парамоновым, Самандаром, Ульяной Митиной, вспомнил прекрасные подземные замки Инсектов, прапредков людей, вспомнил жестокие схватки с Монархом Тьмы и его слугами. И хотя длилось это воспоминание недолго, несколько мгновений — словно в сознании открылось некое окошко в другой мир и тут же захлопнулось, — Вася не чувствовал себя разочарованным или встревоженным «бунтом психики». Становилось ясно: каким-то образом ему тоже была сохранена часть памяти о прошлой жизни, и теперь она постепенно всплывала из глубин подсознания, напоминая об ином порядке вещей и о возможности изменить свою судьбу.

Поев, Вася якобы нечаянно сбросил посуду на пол, лег животом вниз на топчан и расслабился, ожидая надзирателя. Тот появился нескоро — молодой парень явно неказистой наружности, в черном комбинезоне, с пистолетом в кобуре. Собрал с пола посуду, покосившись на пленника и не ожидая от него каких-либо опасных действий, повернулся к нему спиной, и в этот момент Василий, мысленно произнеся фразу: «В моей смерти прошу винить мою жизнь», — бесшумно поднялся с ложа и коснулся шеи парня приемом ТУК. Прислушался: снаружи не доносилось ни звука. Опустил надзирателя на пол, быстро снял с него черный комбинезон и переоделся; комбинезон пришлось в пору. Снял с головы повязку, так как кровь уже давно не сочилась из раны, а вот повязки на боку и на плече оставил. Сложил посуду в бачок, вышел из камеры и спокойно закрыл дверь за собой. Огляделся.

Короткий коридор с четырьмя дверями без окошек, но с телеэкранами. Вот дрянь! Вася облился холодным потом, внезапно осознав, что не обратил внимания на оборудование камеры — где-то там скрывался зрачок телеглаза! Неужели приплыл? Если передачи с телекамер передаются на общий монитор охраны, сейчас должна начаться тревога. А если тревоги нет, значит, за президентским СИЗО никто не наблюдает. Причин может быть две: здесь находится всего один пленник — сам Балуев, и — привезли его в таком состоянии, которое исключает надобность в теленаблюдении. Что ж, альтернативы нет, надо идти вперед до конца.

Посвистывая, Василий направился к двери с окном из толстого стекла. За ней шел небольшой тамбур, по сути представлявший собой дежурку с телемонитором, где сидел еще один охранник в черном, и тут Вася понял, почему не поднялась тревога, когда он уснул первого надзирателя. Охранник у монитора смотрел не на ряд экранчиков, показывающих внутренности камер, а увлеченно играл на компьютере в тетрис-эротик: каждый сложенный ряд «кирпичей», исчезая, открывал «волшебную» картину полового акта с участием сразу четырех действующих лиц...

Покрутив головой, Вася вошел в тамбур и постучал по плечу игрока-сластолбца:

— Привет, мужичок. У меня к тебе пара вопросов.

Черномундирный «мужичок» оторвался от дисплея, ошалело глянул на Балую снизу вверх, потянулся было к пистолету на поясе, и Вася резко хлопнул его по ушам. Вскрикнув, смуглый молодой чеченец с усиками «под президента» схватился за уши. В глазах его отразилась напряженная и очень тяжелая работа мысли, сменившаяся растерянностью и страхом.

— Дошло? — усмехнулся Василий, отбирая у него пистолет. — Как блокируется система?

Охранник что-то промямлил по-чеченски. Вася сделал замах, и парень, бледнея, торопливо повторил по-русски:

— Не знаю... не понимаю...

Вася оглядел клавиатуру компьютера, нажал клавишу «escape», затем выключил компьютер. Четыре светящихся экранчика монитора и дисплей собственно компьютера погасли.

— Так, отлично. А теперь ты расскажешь мне, как выйти отсюда.

— Не выйдешь, — буркнул охранник, взбадриваясь. — Везде люди, сто человек охрана... вооружен автомат-пулемет...

— Это моя забота, — зевнул Вася. — Рисуй схему коридоров и где находятся посты, да побыстрей, а то я на самолет опоздаю.

— Я не знаю...

Вася пнул охранника так, что тот слетел со стула и врезался головой в экраны. Держась за поясницу, с трудом встал, по-волчьи сверкнул глазами — достойный сын своего непокорного и слепого в ненависти к иноверцам народа. Пинок — это тот же подзатыльник, только этажом ниже, вспомнил Вася чей-то афоризм. Участливо сказал:

— Что, больно? А ты не ерзай, и копчик будет цел. Давай, не шали, рассказывай.

Запинаясь, охранник обрисовал внутреннюю архитектуру цокольного и первого этажей дворца, схему коридоров, расположение постов охраны, как пройти мимо, не задевая никого, и как выйти из дворца. Затем Вася дружески потрепал парня по щеке, и тот уснул, не успев сообразить, в чем дело. Натянув на лоб квадратную черную фуражку с шестиконечной зеленой звездой над околышем, Вася переждал небольшой приступ слабости — все-таки он был далеко не в нужной кондиции для таких дел, — и выбрался из тамбура по ступенькам в коридор цокольного этажа.

Первый пост у поворота коридора не обратил внимания на человека в черном с алюминиевым бачком в руке: двое молодых парней в пятнистой униформе азартно играли в нарды.

Прямо казино, а не дворец, подумал Вася, спокойно проходя мимо. Дурдом!

Следующий поворот коридора вывел Балуюева в холл, а точнее, на круглую площадку с тремя выходами и винтовой лестницей, ведущей в холл первого этажа дворца. Здесь тоже располагался пост охраны, но уже посольской: трое молодцевато подтянутых парней в серой форме национальных гвардейцев мерили шагами помещение с мраморными стенами и гранитным полом, со светильниками на потолке в форме полумесяца, четвертый сидел за столом напротив четырех экранчиков телемонитора, показывающих периметр цокольного этажа — все четыре его коридора.

На Васю обратили внимание сразу, как только он вышел на площадку с лестницей.

— Эй, турма, — окликнул его один из охранников, широкоплечий, узкий в талии, горбоносый; Васю он, естественно, знать не мог, но обратился на русском, потому что увидел незагорелое славянское лицо. — За-чѐм сюда ходил? Кухня другой сторона.

Вася понял, что мирно пройти не удастся, замедлил движение, но продолжал идти, до предела уменьшая дистанцию атаки, сказал миролюбиво:

— Да я тут вам принес кое-что перекусить.

Охранник вытаращился на него, силясь сообразить, чего хочет тюремный служитель, положил руку на кобуру, и в этот момент Вася перешел на темп, чувствуя, как неохотно подчиняется тело нагрузкам боя, заставляя это тело слушаться и выключая сознание из процесса. Мастер-воин не думает во время боя, не опускается до сознательного контроля за своими действиями, он позволяет движению увлечь его и сам становится движением, он в такие моменты не просто боец — сама битва!

Эти ребята из серой президентской гвардии, как и все чеченцы-боевики, умели прилично стрелять, но не более того. О системах рукопашного боя они имели самое отдаленное понятие, хотя некоторые из них и занимались спецподготовкой. Поэтому пройти пост Василию удалось без особого труда.

Он ткнул пальцем в зрительный нерв между глазами, в верхней части носа, того охранника, который оказался ближе всех, прыгнул к другому, вбивая ему коды в горло ребром ладони, и тут же достал ногой лицо третьего (миги кин гзри), пытавшегося выцарапать пистолет из кобуры трясушейся рукой. Четвертый охранник, сидящий у стола, успел только оглянуться и вытаращить глаза, на большее не хватило реакции, нога Васи нашла его челюсть и снесла парня со стула, как клошка шайбу.

На лестнице появился пожилой мужчина в костюме, но без галстука, с кипой бумаг в руке. Не понимая, что происходит, спросил с любопытством по-чеченски:

— Что это вы тут делаете?

Однако Вася его понял, лучезарно улыбнулся, спеша навстречу с распростертыми объятиями:

— Все в порядке, папаша, тренируемся.

— А почему... — договорить местный чиновник не успел, Вася дотронулся до его руки и послал в сон, вспомнив усыпляющий прием. Из коридора донеслись чьи-то голоса, шла целая группа людей, и Вася поспешил наверх, прыгая через две-три ступеньки, времени у него оставалось в обрез.

Вышел в холл, оглядывая огромный зал с колоннами, зеркалами, бронзовыми светильниками, с десятком статуй чеченских вождей всех времен, одернул мундир и быстро зашагал через зал, по которому прогуливались важные гости президента, спешили по своим делам служащие в сером, вы-

шагивала бдительная охрана с кортиками, пистолетами и автоматами дулами вниз. Тревога началась, когда Вася прошел половину зала. Тогда он снова перешел на темп, хотя далось это ему с громадным трудом, и начал прорыв, уже понимая, что не успевает.

Трех охранников у гигантской резной двери, бросившихся навстречу, он смел ураганом, не заботясь о целостности их лиц, рук, ног и ребер. Сбил с ног вошедшего толстяка в сопровождении двух женщин, выскочил на крыльцо с дюжиной ступенек, на которое он недавно взлетел на чужом автомобиле, и в глазах зарыбило от серых фуражек и стволов разного рода и калибра. Здесь его ждала целая рота гвардейцев, оцепившая главный вход во дворец.

И все же Вася рискнул бы броситься в атаку, имея в козырях внезапность, скорость движений и психологическое преимущество человека, стрелять по которому охрана первой не начнет, убежденная в безнадежности положения беглеца. Но из-за спин солдат вперед вышел незнакомый чернобородый, чернобровый, но совершенно лысый чеченец в кожанке и поднял руку:

— Не стрелять!

Взгляд Васи встретился с угрюмым взглядом лысого, и он вздрогнул, вдруг ощутив внутреннюю силу этого человека, с которой бороться не мог. Момент атаки был упущен, и Вася остался на месте.

— Вернитесь! — сделал резкий жест незнакомец. — Соппротивление бесполезно.

— А если я не подчинюсь? — хрипло полюбопытствовал Василий.

— Здесь вам не пройти даже с вашей подготовкой... — лысый запнулся, и Вася отреагировал на это шагом влево, пропуская удар.

Один из охранников, догонявших его сзади, подкрался и нанес удар в спину... промазав, конечно, из-за движения беглеца. Вася хладнокровно нанес ему удар ногой в живот (хидари гедан маз гэри), шагнул вправо, отключил второго высунувшегося охранника боковым ударом в щеку (миги джодан мавашши гэри) и тут же, сделав поворот, достал третьего, взлетевшего по ступенькам на крыльцо, ударом ноги в грудь (хидари гедан уширо гэри кааге). Охранники еще падали, а два автомата, сорванные Васей с первых двух, уже смотрели прямо в лицо лысому начальнику.

— Не стрелять! — снова лязгнул он голосом, от которого у Васи заныли зубы, оглядел ряды солдат, начавшую собираться толпу перед дворцом, повернулся к неподвижному Балуеву. — Браво, мастер! Рэндзоку-гэри¹ в таком совершенном исполнении я не видел давно. Однако это ничего не решает, и вы это понимаете. Меня вы не убьете, не тот случай, а тем более не испугаете, зато испортите свой отпуск окончательно. — Говорил лысый по-русски чисто, почти без акцента, и каждое его слово сопровождалось всплеском боли в голове Василия, словно в нее вколачивали гвозди.

— Кто вы? — спросил он бесстрастно.

— Министр безопасности Ичкерии Салман Усман Борз. Но давайте войдем в дом, на нас смотрят.

Вася подумал, опустил автоматы, бросил их на плиты крыльца.

— Хорошо, давайте войдем.

¹ Рэндзоку-гэри — комбинация из нескольких ударов ногой.

— Разумно, — кивнул Борз. — Похоже, вы постигли не только у-цзи, но и тайцзи¹. Далеко пойдете, мастер... если уцелеете.

— Да и вы, похоже, не простой министр, — пробормотал Вася, борясь с обесиливающей пустотой в груди. — Идущий по меньшей мере... а может быть, Посвященный?

Высверк черных глаз лысого был столь грозен и зловещ, что Васю шатнуло. Однако он не упал, хотя в голове зашумело, как от удара. Впрочем, он и получил мощный удар, только энергетический, на уровне психической атаки, только не знал этого, защищая мозг совершенно инстинктивно и тем самым ослабляя атаку.

— Занято, — бросил Борз, разглядывая Балуюева с подозрением и хищным интересом. — Вы, оказывается, не простой исполнитель, молодой человек... Уведите его.

Васю взяли под руки, он хотел сказать: я сам, — но язык не повиновался, ноги отказывались идти, и Василий милостиво разрешил себе потерять сознание.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

В последнюю декаду мая грянула серия громких политических скандалов, связанная с разоблачением «Стопкримом» незаконной деятельности чиновников высшего эшелона власти.

Двадцать первого мая подал в отставку премьер-министр. За ним с разрывом в один день ушли с постов министры обороны и внутренних дел. Затем посыпались из кресел вице-премьеры, не устоял даже Сосков, казавшийся непоколебимым, как монумент. Последним из этой разношерстной компании сдался мэр столицы Братенин. В стране разразился очередной политический кризис, умело инспирированный кардиналами Союза Девяти Неизвестных, заинтересованными в смене курса правительства, а точнее, в ужесточении Закона обратной связи. Настала пора расставлять на важные посты своих людей вместо неоправдавших себя.

Неожиданно для всех вперед выдвинулись малозаметные до этих пор фигуры: секретарь Совета безопасности Мурашов, советник президента по национальной безопасности Юрьев и начальник информационной службы президента Носовой. Именно их кандидатуры — кардиналов Союза Девяти — предложил президент на рассмотрение Думе для замещения вакантных должностей премьера и руководителей силовых министерств. Начался новый этап деятельности Союза — гласный, нуждающийся в поддержке и признании не только народа, но и адептов Внутреннего Круга, которые никогда ранее не поддерживали подобные начинания. Но если путь, избранный Союзом Трех Неизвестных Чечни, старейшины Круга еще могли считать исключением из правил, пытаясь как-то влиять на процесс со стороны, то решение Союза Девяти России явилось ощутимым ударом по всей стройной системе деятельности и политики Круга. Создавался прецедент самовольного выхода Посвященных из Круга Великого Молчания, что было чревато не только утечками опасной информации, но и распадом Круга, что вело к дестабилизации всего

¹ У-цзи — безграничность, пустота. Тайцзи — высшее (ступени ниндзюцу).

социума «запрещенной реальности», и без того колеблемого непрекращающейся борьбой за власть.

Встревоженные создавшейся ситуацией Хранители решили обсудить положение дел и впервые за последние три тысячи лет организовали общий Собор Внутреннего Круга, который прошел в самом крупном из скальных дворцов в Национальном парке Меса-Верде — Клиф-пэлэсе¹.

На Собор были приглашены координаторы Союзов Неизвестных всех стран, однако прибыли далеко не все. Так не явился координатор Ичкерии Везирхан Шароев, первым преступивший закон «тихой регуляции» Круга, что говорило о его явном отказе от избранного Кругом пути. Координатор Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ все же появился на Соборе, был выслушан и предупрежден, что, впрочем, не изменило ход его мыслей, однако все понимали, что делу Круга нанесен ощутимый удар, способный поколебать его устои. Как будут развиваться события после этого, предсказать не взялся никто, несмотря на владение Посвященными II ступени ясновидением и прогностикой. К тому же весьма сильно мешали Хранителям действия иерархов, затеявших выяснение своих прав и полномочий между собой. Последствия этих разборок не могли не сказаться на слоях-мирах «розы реальности», в том числе и на колыбели человечества — «запрещенной реальности». Но даже Хранители не все понимали, к чему это может привести, полагая, что все в конце концов успокоится и придет в норму, как уже было много раз на протяжении человеческой истории. Один лишь Матфей, координатор мистерий Посвящения, проживший на Земле более четырех тысяч лет, в идее, кем направляется процесс распада Круга, и принял кое-какие шаги, могущие в случае удачи изменить соотношение сил добра и зла и предотвратить попытку Монарха Тьмы начать новый эксперимент с биосферой «запрещенной реальности». Потомки Инсектов — люди Монарха перестали быть интересными, их путь — технологический, рациональный, убивающий полет фантазии и духовные поиски — вел в тупик. В настоящее время Аморфу Конкере больше нравилась идея трансформации флоры, скрещения ее с одним из видов фауны, а именно — с рептилиями. После нового Изменения, по расчетам Конкере-Монарха, в «запрещенной реальности» должна была возникнуть новая форма жизни, более перспективная, устойчивая к непредсказуемым колебаниям «божественной» воли иерархов, отрицающая всякую мораль, свободно меняющая законы жизни.

После всех властных подвижек зашаталось кресло и под главой Федеральной службы безопасности, которого когда-то пригласил в свою команду Краснорыжин. Прикинув свои возможности и последствия отставки, Панов решил не злить судьбу и подал прошение об отставке. А уже через два дня на его место был назначен президентом Владимир Алексеевич Бондарь, пятидесятилетний генерал-майор, начальник Управления «К» ФСБ, то есть собственно службы контрразведки. Это явилось неприятным ударом по самолюбию начальника Управления «Т» генерала Ельшина, который считал себя преемником Панова и сделал все от него зависящее, чтобы назначили на пост директора его. Однако этого не случилось. А узнай Генрих Герхардович, что помешал ему ближайший помощник Рыков Герман Довлатович, он был бы взбешен еще больше. Пребывая в таком состоянии весь день двадцать седьмого мая, генерал отказался от встре-

¹ США, штат Колорадо.

чи с Первухиным, продолжавшим настаивать на расследовании факта невозвращения из Чечни его подчиненного, вызвал Ибрагимов и дал ему задание убрать всех свидетелей похода группы перехвата в Чечню.

— Шмеля тоже? — не удивился приказу майор.

— А чем он лучше других? — вызверился генерал. — К тому же у меня возникли подозрения, что он примкнул к враждебной коалиции.

— С чего вы взяли?

— Недавно у него на даче побывали кое-какие гости, а он об этом не сказал ни слова.

— Все равно на основании этого выносить приговор неразумно.

— Что такое, Хасан?! — удивился Ельшин. — Ты не заболел, часом? Из твоих уст слышать подобные речи по меньшей мере странно. Ты Шмеля пожалел? Он что, твой брат, сват, шурин, свояк?

— Нет, — отвел глаза Ибрагимов.

— Вот и выполняй. — Генерал отвернулся (разговор происходил в его рабочем кабинете, только не на Лубянке, а на семнадцатом этаже высотного здания на Сенной площади, принадлежащего Куполу). — Заодно подумай, как убрать руководство «Смерша».

— Всех? — лаконично спросил командир «Стикса».

— Ивакина и Дикого в первую очередь, их помощников потом. Кстати, учти, что по твоему следу Первухин запустил какую-то свою особую команду. Она может копнуть и в Чечне, так что готовь своих оперов на акции. И вот еще что: последи-ка ты за Рыковым. Не нравится мне его активность в последнее время, зачастил он к Бондарю зачем-то.

— Сделаем.

— Иди.

Ибрагимов четко повернулся и вышел.

Ельшин же нарисовал на листе бумаги кружок, написал в центре фамилию «Рыков» и стал пририсовывать к окружности стрелки.

В это время сам Герман Довлатович делал почти то же самое, только на экране компьютера: рисовал квадратики и кружочки со стрелками — схему взаимодействия Купола во главе с боссом, Ельшиным, со всеми властными структурами. Оторвал его от этого занятия телефонный звонок по сотовой связи. Звонил Бабуу-Сэнгэ:

— Доброе утро, Герман Довлатович. Возникли некоторые обстоятельства, помешавшие мне собрать совет. Но все равно поработали вы там хорошо, за что примите благодарность. Новый директор вашей ФСБ знает о той роли, которую сыграли вы в его назначении?

— Не знает, но работать с нами будет. Он человек системы, только тем и интересен нам. Играет по правилам, отменный служака, способный предвидеть волю вождя и исполнить ее. Что касается других его заслуг, то это и не суть важно.

— Подобную характеристику можно дать всей правящей элите. Прекрасно. Юрий Венедиктович все еще оказывает влияние на президента, что весьма увеличивает наши возможности. Петр Адамович и Виктор Викторович нашли способ увеличить давление на Думу, что также немного усиливает возможности регуляции соцсреды. Все идет нормально.

— Вы не сказали, чем должен заниматься я.

— Разве? — удивился координатор Союза Десяти. — Я думал, вы поняли. Разве вы не согласовали с Юрьевым вопрос влияния на непосвященного

Соболева? Вот и занимайтесь им. По моим сведениям он собрался в Чечню, чтобы вызволить из неволи своего приятеля. Воспользуйтесь случаем.

Со струнным аккордом кодирующего устройства связь оборвалась.

Рыков некоторое время слушал гудение фона в трубке, потом набрал номер секретного канала Носового:

— Хейно Яанович? Рыков говорит. Как здоровье?

— Говори по делу, — кисло отозвался будущий босс Купола.

— Я и говорю. Как идет формирование СС?

Герман Довлатович имел в виду Сверхсистему, в которую постепенно превращался Купол — криминальный нарыв на теле общества, соединивший мафию и коррумпированную часть властно-чиновничьего аппарата страны.

— Нормально, — ответил Носовой. — А как себя чувствует СК? — Хейно Яанович имел в виду «Стопкрим». — Говорят, от вас ушел очень ценный работник.

Рыков не удивился осведомленности кардинала, но пережил неприятную минуту проглатывания горькой пилюли.

— Мы чистим ряды, — ответил он наконец. — Хейно, у тебя есть связь с Шароевым?

— Везирханом или Безумным?

— Старшим.

— Зачем тебе это знать?

— Мне надо поговорить с ним.

— О чем?

Рыков помолчал, переживая острое желание выругаться.

— В Чечню направляется объект «волны выключения», надо предупредить Шароева.

— Если речь идет о Соболеве, то Везирхан знает. Кстати, операция по вызову Соболева в Чечню — его рук дело. Этот человек нужен Везирхану.

— Мне тоже.

— Моей помощи не жди. Могу разве дать канал связи с Шароевым, а дальше сам.

— И за это спасибо. В долгу не останусь.

Носовой продиктовал восемь цифр и отключился. Рыков посидел немного с трубкой в руке, глядя на нее, как на змею, потом пожал плечами и выключил телефон. Он знал, что ему еще предстоит убирать Носового со своего пути, только не видел пока способа.

Самандар приехал в Рязань на следующий день после звонка Парамонova, благо появился повод повидаться с Ульяной.

Посвященные встретились в доме родственников Ивана Терентьевича, сначала вдвоем, потом к ним присоединилась Ульяна Митина, позволившая Парамонову сразу после появления Самандара: она обладала тонкой чувствительностью к изменениям ориентированных на нее энергий.

Майский день располагал к отдыху, температура к одиннадцати часам дня поднялась до двадцати двух градусов, и Ульяна предложила даже пойти на речку позагорать и искупаться, но мужчины отказались, снисходительно переглянувшись: что возьмешь с девчонки? Хотя оба знали, что их подруга только выглядит на восемнадцать.

Сели пить чай в горнице, подвинув стол поближе к открытым окнам, через которые в просторную залу проникали запахи цветущей сирени, свежей зеле-

ни, близкого леса и реки. Дом хозяина, Харлампия Игнатовича Преснякова, троюродного дяди Ивана Терентьевича, был, как и все дома здешнего частного сектора, деревянный, старый, без особых архитектурных излишеств — мансард, фронтонов, башен, застекленных веранд и террас. Строили его век назад, но строили добротнo, и внутри он был просторен, светел и чист. Зимой в нем было тепло, летом прохладно.

— Так я и не понял, кто такой Матвей Соболев, — сказал бесстрастный, как всегда, Самандар, одетый в строгий светло-серый костюм с однотонным галстуком.

— Ангел необъяснимого, — усмехнулся Иван Терентьевич, в отличие от Вахида Тожиевича одетый по-домашнему в холщовые штаны и старую выцветшую футболку. Ульяна летом предпочитала носить джинсовую юбочку и майку, смотреть на нее было приятно.

— А может быть, демон необъяснимого? — усмехнулся в ответ Самандар, ревниво относившийся ко всем новым знакомствам Ульяны. — Что если он работает на Конкере?

— Нет, — убежденно не согласилась Ульяна. — Он с е т л ы й идущий, и я уверена, что он говорил правду. Зло деятельно и энергично, ему надо давать отпор на всех уровнях, в том числе и на нашем, и нам просто надо определиться, какие методы противления злу мы изберем. Но Матвей прав: высидеть в своей «экологической нише», только лишь наблюдая за падением Закона возмездия, мы не сможем.

Мужчины переглянулись.

— Девочке хочется кусаться, — констатировал Самандар.

— Девочке хочется жить, не краснея за свое ничегонеделание, в удовольствии, даже если это будет связано с тревогами и опасностью. В жизни каждого человека должны быть хотя бы маленькие радости и удовольствия, иначе она теряет смысл. Вот и давайте доставим себе радость — поможем хорошему человеку.

— Не убежден, что он хороший человек, — пробурчал Вахид Тожиевич. — Мы еще как следует не постигли иерархию Сил Круга, а уже пытаемся вмешаться в деятельность Посвященных II ступени, не говоря о мастерах высших планов. Если мы влезем в их разборки, костей не соберем. Да и вообще, какое нам дело до проблем этого вашего Соболева? Пусть сам их решает. За мной в молодые годы никто не ухаживал.

— А хочется? — прищурился Парамонов.

Самандар поймал веселый взгляд Ульяны, проворчал тоном ниже:

— А кому не хочется?

— Это явный признак старения, — огорчился Иван Терентьевич, — когда хочется, чтобы за тобой ухаживали.

Ульяна прыснула.

— Я не знала, что Вахид так стар. А кстати, мужчины, я никогда не интересовалась, сколько вам лет.

— Мне сорок пять, — не моргнув глазом ответил Парамонов, которому пошел на самом деле семьдесят второй. — А ему за сто перевалило, пора и о пенсии подумать.

Ульяна снова прыснула.

— Не нравится мне, когда ты шутишь, — мрачно проговорил Самандар. — Обязательно потом что-нибудь случается нехорошее.

Внезапно всем троим показалось, что на них кто-то посмотрел, внима-

тельно и с надеждой. Посвященные замолчали, переглядываясь, в это время в сенях стукнула дверь — хозяин впустил гостя. Несколько секунд был слышен разговор Харлампия Игнатовича с гостем, вернее, с гостьей, потом он открыл дверь в горницу и сказал дребезжащим баском:

— А тут к вам пришли, Иван. — Отступил в сторону. — Проходи, милая, здесь они.

В дом вошла очень красивая девушка с каким-то светлым, чуть ли не святащимся лицом, одетая в кофточку-паутинку и белую короткую юбку, открывающую стройные точеные ноги. Она поклонилась разглядывающим ее Посвященным, бросив кородкие взгляды на Самандара и Парамонову, потом выпрямилась и глянула на Ульяну. Некоторое время девушки смотрели друг на друга с любопытством и ожиданием, оценивая, и вдруг Ульяна с изумлением узнала в гостье ту женщину в белых одеждах, которую видела во сне. Не совсем ту, были и отличия — в овале лица, рисунке губ, цвете глаз, но что-то роднило их столь сильно, что не оставалось сомнений: женщина из сна, идущая за процессией с прикованным к помосту Соболевым, и эта юная леди имели родство.

— Меня зовут Кристина, — улыбнулась гостья, уловив перемену в душевном состоянии Ульяны. — Я друг Матвея Соболева.

— Вы... не Посвященная, — задумчиво проговорила Ульяна. — И между тем вы нас знаете... откуда? От Матвея? Или... от другого лица?

— От другого, — кивнула Кристина. — Вы ее видели... во сне... она зовется Светленой.

— Спутница инфарха?! Но если вы похожи на нее, значит...

Гостья снова кивнула.

— Для меня это было огромным потрясением, когда это произошло, Да, вы правильно догадались, я авеша Светлены. Но Матвей этого еще не знает. И пришла я к вам из-за него.

— Садитесь, пожалуйста, — спохватился Иван Терентьевич, вскакивая и предлагая девушке стул. — Присоединяйтесь к чаепитию и расскажите.

— Да в общем-то рассказывать нечего. — Кристина села за стол, благодарно глянула на Парамонову, подвинувшего ей чашку и налившего чаю. — Соболев сейчас летит в Чечню, а там его ждут кардиналы чеченского Союза Неизвестных. Если ему не помочь, он погибнет.

— А почему вы считаете, что мы должны ему помочь? — без выражения спросил Самандар. — Мы не бойцы спецназа, девушка, мы Посвященные.

— Вахид, — сдвинула брови Ульяна.

— У каждого человека всего три цели в жизни: выживание, общение, удовольствие, — продолжал бесстрастно директор МИЦБИ, — и каждый должен добиваться этих целей сам. Почему мы обязаны лезть в петлю ради вашего... друга?

— Вахид! — сердито повторила Ульяна.

— Что Вахид? — посмотрел на нее Самандар. — Разве я не прав? Если Соболев выбрал Путь Избегающего Опасности, как вы говорите, то почему он полез в пасть волку, то бишь этому волчьему чеченскому Союзу во главе с Шаровым? Выручать друга? Не верю! Скорее всего ради того, чтобы доказать — он тоже с и л ь н а я личность.

— Ты не прав, Вахид, — мягко сказал Парамонов, глядя на Кристину, не поднимавшую глаз от стола. — Насколько я успел его почувствовать, Соболев

не из тех, кто рискует ради показухи или стандартных карьерных замыслов. И он о ч е н ь сильный человек, сильнее любого из нас.

— Ну и пусть выкарабкивается сам. — Вахид Тожиевич встал и отошел к окну.

— Не обращайтесь на него внимания. — Ульяна положила свою руку на руку гостя. — Он всегда так: сначала отрицает все, шумит, возражает, а потом делает, как мы решим сообща. Но мы еще не решили, понимаете?

Кристина подняла на нее полные слез глаза. Свет, исходящий от нее, как бы потускнел на какое-то время: на Ульяну сейчас смотрела земная женщина, любившая Соболева.

— Я все понимаю... но, кроме вас, помочь ему некому. Чечня — жуткая страна, где узаконено право силы и не существует сила права. Может быть, вы не знаете, но на рынках до сих пор продаются видеокассеты со сценами казни наших солдат, я в и д е л а!.. Конечно, я полечу туда... взяла билет на самолет... однако даже сил и знаний Светлены, ее проекции на меня, не хватит, чтобы справиться с теми, кто его ждет. — Она торопливо вытерла глаза, виновато улыбнулась. — Извините за слабость. Слезы сильный аргумент, но я не хотела им пользоваться. Извините. Посижу еще минутку и уйду, у меня мало времени.

— Почему вы уверены, что Соболев не справится? — задал вопрос Самандар, стоя спиной к беседующим.

— Потому что в его гибели заинтересованы очень мощные организации и личности, — тихо ответила Кристина. — Зомби Монарха, кардиналы Союза Девяти и даже иерархи. Один из них готов посетить нашу реальность, чтобы склонить Матвея на свою сторону.

— Кто?

— Пентарх.

— Зачем ему простой смертный, даже если он Посвящен в начала Круга?

— Матвей не простой смертный, — показала головой Кристина, — он — аватара, только н е з а в е р ш е н н ы й.

Самандар обернулся в изумлении, в комнате наступила тишина. Посвященные молча смотрели на гостью, лицо которой разгладилось, наполнилось внутренним светом и силой. Это «вернулась» Светлена...

ВОЛКИ

Никто не узнал бы в этой пожилой чеченской паре Соболева и Горшина. Матвей играл роль старика: морщинистое задубелое лицо, седая бородка, на голове папаха, одет в полосатый костюм, брюки, ботинки с калошами, рубашку без воротника. Горшин великолепно справлялся с ролью старухи, закутанной в просторный цветастый балахон и платок. Владея даром внушения, он легко о т в о д и л глаза всем, кто проявлял любопытство к «старухе». Поэтому и контролеры в аэропорту Быково, и омоновцы в аэропорту Грозного видели морщинистое, цвета дубовой коры лицо старой женщины с бородавкой под носом и редкой щетиной на подбородке.

С собой они практически ничего не взяли, кроме тонких стилетов и металлических звезд, спрятанных в рукавах. Горшин при прохождении контроля по-

слал мощный раппорт работникам таможни и пропускного пункта, и звонок контрольного устройства, реагирующего на металл, они не услышали.

Через два с лишним часа ТУ-134 произвел посадку в аэропорту Грозного, и «пожилая пара» засемила к автобусной остановке, где и села благополучно через полчаса в потрепанный, грязный, с потрескавшимися стеклами «Икарус», который довез гостей до автовокзала на улице Удугова. Ни одна из спецслужб Ичкерии не обратила внимания на стариков, никто не увязался за ними ни в аэропорту, ни на автовокзале, и все же и у Горшина, и у Соболева сложилось впечатление, что об их прибытии здесь знают.

Они отошли в тень платана на краю площади возле автовокзала, разложили на лавочке нехитрую снедь, привезенную с собой в целях маскировки, и сосредоточились на своих ощущениях, делая вид, что неторопливо обедают. Через несколько минут Матвей вышел из ментала и проговорил:

— Похоже, наше появление здесь действительно не секрет для кардиналов Союза Трех, но есть одно интересное обстоятельство: они не ждут д в о и х. Они ждут меня.

— Это существенно увеличивает свободу маневра, — кивнул Тарас. — Но тогда получается, что твой приезд рассчитан заранее? Кому-то было нужно, чтобы ты появился в Грозном?

— Все выяснится, — прошамкал «старик» с улыбкой, обнажавшей десны. — Кто-то приложил немало усилий, чтобы я сюда попал, и я искренне ему сочувствую.

— Только не переоценивай свои возможности, а то я гляжу у тебя эйфория от успехов.

— Не беспокойся, я знаю свои возможности. С этого момента разделяемся. Я иду прямо в резиденцию Шароева, как и договаривались, ты наблюдаешь за мной издали. Когда выпустят Василия, подстрахуй его.

— Ты уверен, что его выпустят?

— Конечно. Но только — из тюрьмы, до выезда из Грозного. Потом попытаются ликвидировать.

— Хорошо, прослежу. План отступления не меняю?

— Пока нет.

— Тогда ни пуха, ни пера.

— К черту!

И «пожилая пара», оставив остатки снеди на лавке, разошлась в разные стороны: «старуха» засемила к остановке городского автобуса, «старик» шаркающей походкой направился по улице к центру Грозного. Он должен был появиться на площади Свободы у президентского дворца к тому моменту, когда «его половина» уже обосновалась там в качестве наблюдателя.

Матвей достиг своей цели за час, контролируя всех пешеходов и проезжающий транспорт. Впрямую за ним никто не следил, таких стариков по Грозному передвигалось достаточно, так что эффект переодевания сработал отменно, и все же ощущение висящей над головой грозовой тучи не проходило. Владыка Чечни ждал его и был уверен в том, что он рано или поздно объявится.

Матвей и объявился. В четыре часа пополудни, когда майская жара достигла апогея — тридцати градусов по Цельсию, — он поднялся по ступень-

кам парадной лестницы и вошел под своды президентского дворца. Гвардейцы внешней охраны пропустили его без единого вопроса, словно не видели. Так же просто он прошел и вторую цепь охраны — в холле, спойкойно сев в лифт вместе с десятком посетителей и работников резиденции главы правительства. Вышел на третьем этаже, постоял у сверкающей карракским белым мрамором стены, держась за поясицу, пока к нему не подошел рослый, выбритый до синевы гвардеец в белом мундире и белых перчатках. Сказал что-то по-чеченски, наверное, справился о самочувствии или же спросил, что ему здесь надо. Пришлось послать раппорт подчинения и держать парня под контролем, пока тот вел уважаемого тейпа в приемную президента.

Везирхан Шароев никогда демократом не был, поэтому в его приемной народ не толпился, и попасть туда можно было лишь по вызову или спецпропускам, которыми пользовались служащие из администрации дворца. Когда беломундирный страж порядка ввел Матвея в приемную, напоминавшую холл приличной гостиницы, там находилось всего пять человек: трое охранников из особой «серой сотни» — личной гвардии президента, секретарь-референт, располагавшийся за исполнимским дубовым столом с компьютерной системой вызова и связи и терминалом контроля помещений дворца, а также единственный посетитель — низкорослый чеченец в кожаной куртке, из-под которой была видна белая рубашка и галстук в горошек. Чеченец — чернобородый, чернобровый, но лысый, шагал по ковровой дорожке мимо стола секретаря и время от времени поглядывал на роскошную резную дверь в покои президента, украшенную затейливым орнаментом с элементами чеченской символики: звезды, полумесяцы, сабли, фигурки волков и орлов. Он глянул на вошедших только раз, и внутри Матвея зазвенел звоночек тревоги. Этот человек явно не был случайным гостем президента, он вообще вел себя не как гость, а как хозяин, и на Матвея вдруг пахнуло холодным ветром зловещей угрозы.

Сопровождавший Соболева гвардеец что-то проговорил по-чеченски, бледнее на глазах. Лысый посетитель перестал расхаживать по залу приемной, снова глянул на «старика», и Матвей понял, что пора действовать. Лысый з н а л, кто вошел в приемную, и готов был отдать приказ охране задержать гостя.

Мгновением спустя «старик» исчез.

То есть он, конечно, никуда не делся, просто перешел в другое состояние со своим темпом жизни, поэтому увидеть его было трудно даже специально тренированному человеку.

В течение двух секунд Матвей обошел приемную, усыпил всех, кто в ней находился, и наконец остался один на один с лысым, который так же, как и он, перешел на сверхскоростное манипулирование телом. Однако, во-первых, в отличие от Соболева он не владел боевым искусством, во-вторых, двигался все же не столь быстро, в-третьих, о противнике он был не очень высокого мнения, а в-четвертых, понадеялся на свою силу.

Поэтому Матвей не стал разыгрывать красочный спектакль под названием «Бой Посвященных». Выдержав атаку-раппорт на психофизическом уровне, он стремительно обошел лысого, заставляя его зрение «соскальзывать» с объекта, вынудил его воспользоваться оружием: противник достал из-под мышки пистолет (девятимиллиметровый «штейер») и выстрелил, — среагировал на выстрел (он у в и д е л летящую пулю со светящимися в инф-

ракрасном диапазоне вихриками воздуха в кильватере) и достал стрелка в момент, когда тот перестал стрелять, будучи уверенным, что попал.

То, что лысый не был обыкновенным человеком, было ясно еще до боя, но то, что он владеет Эхейх, то есть первой из «сил Бога» — энергией структурного восстановления, Матвей понял, применив прием усыпляющего касания. Лысый не уснул! Он только замедлил движения, но продолжал оставаться в сознании (сознании измененного состояния) и держать т е м п. Тогда Матвей обезоружил его и, не желая убивать — он мог бы применить космек (прием смертельного касания), вряд ли противник выдержал бы десинхронизацию чакр, — нанес мощный оглушающий удар кулаком в темя.

Бой закончился. Длился он всего полминуты.

Матвей одернул пиджак, бросил взгляд на зрачок телекамеры, стереогущей обстановку в приемной — охрана у телемонитора вот-вот должна была поднять тревогу, — и вошел в кабинет президента.

Он ожидал увидеть огромное роскошное помещение — подстать амбициям государей всех маленьких княжеств — со стенами из розового гранита, с мраморным полом, лепниной по потолку и стенам, золотыми светильниками и люстрами, мебелью под французский Ренессанс или готику Италии, но увидел довольно скромный по размерам деловой кабинет с ультрасовременным убранством. Кабинет был обит деревом, правда, не дешевым — карельской березой, — имел зеркальный потолок, паркет, несколько шкафов со стеклянными дверцами, где на прозрачных полках лежали образцы холодного оружия, и мебель дизайна французской компании Ligne Roset: эlegantный стол с непременной вставкой компьютера, кресло с пневматическими подлокотниками, меняющее положение спинки и сиденья в зависимости от позы седока, стулья из алькантары с мягкой спинкой, наборенной, как шкура бегемота, телесистема «Шарп» в углу размерами метр на полтора, светильники, вырастающие из стен и стола, как бутоны цветов.

— Сделано по заказу в Бриоре, под Лионом, — раздался голос человека, стоящего со сложенными на груди руками перед столом, лицом к двери, и наблюдавшего за вошедшим. — Нравится?

Человек был одет в отлично сшитый костюм в крупную фиолетово-зеленую полоску, ослепительно белую рубашку с зеленым галстуком, лаковые штиблеты, носил аккуратные усики, имел блестящие черные волосы и был «закрыт», как сейф, но в черных глазах его проскальзывали искры иронии, ума, снисходительности, силы и враждебности. Это был президент, и он же координатор Союза Неизвестных Ичкерии, Везирхан Шароев.

Матвей перешел на гипервидение, отметил замаскированные дубовыми панелями секретные выходы из кабинета, один из которых вел на крышу дворца (лифт, две короткие лестницы), второй уходил вниз, в подвал, вернее, в бункер, укрепленный так, что мог, наверное, выдержать прямой ядерный удар, в столе президента обнаружил целый арсенал, причем оружие было встроено не только в тумбы стола (два пулемета с автоматической подачей патронов), но и в стены (баллоны с усыпляющим газом), однако сам Шароев оружия не имел, и Матвей спокойно повернулся к нему спиной, закрывая дверь на ключ. Шароев наблюдал за ним, склонив голову на плечо, и выжидательно молчал.

— Отмените тревогу, — негромко сказал Матвей.

— Вы великолепны, Соболев, — серьезно сказал Шароев. — Я наблюдал за вами во время вашего... м-м, разговора с моим министром. Честно

признаюсь, не ожидал такой прыти. Кстати, и не сразу узнал. Очень хорошая маскировка, мастерская. Вот почему мои следопыты не «взяли» вас в аэропорту. Впрочем, удивляться нечему, вы ведь профессиональный контрразведчик, не так ли?

— Отмените тревогу, — повторил Матвей, чувствуя неприятное давление на мозг. Шароев пытался пробить его блок и подчинить волю.

— А никакой тревоги не будет, — улыбнулся Шароев. — Мы вас ждали, о возможностях наслышаны, так что все варианты просчитали. Шансов уйти отсюда у вас нет. Вернее, есть, но только в том случае, если мы договоримся.

— Я могу уйти в любой момент, — равнодушно сказал Матвей. — Несмотря на ваши пулеметы и газовые пакеты. У вас два замаскированных выхода, один ведет на крышу, где всегда стоит вертолет, второй — в бункер под зданием дворца, откуда можно по спецтоннелю добраться до спецгаража с бронированным автомобилем.

Улыбка президента несколько потускнела. Он снял руку с груди, опустил правую к столу, и в тот же момент Матвей метнул стилет. Тонкое лезвие молнией пересекло кабинет, пригвоздило рукав пиджака Шароева к столу и одновременно пронзило скрытую кнопку, включающую неизвестную электрическую систему. Шароев, не успев отклониться, посмотрел на рукав, потом на Соболева, укоризненно покачал головой. Выдернул стилет, повертел в пальцах.

— Красивая иголка. Что это вы такой нервный, Соболев? Я только хотел приказать секретарю сварить кофе. Присядьте, расслабьтесь. Ваше умение воина впечатляет, но не более того. Мы люди серьезные и можем поговорить без подобного рода эффектов.

— Разговора не получится, пока вы не отпустите заложника.

— Василия Балуюева? Он государственный преступник. Проник на территорию суверенного государства с целью...

— Оставьте, — перебил президента Матвей, прислушиваясь к тишине за дверью и понимая, что они с Тарасом чего-то не учли. — Вы прекрасно знаете, что весь этот дикий поход был заранее спланирован. Балуюев — только исполнитель, заложник генеральских и ваших расчетов. Отпустите его, иначе...

— Что иначе? — с любопытством склонил голову к плечу Шароев. — Вы же в патовом положении, ганфайтер. Убьете меня — в чем я сомневаюсь, — погибнете сами, да и вашего друга не выручите.

Матвей вышел в меоз и без предупреждения нанес мощный оглушающий пси-удар по сознанию президента, смявший внешнюю витальную оболочку его защитного пси-блока. Координатора Союза Трех шатнуло. Он побледнел, вцепился руками в стол, в глазах на мгновение мелькнула растерянность, сменившаяся хищным блеском. Волк, пришло на ум сравнение.

— Выпустите Балуюева, — раздельно повторил Матвей, не спуская с его лица ледяных глаз. — Немедленно!

Президент Чечни потер лоб, мимолетно подумав, что они переоценили свои силы и не просчитали складывающуюся ситуацию. Отвернулся, обошел стол и сел в податливо просевшее кресло. Нажал клавишу селектора:

— Ходжаикбар? Выпусти пленника.

— Минуту, — поднял руку Матвей. — Пусть Балуюеву дадут трубку, я хочу сказать ему пару слов.

— Дайте ему телефон, — распорядился Шароев.

Через несколько минут динамик селектора донес флегматичный голос Василия:

— Кому я там еще понадобился?

— Привет, Баловень, — сказал Матвей. — Жив, здоров?

— Это кто? Соболев?! Какого хрена ты здесь делаешь?!

— По голосу слышу, что ты в порядке, — улыбнулся Матвей. — Не скажешь, зачем тебя сюда занесло?

— Они меня купили, — после недолгого молчания мрачно ответил Василий, имея в виду, очевидно, Первухина и Ельшина, передразнил кого-то из них. — «Это не наказание и не месть, капитан, это восстановление справедливости...» В общем, ты был прав.

— Хорошо, что ты это понял.

— Поздно понял.

— Лучше поздно, чем никогда. Сейчас тебя выпустят, довезут до аэропорта и посадят в самолет. Понял?

Пауза.

— Понял.

— Го-ёдзин. Понял?

Еще пауза.

— А ты как?

— Я тут задержусь на некоторое время. Встретимся в Москве.

— Может, я тебя подожду?

— Выполняй. — Матвей отошел от стола, сел в одно из кожаных кресел у стены, глянул на следившего за ним Шароева. — Посидим немного. Как только Балув покинет пределы Грозного и я услышу его голос, мы продолжим переговоры.

— А что это вы ему сказали по-японски?

— Ничего особенного, намекнул об осторожности. Вопрос у меня один: зачем я понадобился Союзу Трех? Точнее, зачем вы использовали для моего вызова столь экзотический способ?

— Какая разница? В конце концов расчет наш оправдался, вы здесь, остальное не важно. Вы знакомы с господином Рыковым?

— Так это по его заказу вы работали? — удивился Матвей.

Густые брови Шароева сдвинулись, ноздри раздулись, придав лицу грозно-хищное выражение. Координатор Союза Неизвестных Чечни не терпел ничего диктата и не любил намеков, что от кого-то зависит.

— Рыков просто позвонил нам незадолго до вашего появления и предупредил об опасности. Видимо, вы его чем-то сильно огорчили, если он готов организовать вашу «волну выключения».

— Пока ничем. — Матвей снова подумал об ускорении событий, прожитых им в прошлом временном отрезке длиной в два года. — Но я его еще огорчу.

— Вы такой оптимист? Вы действительно верите, что спокойно уйдете отсюда, когда захотите?

Матвей выдержал очередной волчий высверк глаз Шароева, ответил ему «щелчком по паутине» — чувствительным выпадом пси-поля, адекватным отрезвляющему щелчку пальцем по лбу. Координатор Союза Трех вздрогнул, стиснул руки в кулаки, но принять крутые меры до появления того, кого ждал, не решился. Сказал, сдерживаясь:

— Да, вы, вне всякого сомнения, сильный человек, Соболев, тут мы, безус-

ловно, прокололись. Но ведь я не один, нас трое. И придет еще четвертый... — Он замолчал, с трудом останавливая язык. — А как случилось, что вы до сих пор не Посвящены?

— Долго объяснять. Дайте, пожалуйста, связь с вашими тюремщиками, они, наверно, уже на пути к аэропорту.

Шароев щелкнул селектором, отрывисто произнес фразу на чеченском языке, выслушал такую же трескучую тарабарщину в ответ, выключил аппарат.

— Они еще на окраине Грозного, в аэропорту будут через полчаса, оттуда сообщат. Кофе хотите?

Матвей подумал.

— Пожалуй, выпью чашечку.

— Хамид хаважи, — сказал Шароев, нажимая и отпуская клавишу селектора. Встал из-за стола, подошел к двери и повернул ключ, сел на место. Через минуту в кабинет вошел давешний противник Соболева, лысый чеченец, мрачный и бледный, взглядом смахивающий на президента.

— Знакомьтесь, — дернул уголок губ Шароев. — Салман Борз, министр безопасности Ичкерии. Матвей Соболев, ганфайтер российской военной контрразведки.

— Мы уже познакомились, — угрюмо бросил Борз, обернулся в сторону оставшейся открытой двери. — Заходи, Солтан.

В кабинет вошел крупнотелый чеченец, чернобородый, но седовласый, одетый в черкеску с газырями, сапоги, с кинжалом на поясе. Кроме того, он был вооружен и огнестрельным оружием, спрятанным под кафтаном, однако Матвей не стал говорить об этом.

— Министр иностранных дел Махмуд Солтанов, — проговорил Шароев. — Прошу любить и жаловать, как говорится.

— Союз Трех Незвестных в полном составе, — невозмутимо отозвался Матвей. — Что ж, знакомство не из самых приятных, да еще и вынужденное к тому же, но ведь выбрать не приходится.

Кардиналы Союза Трех переглянулись, одновременно посмотрели на гостя, и тот почувствовал тяжкий удар по психике, едва не отключивший сознание. Но, во-первых, Матвей ждал нападения и был готов к нему, во-вторых, умел мгновенно переходить на другие частоты психического состояния и продолжал контролировать свое поведение. Однако в то же время он понимал, что сопротивляться эгрегору чеченского Союза без поддержки долго не сможет. Пора было вызывать на помощь Горшина.

Но кардиналы дали ему передышку, пораженные реакцией объекта воздействия, и атаку не повторили. Это дало возможность Соболеву перестроить энергопотоки организма и отдохнуть.

— Присаживайтесь, господа министры, поговорим. Итак, вопрос один: зачем я вам понадобился?

Министры сели в кресла по обеим сторонам стола и стали разглядывать Соболева, как дикий зверя. Матвей стер с лица краску, разгладил морщины, и теперь перед кардиналами сидел не старик, а гибкий и сильный молодой человек с непробиваемо спокойным лицом и синими светящимися глазами, в которых сквозила легкая ирония и задумчивость.

— Вы понадобились не нам, — проговорил Шароев, внезапно приходя в хорошее настроение, взмахом руки отослал секретаря, принесшего поднос с чашками кофе. — Но, с другой стороны, нам тоже хотелось бы выяс-

нить, почему в вас столь сильно заинтересован один наш общий друг, что он готов даже посетить нашу грешную обитель.

Звякнул селектор. Шароев включил связь, и в кабинете раздался голос Балужева:

— Соболев, я в аэропорту. Ты уверен, что моя помощь не понадобится? Может, мне все-таки остаться?

— Лети, — сказал Матвей. — Иншалла...

Шароев выключил селектор, выражение глаз его изменилось, в них появилась угроза и сила, но сила иного плана и другого уровня. И Матвей наконец понял, в чем состоит их с Тарасом упущение: его здесь ждали не только кардиналы Союза Трех, но и кто-то рангом повыше. Иерарх!

— Совершенно верно, идущий, — изменившимся рокоушным голосом сказал Шароев. — Ты хорошо оцениваешь ситуацию. Перед тобой пен-тарх Удди.

Матвей шевельнулся.

— Сидеть! — вскочил Солтанов, доставая из-под кафтана пистолет, в котором Матвей без удивления узнал гипногенератор «кудав».

— Не психуй, Махмуд. — Президент повернул голову к министру иностранных дел; впрочем, он уже не был только президентом, он стал авешей пен-тарха. — Соболев никуда не денется и ничего не сможет сделать, даже если владеет с ф е р а м и света. Или вы, — Шароев повернулся к Матвею, — предпочитаете воевать?

— Я готов выслушать вас, — хладнокровно ответил Матвей, подумав, что идти Путем Избегающего Опасность он еще не готов.

БИТОМУ НЕЙМЕТСЯ

В аэропорт Васю возли на президентском «мерседесе» с зеленым флажком на капоте, так что задержек в пути не было, а он наконец-то смог оценить комфорт и скоростные качества автомобиля в полной мере.

Кроме него и водителя, в просторном салоне «мерса» располагались еще трое человек: двое в сером по бокам Балужева (мощные мужички из «серой сотни») и один в черном — на переднем сиденье. Он имел какие-то нашивки и звезды на плечах и руках комбинезона, но Вася в чеченской военной символике не разбирался и мог только догадываться о звании своего тюремщика.

Наручники Василию надели уже при выезде из города, но это было в порядке вещей, а вот два пистолетных ствола под ребрами мешали чувствовать себя свободным. Предостережение Соболева на японском языке явно имело смысл. С этими ребятами надо было держать ухо востро. Вася попытался было их разговорить или рассмешить, рассказав пару анекдотов, но четверка конвоиров ни разу не заговорила в дороге, и Вася с грустью признал истину, вычитанную им в какой-то газете: труднее всего контролировать того, кто диктует.

В аэропорт прибыли к шести часам вечера и сразу проехали на леткое поле, якобы для посадки в самолет на Москву, который был уже готов к вылету. И Василий понял, что пришел момент п у с т о т ы¹. Он вытянул руки вперед.

¹ «Состояние пустоты» позволяет мгновенно реагировать на неожиданное нападение.

— Снимите наручники, ребята.

— Сиди тихо, — оглянулся тот, что сидел впереди, протянул Балусеву рацию. — Говори.

— Соболев, я в аэропорту, — сказал Вася. — Ты уверен, что моя помощь тебе не понадобится? Может, мне все-таки остаться?

— Лети, — донесся тихий голос Матвея. — Иншалла...

Тюремщик отнял рацию, щелкнул кнопкой переключения диапазонов, бросил в микрофон какую-то фразу, выслушал ответ, оглянулся и кивнул, как бы давая команду конвоирам. Но Вася начал свою комбинацию раньше.

Он резко рванулся вперед, к спинкам передних сидений, благо расстояние позволяло ему это сделать, так что стволы пистолетов с обоих боков соскользнули, так же резко вернул тело назад, придавливая спиной руки с пистолетами, и с ходу врезал правому здоровяку локтем в подбородок (миги аге эмпи учи — песня, а не прием!), одновременно выплевывая куриную косточку, которую держал во рту еще с момента выхода из камеры (в последний раз кормили его холодной курицей), в глаз молодцу слева. От неожиданности и боли тот выстрелил и попал своему напарнику в бок. Теперь можно было не опасаться нападения справа. Не дожидаясь второго выстрела, Вася нанес стрелку еще один удар — наручниками в лицо, раздробил нос и надолго вывел из строя. Только теперь охранник в черном начал соображать, что его сценарий неожиданно нарушен, и начал доставать пистолет из кобуры на пояс. Но ему следовало держать его на коленях готовым к стрельбе, тогда он, наверное, успел бы выстрелить, а так удар Васи обеими руками в затылок бросил его на стекло и отключил сознание.

Оставался еще водитель, крепкий белобрысый малый с глазами альбиноса, вооруженный автоматом, однако ему, чтобы обезвредить пленника, тоже надо было сделать много движений: остановить машину, снять руки с руля, повернуть автомат стволом назад, спустить предохранитель и нажать курок. На все это ему потребовалось бы около секунды в самом лучшем случае, Василию же хватило половину этого огромного временного запаса, чтобы выхватить пистолет из руки раненого конвоира справа и направить его в висок водителю.

— Стоп-кадр! Не стоит состязаться в скорости спулей, парень. Брось пушку!

Водитель повиновался.

— Руки на руль. Выезжай с поля.

— Далеко все равно не уйдешь, — проговорил водитель по-русски. — Первый же пост остановит — и тебе крышка.

— Ага, русский, значит, — прищурился Вася. — Надо же, как мне повезло. Давно водишь эту колымагу?

— Слёта, — хладнокровно ответил водитель, шевельнув каменными желваками. Его лицо пошло пятнами, но держался он хорошо.

Вася присвистнул. Слово «слёта», означавшее — с лета, то есть давно, принадлежало профжаргону спецслужб.

— Это как же тебя угораздило на службу этому волку — Шарову? Ты же «гусь», насколько я соображаю.

— Где хочу, там и служу, — огрызнулся водитель. — Будешь платить больше, я и у тебя покантуюсь.

— Ну у меня вряд ли, — покачал головой Вася. — А если бы они меня сейчас прихлопнули, ты и ухом не повел бы?

— Встретился бы ты мне в Первомайском... — процедил сквозь зубы водитель. — Я там ваших много положил.

Вася потемнел.

— Что ж, долг платежом красен. Прощай тогда. — Одним движением Василий воткнул палец в шею белобрысому, пронзив ее, и мгновенно убил. Посидел немного, оглядывая поле, спующие там и тут желтенькие кары и разного рода машины технических служб, потом поблагодарил Бога за то, что у «мерседеса» темные стекла, перевалил тело водителя назад, сел за руль и тихо выехал за ворота летного поля, готовый врубить газ, если случится задержка. Но охрана пропустила президентский автомобиль беспрепятственно, взяв под козырек, и принимать экстренные меры не понадобилось.

Но внезапно случилось то, чего меньше всего ожидал Василий: при повороте с площади перед зданием аэропорта на улицу, ведущую на шоссе Ходжаева, которое соединяло аэропорт с Грозным, мотор «мерседеса» заглох. Не поверив глазам, Вася глянул на панель управления, где мигали сразу три красных окошечка, сигнализируя о прекращении подачи топлива и отключении аккумулятора, а когда чувство опасности заставило его поднять голову, рядом с машиной он увидел старуху-чеченку, которая с усмешкой смотрела на него умными, стальными, отнюдь не старушечьими глазами.

— Не подвезете бабушку, Василий Никифирович? — прочитал Вася по губам старухи, не слыша ее голоса сквозь стекла. Быстро оглядел улицу с шеренгой пыльных тополей и платанов, с редким потоком пешеходов, оглянулся на площадь с двухэтажным зданием аэропорта, не безлюдную, но и не кишашую пассажирами, угрозы не обнаружил: на роскошный автомобиль заглядывались многие, но скорее с благоговением и любопытством, не видя, что творится внутри, — и открыл дверцу слева.

Старуха с неожиданным проворством и сноровкой шмыгнула в салон, легко сдвинув тело спецназовца-конвоира, будто делала это всегда, и тотчас же ожил мотор «мерседеса». Вася, помянув сквозь зубы нечистую силу, тронул машину с места.

Миновали базар, пост ГАИ у выезда на шоссе, работники которого вытянулись в струнку и отдали честь сидящим внутри, и Вася направил «мерс» к городу, раздумывая, что делать дальше. Однако старуха, угадав его колебания, дала дельный совет, и голос ее был голосом молодого мужчины:

— За поворотом на СМУ есть балочка, там мы сбросим балласт и оглядимся. А лихо вы их, надо признаться, скрутили, Василий Никифорович. Я уже хотел вмешаться, да вы меня опередили. Хорошая подготовка.

— Кто вы? — спросил Василий, пропуская колонну грузовиков в сопровождении БТР и сворачивая с шоссе на узкую грунтовку, ведущую в заросшую кустарником балку.

— Приятель Соболева, Тарас Горшин. Может, слышали?

Из рассказа Матвея Вася помнил, кто такой Горшин, но промолчал. Остановил машину так, чтобы ее не было видно с дороги, и они вытащили из кабины незадачливых исполнителей воли неведомого начальника, говорившего Балуюева к смерти после того, как ему было разрешено покинуть Чечню. А это, в свою очередь, означало, что Матвей Соболев в данный момент не может проконтролировать соглашение и сам скорее всего является заложником.

— А один-таки холодный, — кивнула «старуха» на слоборысого водителя. — Перестраховался или?..

— Или, — хмуро ответил Василий. — Наемник, сучий потрох, отщип родного продаст ради денег и убьет любого, кто станет на пути. — Оглядывая согбенную фигуру «старухи», хмыкнул: — А вы случайно актерских факультетов не кончали, Граф? Очень натурально держитесь.

— Жизнь — лучшая актерская школа, капитан, — философски ответил Горшин. — Как вы думаете, скоро там хватятся команды?

— Часа полтора в нашем распоряжении имеется, если только их не вызовут по рации, чтобы узнать о результатах моих похорон. А их обязательно вызовут.

— Тогда у нас не больше сорока минут. Что ж, едем в город, там что-нибудь придумаем. Но для начала переоденьтесь в гвардейскую форму, а то ваш пятнистый наряд несовременен. Я, кстати, сделаю то же самое.

— По-моему, наряд старухи вам больше к лицу.

— Спасибо за комплимент, но старуха в кабине «мерседеса» выглядит, что дворник в царских палатах. А два серых гвардейца подозрений не вызовут.

— У вас есть план?

— У меня нет плана. Соболев сейчас в гостях у президента, поэтому вряд ли его жизнь под угрозой. Но если они не договорятся, его не выпустят. Живым.

— Тогда нам нельзя терять времени. А может, предложим обмен?

— Кого на кого? Вас обратно на Соболева? Или нас обоих?

— Нет, есть более выгодный вариант. Захватить родственника президента, сына к примеру, и обменять.

— Этот вариант был бы хорош, если бы президент был обыкновенным человеком. Но он Посвященный, кардинал Союза Неизвестных Чечни, если вам это что-нибудь говорит, и для достижения поставленной цели способен пожертвовать кем угодно. В том числе и сыном.

— Что ты предлагаешь? — перешел на «ты» Василий.

— Поехали в Грозный. Там разберемся.

Они быстро сняли мундиры с находящихся в бессознательном состоянии гвардейцев президентской «серой сотни», переоделись, и Вася вывел «мерседес» из балки. А у выезда на шоссе дорогу им перегородила желтая с зеленой полосой «Волга» — местный вариант такси, внутри которой сидели трое: смуглолицый мужчина с черными как смоль волосами, таджик или туркмен, еще один мужчина средних лет с неброской внешностью, но пронзительными глазами профессионального психолога, и женщина, вернее, девушка с л е т я щ и м — из-за бровей вразлет — лицом, очень интересная и дразняще-красивая. Она вышла из «Волги», подняла руку, останавливая «мерседес», и Вася вопреки собственной воле и возгласу Тараса остановил машину.

— Что с тобой? — посмотрел на него Тарас, но потом вдруг напрягся, сдвинул брови, внимательно вгляделся в лица мужчин. Что-то в них показалось ему необычным. К тому же он услышал несколько тихих музыкальных нот, раздавшихся прямо в голове.

Балуев же вдруг побледнел, глухо проговорил: «Не может быть!» — и как соннамбула вылез из кабины.

Несколько долгих секунд Вася и незнакомка смотрели друг на друга, потом девушка улыбнулась и проговорила низким грудным голосом:

— А вот и сам Балуев.

— Я вас где-то видел, — хрипло сказал Вася. — Вы... Уля... Ульяна Митина.

— Как утверждает один наш общий знакомый, мы с вами знакомы уже два года... и в то же время видим друг друга в первый раз.

— Нет, — покачал головой Василий, — у меня хорошая память на лица, я вас определенно где-то видел.

— Уля! — скрипучим голосом окликнул девушку черноволосый и смуглолицый водитель «Волги». — У нас мало времени.

— А это, кажется... Вахид... Самандар. Нет?

Глаза Ульяны раскрылись шире.

— Так вы в самом деле... помните?!

— Садитесь в машину! — снова резко проговорил смуглолицый.

Вася внимательно посмотрел на него, но второй мужчина, сидевший на заднем сиденье, мягко сказал, наклонившись вперед:

— Не стоит в самом деле торчать на виду у всех. Пересаживайтесь в нашу машину и приятеля прихватите. Мне кажется, от «мерседеса» надо избавиться, слишком заметный аппарат.

— А вы свой где достали?

— Позаимствовали в аэропорту. Мы прилетели всего час назад.

Вася обернулся к Горшину, но тот уже вылезал из президентского автомобиля.

— Он прав. Отгони ее обратно в овраг. Поедем на такси. — Тарас подошел к желтой «Волге». — Вы Парамонов?

Мужчина в светло-сером костюме кивнул.

— Рядом с вами Самандар, а вы Ульяна Митина.

Девушка насмешливо оглядела Горшина.

— А вы, наверное, Граф, то есть Горшин Тарас Витальевич. Матвей описал вас, но узнать в гвардейце Посвященного трудно, особенно если он этого не хочет.

— Что он еще говорил обо мне?

— Что вы отступник.

Тарас поклонился.

— Информация исчерпывающая.

Вася дал газ и дальнейшего разговора Посвященных не услышал. Развернул «мерседес» и погнал его в балку, где лежали спящие до сих пор его конвоиры и тюремщик. Когда он вернулся, Горшин уже сидел в кабине такси. Вася сел рядом с Ульяной, одетой в брючный костюм, и машина покатила по разбитому танковыми гусеницами, заплатанному кое-как шоссе с негустыми потоками транспорта в сторону Грозного.

Выхода Соболева из президентского дворца они не дождались.

Посвященные по каким-то своим каналам выяснили, что он все еще здесь, однако связаться с ним не смогли и в каком положении он находится не знали.

Расположились все пятеро в одной из двухкомнатных квартир пятиэтажного жилого дома, выходящего фасадом на площадь Свободы почти напротив дворца. Как удалось уговорить хозяев, Вася не понял, только их впустили без вопросов и разговоров, а потом пожилая чеченская пара удалилась в свою спальню и больше не выходила. Вася подозревал, что она легла спать — не без помощи его новых знакомых, понятное дело.

До этого момента они с час колесили по Грозному, уклоняясь от встреч с постами ГАИ, купили кое-что из одежды на рынке, а также кое-какие продукты — рис, хлеб, овощи, фрукты — и определили стратегию поведения на случай задержания машины. Потом нашли этот дом и поднялись на пятый этаж. Дом недавно отремонтировали, поэтому он представлял собой своеобразное сочетание темных и светлых пятен, гладких кирпичных заплат и шербатых от пуль и снарядов стен.

В квартире, где их таким образом приняли, Вася и Горшин переоделись в неновые джинсовые костюмы, оставив рубашки гвардейцев, и некоторое время напоминали американских ковбоев в бегах, пока не навели маршфут. Тарас сделал себе чеченское лицо сам, за Васей ухаживала Ульяна, что было приятно и от чего замирало сердце. Вскоре их славянские лица преобразились в «лица кавказской принадлежности», так что узнать их не смогли бы и родители. Горшина преобразили усы, высокие скулы и всклокоченные волосы, Василия — борода, усы и шрамы на лбу.

— Типичный абрек, — констатировал он, оглядев себя в зеркале. — Только сабли и ружья не хватает. Итак, господа Посвященные, долго мы будем тут сидеть? Раз Соболев не вышел оттуда, значит, он в плену. А как говорит пословица: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

— Существует другой вариант этой пословицы, — серьезно сказал Парамонов. — Если гора не идет к Магомету, он объявляет ей джихад.

Вася и Ульяна обменялись улыбками, и это не ускользнуло от внимания Самандара, кружившего по комнате, как тигр в клетке.

— Не нравится мне астральное ш е в е л е н и е, — сказал он отрывисто, ни к кому особенно не обращаясь. — Это явно с л е д и е р а р х а. Торчит здесь, как заноза.

— Скорее, это его в з г л я д, а не с л е д, — покачал головой Иван Терентьевич. — Хотя, может быть, наших возможностей не хватает, чтобы идентифицировать динамику воздействия.

— О чем речь? — осведомился Василий. — Хорошо, если бы вы делились со мной своими наблюдениями.

Самандар не обратил на реплику внимания, и Парамонов пояснил:

— В данном земном районе потревожен психофизический фон. Складывается впечатление, что здесь кто-то побывал из adeптов Внутреннего Круга, причем очень сильный мастер, не пожелавший даже скрыть свои следы.

— Кто-нибудь из нашего родного Союза Девяти?

— Нет, кардиналы не обладают столь мощной аурой, оставляющей отпечатки на полевых структурах астрала. Вполне возможно, что здесь-таки побывал иерарх. Но что ему понадобилось в «запрещенной реальности»?

— Не что, а кто, — задумчиво обронила Ульяна. — Ему был нужен Соболев.

Самандар одарил ее скептическим взглядом.

— Вряд ли фигура вашего супермена способна заинтересовать иерарха, даже если он и д у ш и й.

— Ты забываешь, что Соболев в е р н у л с я. Он знает, что произойдет в последующие два года, а знание будущего — колоссальная сила! К тому же он и сам мастер, прошедший неординарное Посвящение Хранителей, сумевший выжить после включения в контур «Иглы».

— Это еще надо доказать.

— Вахид, ты всегда был пессимистом.

— Я всегда был реалистом, хотя наш паршивый социум, руководимый агонизирующим Союзом Девяти, из любого оптимиста сделает не только пессимиста, но и предателя.

Василий, вспомнивший историю с предательством Самандара по рассказу Соболева, промолчал. Этот честолюбивый человек был явно ущемлен своим положением в среде Посвященных и жаждал это положение изменить. С другой стороны, ситуация, в которой он однажды оказался, могла и не повториться. И все же Вася чувствовал к нему антипатию, хотя и признавался в душе, что главной причиной его ощущений была Ульяна. Вахид Тожиевич был к ней неравнодушен. Сам же Вася в ее присутствии был способен на любые подвиги и о сопернике думал мало.

— Да, это иерарх, — очнулся наконец от долгих размышлений Горшин, уже с полчаса сидевший на диване с полужакрытыми глазами. — Не ниже гептарха. И он еще здесь.

Посвященные посмотрели на него с одинаковым выражением недовольства и вопроса.

— С чего вы взяли? — сухо осведомился Самандар.

— То, что мы все ощущаем, — не просто след иерарха, это след боя иерарха с Матвеем. Потому что «пахнет» он в диапазоне иерархии Голаб. А эта Сила используется лишь в конфликтных ситуациях, не на благое дело.

По комнате разлилось неуютное молчание. Потом Василий медленно проговорил:

— Мы, что же, опоздали?

— Не спешите его хоронить, — мягко произнес Парамонов. — Посвященного убить не так-то просто, да и не для того вызывали Соболева сюда, в Ичкерню, чтобы уничтожить. Он зачем-то нужен кардиналам Союза Трех, а может быть, и иерархам. Знать бы, чего от него хотят.

— Вы предлагаете атаковать дворец?

— Я предлагаю думать.

— Но нам всем равно придется идти туда.

— Прежде надо определить путь отступления. В любом случае с Соболевым или без него, нам необходимо выбираться из Грозного и из Чечни.

— Ну, это просто, — небрежно сказал Вася, ловя на себе удивленно-скептические взгляды остальных. — На крыше дворца дежурит вертолет президента. Идем во дворец, забираем Соболева, садимся и летим в Дагестан. Там Шароев нас уже не достанет.

Красноречивая тишина была ему ответом. Потом Самандар растянул в улыбке губы.

— Безумству храбрых поем мы песню... но это, вероятнее всего, лучший вариант.

— А если Соболев нетранспортабелен?

— Тогда применим шактипат.

Ульяна и Парамонов переглянулись. Горшин кивнул, воспринимая слова Вахида Тожиевича как нечто само собой разумеющееся.

— Тогда нам осталось определить время выхода, взаимодействие и линии подстраховки. Василий, ты хорошо ориентируешься во дворце?

— Выше первого этажа не поднимался.

— Тогда пойдешь в арьегарде.

— Пистолета будет маловато для защиты тыла.

— Попытаемся вообще обойтись без стрельбы.

— Как скажете. — Вася пожал плечами, отошел к Ульяне, спросил тихо: — А что такое шактипат?

— Целевая передача своей Силы для восстановления Сил и желаний реципиента, в данном случае — Соболева.

— Пора выступать, — буркнул Самандар, покосившись на Балуева.

Все замолчали, невольно глянув в окно, через которое был виден сияющий огнями президентский дворец; шел уже десятый час вечера, стемнело, однако небо на западе еще хранило малиновую полосу вечерней зари.

— Может быть, не стоит рисковать жизнью женщины? — проговорил Вася, тут же сообразив, что сказал глупость. Будучи Посвященной и обладая недюжинной силой психофизического воздействия, Ульяна в отряде была, наверное, полезнее, чем он сам.

— Спасибо, рыцарь, — улыбнулась девушка.

Горшин, встав с дивана, молча похлопал его по плечу, прошел на кухню, позвал оттуда:

— Приглашаю подкрепиться, господа диверсанты, каша готова.

Через полчаса они выступили в поход.

Впереди шли Горшин и Самандар, за ними Парамонов и Ульяна, замыкал группу Василий, интуитивно ощущавший мощь идущей впереди четверки. Эта мощь успешно прошла испытание уже при пересечении площади Свободы: их не остановили ни милицейский, ни омоновский патрули, ни внешняя охрана дворца. Солдаты просто не видели идущих, будто их не существовало вовсе.

Точно так же отреагировала и внутренняя гвардейская сотня, не заметив поздних посетителей. Как Посвященным удалось нейтрализовать телекамеры, Василию узнать не довелось, но и дежурившие возле телемонитора охранники тревогу не подняли. Пятерка «диверсантов» спокойно поднялась по лестнице на третий этаж, усыпила полицейских в коридоре и охранников в серо-зеленой ночной форме в приемной президента и стремительно ворвалась в кабинет главы государства.

Вася остался в приемной прикрывать тылы группы, хотя очень хотел попасть в кабинет и поучаствовать в действии. Главные события должны были развернуться там.

Но и ему не пришлось отдыхать.

Не успел он освоиться в огромном пространстве приемной, как в нее вошел чеченец в черном комбинезоне — один из тюремщиков, стерегущих Василия в президентском СИЗО. Он был явно озабочен или, скорее, испуган, и Вася понял в чем дело: тюремщик спешил доложить начальству, что пленник сбежал и не найден. Не замечая лежащих на полу охранников, он прошагал до стола секретаря и только потом сообразил, что обстановка в приемной несколько отличается от стандартной. Круто остановился, ошалело глянул на тела у стены и рядом со столом, перевел взгляд налево и увидел за входной дверью Балуева.

— Ты кто?! — спросил он по-чеченски.

— Нихт ферштейн, — ответил Вася, приятно улыбаясь. — Помнишь меня, крыса тюремная?

Глаза тюремщика — плотно сбитого мужика средних лет — сузились. Узнать в «земляке» пленника он не мог, но соображал быстро.

— К-кто... ты?! Б-балуев?! Здесь?!

— А битому неймется, — еще шире улыбнулся Балувев, одним ухом прислушиваясь к звукам в коридоре, а вторым к шуму в кабинете.

Тюремщик цапнул с пояса пистолет и получил в лоб каменный окатыш, прихваченный Балувевым еще в балке за городом. Рухнул на пол, ударившись затылком о край стола.

— А ты не хватайся за пукалку, — философски посоветовал ему Василий.

И в этот момент толстая, дубовая, с резным орнаментом дверь в кабинет президента слетела с петель, перелетела по воздуху приемную и с грохотом врезалась в зеркальную стену...

«СТИКС» В ДЕЙСТВИИ

Они встретились в лесу, на дороге между Захарьино и Кожухово, в пятнадцати километрах от Московской кольцевой автодороги: командир батальона охраны «Щит», майор Шмель Юрий Степанович, и командир спецотряда «Стикс» Управления «Т» ФСБ, майор Ибрагимов Хасан Халидович. Шмель в сопровождении трех телохранителей, двое из которых были из «женской роты», приехал по вызову Ибрагимова на внедорожнике «Шевроле Блейзер» красного цвета, сам же Хасан прибыл на спортивном «Бугатти ЕВ 110 Суперспорт» серебристого цвета, в котором, кроме него, никого не было.

Шмель не понял, зачем Ибрагимов назначил ему свидание не на базе в Балашихе, а в лесу, возле какого-то дачного кооператива, но приехал, привыкнув к манере общения личного телохранителя, а также исполнителя самых конфиденциальных приказов генерала Ельшина. Обнаружив стоящую на обочине красавицу «Бугатти», Шмель остановился сзади в двадцати шагах, подождал немного, пока его команда обозреет окрестности с помощью новейшей поисковой аппаратуры, затем выбросил сигарету и вышел из машины, оставив телохранителей скучать. Сел рядом с Ибрагимовым, проворчал:

— Всем хороша твоя ракета, только уж очень в ней тесно. Какого х... погнал меня сюда, х... знает куда? Повые...ся захотелось? Или предстоит секретный бандаж¹?

— Не надоело материться? — флегматично спросил Ибрагимов.

— Речь без мата что щи без томата, — ухмыльнулся майор. — Можно подумать, ты у нас институтка и не материшься никогда.

— И алкоголем от тебя воняет.

— Потому что я не пью только во сне. Кончай бодягу, колись, зачем я тебе понадобился.

— Юра, кто у тебя был на даче? — Хасан окинул профиль собеседника безразличным взглядом.

— Чего? — удивился майор. — Эт-то еще что за дела?

— По слухам, тебя навестили какие-то крутые парни... с целью выяснить кое-какие подробности нашего рейда по Чечне.

Шмель не очень естественно расхохотался, потом нахмурился.

— От кого ты узнал?

— Так были они или нет?

¹ Бандаж — совместная операция (жаргон спецслужб).

— Ну, были, — пожал плечами Юрий Степанович.

— И что ты им рассказал?

— Да ничего! — резко бросил командир «Щита». — Какого х... ты меня допра... — он не договорил.

Ибрагимов выстрелил.

На майоре был бронежилет под пятнистой формой, но пуля «волка» вошла в незащищенный бок Шмеля и пробила его почти насквозь. В изумлении Юрий Степанович дернулся, раскрыл глаза, выговорил три слова: «Ах ты, ссу!..» — и умер. В тот же момент пули снайперской винтовки нашли головы телохранителей Шмеля, и все кончилось в считанные секунды. Лишь одна из амазонок-воительниц Шмеля успела схватиться за пистолет, и стрелку пришлось потратить на нее еще одну пулю. Стреляли из «винтореза», и выстрелов из леса слышно не было. Потом из зарослей слева от машины на дорогу вышел насвистывающий Тамерлан со снайперским комплексом в руке, помахал Ибрагимову, подошел к его машине.

— Ну, как я их?

— Лихо, — ответил Ибрагимов, всаживая в грудь и в лицо киллхантера три пули. Его пистолет тоже был с глушителем и звуки выстрелов из кабины напоминали падение еловых шишек на землю. Майор вылез из машины, забрал у убитого оружие, снова залез в кабину и тихо покатил в сторону дачного поселка за шеренгой сосен. У поворота на Кожухово его ждал в новой «десятке» приятель Тамерлана Кир.

— А где снайпер? — спросил он, не очень беспокоясь.

— Пересаживайся ко мне, — приказал Ибрагимов. — Есть еще одно задание. Возьми свою пукалку. Машину оставь здесь, потом забереешь к вечеру.

Кир пожал плечами, достал из-под сиденья пистолет-пулемет «кипарис», прицелился в магазин, обошел машину майора, открыл дверцу, заноса ногу, чтобы сесть, и увидел несколько капель крови на сиденье, не замеченных Ибрагимовым. Он был очень опытным профессионалом и не стал тратить драгоценные доли секунды на вопросы и выяснение обстоятельств, а сразу рванул назад и поднял ствол «кипариса». Но ему потребовалось на это движение полсекунды, а палец майора уже лежал на курке пистолета, и тот выстрелил первым. Пуля вошла Киру снизу вверх в горло и вышла из затылка с частью черепа.

— Извини, сержант, приказ, — равнодушно проговорил Ибрагимов, оглядывая дорогу и близлежащие кусты — не заметил ли кто его разборки? Забрал пистолет-пулемет киллхантера, сел на место и достал рацию:

— Иваниченко, забирайте всех и в наш морг. Подготовьте улики и бумагу: была перестрелка с целью выяснения отношений между военнослужащими... ну и так далее.

— Понял, — донесся тенорок штатного следователя «Стикса» капитана Иваниченко.

Ибрагимов убрал рацию, дал газ, направляясь к Москве. Двигатель «Бугатти», мощностью в пятьсот тридцать три лошадиных силы, с шестьюдесятью клапанами квадро-турбо, взревел, и машина прыгнула вперед, как ракета, мгновенно набирая скорость до ста пятидесяти километров в час. Майор спешил: у него было еще одно задание, которое надлежало выполнить до темноты.

Следствие по делу Ельшина стало пробуксовывать.

Самому генералу еще не было предъявлено никаких обвинений, однако

«Смерш» вышел на его помощников, исполнителей, друзей и продолжал углубляться в дело, толчком которому послужила информация, собранная Матвеем Соболевым. Все, о чем он говорил в докладе, постепенно подтверждалось, сбывалось и выводило следователей на такие открытия, от которых вপুরо было рвать волосы на голове или подавать в отставку. Что и сделал один из следователей по особо важным делам полковник Чуйков. А потом кто-то словно стал «рубить концы» — связи, каналы взаимодействий, контактные схемы, убирать свидетелей, уничтожать следы, и следствие забуксовало.

«Главконтра» созвал совещание начальников служб, выслушал все предложения, сводящиеся к одному: сообщить о развитии событий директору ФСБ, и, оставшись наедине с Ивакиным, сказал с виноватой полуулыбкой:

— Кажется, мы взвалили на себя непосильную ношу, полковник. Если дальше провалы пойдут такими темпами, мы окажемся у разбитого корыта. Похоже, Соболев был прав: против нас работает нечистая сила!

— Монарх Тьмы.

— Ну Монарх не Монарх, но объяснить происходящее случайными совпадениями или некомпетентностью наших оперов нельзя. Купол работает оперативнее нас, хотя мы и ведем расследование по четырем нулям. Складывается впечатление, что Генрих Герхардович знает о каждом нашем шаге. Вам не кажется, что имеет место прямая утечка информации?

— Я думал об этом, — нехотя признался Ивакин. — И даже предпринял кое-какие хитрые контрмеры.

— Ну и?..

— Они не сработали. Наши люди чисты.

— Но в таком случае придется учитывать вариант Соболева: дьявол или Монарх Тьмы, не суть важно, имеет мистический доступ к нашим документам и сообщает об этом Ельшину. Так?

Ивакин флегматично пожевал кончик ручки и не ответил.

Дикой понимающе покивал головой, помял бледное усталое лицо ладонью.

— Что будем делать, Борис Иванович? Доклад директору я подготовил, передам вечером, однако это не изменит положения вещей. Мы уперлись в скалу, а точнее, подскакали к обрыву: надо либо прыгать вниз, в пропасть, то есть продолжать расследование, либо отворачивать коней.

Полковник глянул вопросительно, и Дикой добавил:

— У Высоцкого есть стихотворение про нас:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю,

Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю.

Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю.

Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!..

Ивакин хмыкнул.

— В точку. Надо посоветоваться с кем-нибудь.

— С кем?

— С тестем... с Пановым. Он мужик разумный, потому и ушел в отставку, но посоветовать что-нибудь дельное может.

— Попробуйте, Борис Иванович, только вряд ли Иван Сергеевич даст хороший совет. Как только мы приняли к производству дело Ельшина, он автоматически стал подследственным, так что едва ли это его вдохновит. Может быть, посоветоваться с вашим «абсолютом»? Он заварил кашу —

кстати, я так и не понял, откуда у него сведения по деятельности Ивана Ха, — он пусть и предлагает выход.

Ивакин подумал, наклонил массивную голову.

— Я поговорю с ним.

— Что ж, тогда продолжим... мчаться к обрыву?

— Бог не выдаст, свинья не съест, — уверенно бросил Ивакин, поднимаясь. Но на этот раз его уверенная речь и сильная фигура не произвели на Валентина Анатольевича бывшего впечатления, не успокоили. Он получил уже два телефонных предупреждения, одно — от неизвестного лица, предожившего «во избежание несчастного случая прекратить копать под «Цит», второе — от генерального прокурора, встревоженного «раздуванием слухов и формированием нездоровой обстановки в рядах спецслужб». Но сам генерал Ельшин, наверняка получивший от своих подчиненных сведения об интересе к нему военных контрразведчиков, молчал.

Дикой вывел на экран компьютера дело генерала под названием «Т-конструкция Купола» и стал пролистывать самые скандальные разоблачения Соболева, получившие подтверждение.

— С ума сойти! Мистика! — вздохнул Валентин Анатольевич, ощущая суверенный страх перед возможностями ганфайтера, раскрывшего стройную систему взаимодействия криминальных структур и спецслужб, которая была известна правоохранительным органам под названием Купол. — Кто ты такой, Соболев? Откуда у тебя эти сногшибательные сведения? Если Ельшин — наместник дьявола, то кто в таком случае ты? Ангел или демон, одержимый идеей свергнуть противника и занять его место?

Дикой вспомнил невозмутимое лицо Соболева, его исключительно спокойный взгляд, и покачал головой. Нет, у дьявола не могло быть такого лица... хотя, с другой стороны, кто знает его возможности?..

Зазвонил телефон «красной» линии связи — прямой канал с директором. Но голос, раздавшийся в трубке, не принадлежал Владимиру Алексеевичу Бондарю:

— Генерал, даю тебе последний шанс уцелеть. Если не успокоишься, мы тебя успокоим!

— Кто говорит? — сухо осведомился Валентин Анатольевич.

В трубке раздался полухрип-полусмех, от которого спину Дикого охватил ледяной озноб.

— Даже если бы я сказал тебе, кто я такой, ты бы все равно не поверил.

— Монарх Тьмы, может быть?

Смех стих. Голос в трубке изменился, стал зловещим, враждебным, страшным:

— Ах вот даже как? Кажется, я тебя недооценил, раз у тебя тоже есть информатор Круга... Что ж, ты сам подписал себе приговор. Жди гостей. А информатора твоего я вычислю в скором времени.

— Как бы он вас не вычислил раньше, — брезгливо заметил Валентин Анатольевич, не чувствуя в своем голосе уверенности, и положил мокрую от пота трубку на рычаг. Посидел, бездумно глядя на экран монитора, потом в голове сформировалась мысль: «Меня убьют»

Но следом пришла тихая холодная ярость, и генерал сказал вслух с веселой злостью:

— Пень топорница не боится, гнусняк! Еще посмотрим, чья возьмет!

Иван Сергеевич Панов проживал с женой — дочь вышла замуж за

Ивакина и жила отдельно — в трехкомнатной квартире в девятиэтажке недалеко от метро «Проспект Мира». Когда Ивакин в девять утра позвонил ему домой, трубку сняла жена генерала и сообщила, что муж в ванной. Тогда Борис Иванович сказал теще, что придет через час, и вызвал служебную машину.

Преследователей он обнаружил при повороте с Театральной аллеи на Нижнюю Масловку: в полусотне метров сзади шла фиолетовая «мазда», не отставая и не приближаясь.

— Володя, видишь? — кивнул назад Ивакин.

Телохранитель полковника лейтенант Свирский, поглядывающий в зеркало заднего вида, кивнул.

— Я замечаю эту машину второй раз. Вчера она стояла возле конторы. Сейчас выясним, чья она. — Лейтенант нажал кнопку рации на передней панели машины и продиктовал дежурному по Управлению номер преследующей их «мазды». Через несколько минут дежурный сообщил:

— Машина частная, зарегистрирована на имя Макса Райхмана, сотрудника института Курчатова, но вполне возможно, что это просто «крыша». Прислать помощь?

— Пока не надо. — Свирский достал пистолет, проверил обойму, вставил в подмышечный захват. — Кто бы это ни был, он не посмеет действовать активно днем. Попробуем оторваться, Борис Иванович?

Ивакин не ответил, и шофер служебной «Волги» увеличил скорость. «Мазда» отстала. К дому Панова они подъехали в одиночестве, поставили машину во дворе рядом с красавицей «Бугатти» серебристого цвета.

— Хватает же средств у народа на такие аппараты, — кивнул Свирский на серебристое авто, не забывая глядеть и по сторонам.

— Не у народа, — усмехнулся Ивакин, — у «новых русских». Где-то я видел такую машину, причем недавно. Или у страха глаза велики? Везде начинают мерещиться «хвосты», слежки...

Дверь открыл сам Панов, в халате, свежий после ванны, как огурчик. Свирский остался на лестничной площадке, Ивакин вошел в квартиру бывшего директора ФСБ. Иван Сергеевич проводил гостя в свой кабинет-спальню с книжными полками, столом, диваном и креслом, принес кофейный набор.

— Что случилось, Борис?

— Да ничего особенного, Иван Сергеевич, — ответил Ивакин. — Влезли мы с шефом в болото и не знаем теперь, как вылезти. Но сомнений, что Генрих связан с Куполом напрямую, нет.

Панов нахмурился, отпил из фарфоровой чашки ароматного «мокко-на», пристально глянул на зятя.

— Я тоже фигурирую... в вашем досье?

— Нет, материалов на вас нет, — честно сказал Ивакин, — но рикшетом следствие зацепит... хотя, черт его знает, с какой стороны.

Панов кивнул, сморщился, чихнул, с угрюмой улыбкой почесал нос.

— Пословица права: хороший нос за две недели кулак чувствует. Я знал, что вы меня зацепите, и готов отвечать. Зачем я тебе понадобился?

— Нужен совет, — помедлив, проговорил Ивакин. — Купол начинает рубить концы, уничтожать свидетелей, а в кабинеты главных действующих лиц нам просто нет доступа. Надо идти по верхам, а это означает объявление войны Куполу... и Генриху.

Панов кивнул.

— Этого следовало ожидать. Вы затронули sensitive points, естественно, «осы» вам этого не простят. — Иван Сергеевич допил кофе, машинально пошутил: — А вы обратитесь в «Стопкрим». Эти ребята не боятся раскрывать такие дела и не зависят от закона.

— Такая мысль уже приходила мне в голову, — признался Ивакин. На всякий случай я даже подготовил специальный файл для передачи. Он замолчал, услышав какой-то стук в прихожей, вопросительно посмотрел на хозяина. Тот прислушался тоже, окликнул:

— Маша, что там у тебя упало?

Никто не ответил. Иван Сергеевич нахмурился, покосился на полковника, доставшего из кармана штатный «макаров», запахнул халат и встал.

— Пойду посмотрю. Твой телохранитель надежный?

— Не жаловался, профессионал. А что?

Ответить Панов не успел.

Дверь в кабинет распахнулась от сильного толчка, в проеме появился телохранитель Ивакина, похожий на привидение, бледный, с вытаращенными глазами, с пистолетом в руке. Направил ствол на Панова.

— Володя! — вскочил Ивакин. — В чем дело?!

Свирский выстрелил.

Пуля попала Панову в плечо, развернула и бросила на шкаф с книгами. Второй раз лейтенант выстрелить не успел, Ивакин выстрелил в ответ навскидку, попал телохранителю в руку. Пистолет Свирского выпал. Но это было еще не все.

За спиной лейтенанта возникла фигура человека в камуфляже, выстрелила в спину Свирскому, а когда Ивакин метнулся на пол и оттуда дважды выстрелил по ногам стрелка, его и Панова накрыл залп суггестора «удава».

Все поплыло перед глазами Бориса Ивановича, зрение его расфокусировалось, тело ослабло, стало студенистым и рыхлым, в голове зашумело, как от удара. Однако последним усилием воли он зажал в кулаке пистолет и выстрелил.

Он уже не видел, как пуля попала в голову раненому предыдущими выстрелами в ногу гостю, как тот упал, забрызгивая ковер и паркет кровью, как в кабинете возникла еще одна фигура, расстреляла лежащих генерала и полковника, затем склонилась над человеком в пятнистом комбинезоне, убитым Ивакиным. Выругалась, забрала из его руки «глушаку» и в темпе покинула квартиру.

Ибрагимов торопился: поднятая Ивакиным стрельба всполошила соседей, те вызвали милицию, и наблюдатель команды «Стикс» по рации предупредил своего командира о появлении машины ОМОНа. В квартире бывшего директора ФСБ остались лежать пять тел. Панов, его жена Мария Александровна, лейтенант Свирский, убийца в камуфляже были мертвы, полковник Ивакин был еще жив. Пули Ибрагимова, выпущенные с близкого расстояния, попали ему в грудь, но встретили бронежилет, а пуля в голову (контрольный выстрел) лишь пропахала борозду на черепе, не пробив его.

Очнулся Ивакин уже в больнице, спустя двое суток.

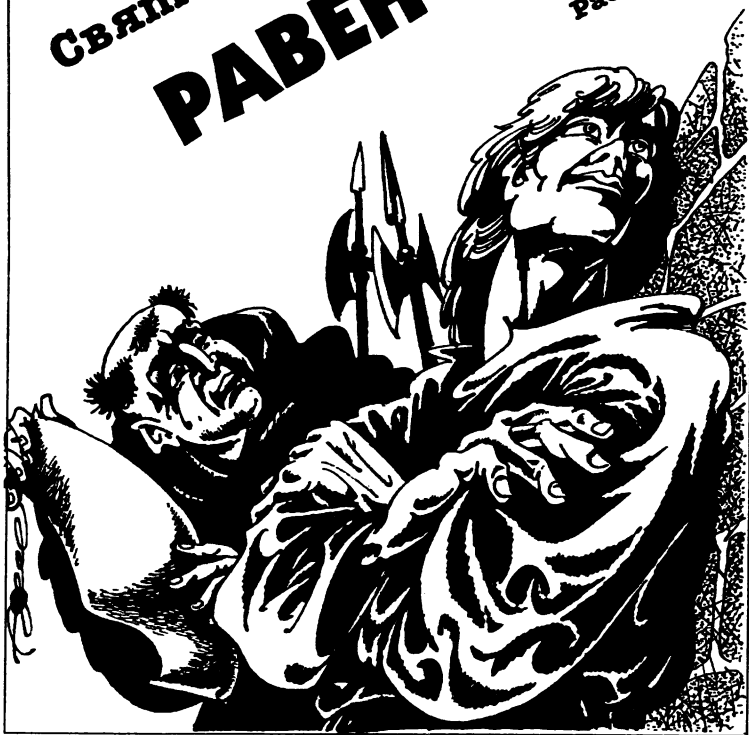
(Продолжение в следующем номере)

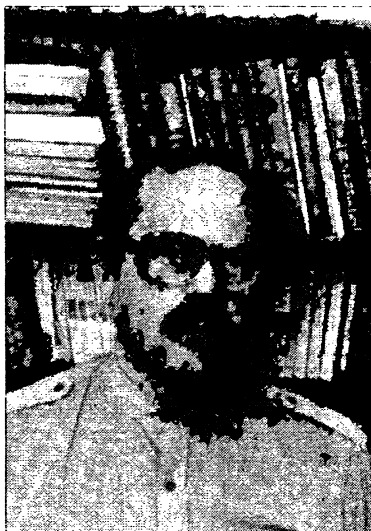

Святослав Логинов

РАВЕН БОГУ

Рассказ

Святослав Логинов родился в 1951 году в Уссурийске, окончил химфак ЛГУ. Первая публикация — рассказ «По грибы» (1975). Известность Логинову принесли историко-фантастические рассказы «Цирюльник» (1983), «Смирный Жак» (1984), «Ганс-Крысолов» (1988). Повесть «Страж Перевала» (1988) стала одной из первых ласточек жанра фэнтези в отечественной фантастике. К этому же жанру принадлежит и роман «Многорукий бог далайна» (1994), удостоенный премии «Интерпресскон-96» и Беляевской премии. В 1996 году выпущен роман «Черная кровь», написанный Логиновым совместно с Николаем Перумовым.

«Равен богу» не первое произведение Логинова в «Искателе» — в 1987 году был опубликован его рассказ «Микрокосм».

Лючилио ждал, но Голоса не было. Пришло утро, в коридоре зазвонели по камню шаги тюремщиков, и надежда исчезла навсегда. Даже Голос больше не мог помочь ему. Лючилио вывели из камеры, а затем и из здания тюрьмы. На улицах шумела толпа, город высыпал посмотреть на него. Женщины прижимались к стенам домов и приподнимались на носки, чтобы лучше видеть; мальчишки швырялись огрызками, попадая, словно ненароком, в ряды отчаянно сквернословящей стражи. Люди бежали за процессией, но многие старались выбраться из толпы и спешили за городские стены, ведь именно там, на Мясном рынке, произойдет основная часть комедии, главным персонажем которой будет он.

Лючилио привели на площадь возле собора. Толпа осталась внизу, Лючилио поднялся на ступени и оглядел безликую человеческую массу, сгрудившуюся вокруг. Под ее тупо-любопытными взглядами было очень трудно помнить, что все они люди и когда-нибудь поймут...

Пальцы Лючилио нервно теребили вырезную полу камзола. Слава Богу, те времена, когда осужденного вываливали в перьях, напяливали на него санбенито и сажали на дряхлую клячу, ушли в прошлое. Теперь людей сжигают с гораздо меньшими церемониями. Какой прогресс, на его камзол не нашли даже покаянного Андреевского креста! А вот обувь забрали, идти придется босиком.

Вереница духовных лиц и юристов поднялась на паперть, выстроилась на ступенях. Солнце, поднявшееся над крышами соседних палаццо, заиграло кровавыми бликами на алых, лиловых и фиолетовых мантиях. Один

из юристов вышел вперед, поднял над головой свернутую в трубку бумагу, и сразу же на площади все стихло, и стало слышно, как где-то далеко, быть может, на Римской дороге, размеренно и однотонно кричит осел. Юрист развернул свиток и принялся громко читать:

— Приговор по судебному процессу между прокурором святой инквизиции, обвинителем по скандальным еретическим преступлениям, составлению новых доктрин и еретических книг, расколу, возмущению государства и общественного спокойствия, бунту и непослушанию ордонансам, направленным против ереси, взлому и дерзкому бегству из городской тюрьмы в Болонье, с одной стороны; и мэтром Лючилио Бенини, уроженцем Милана, доктором права, обвиняемым во всех перечисленных и иных преступлениях...

Лючилио давно был ознакомлен с приговором, помнил, чем он заканчивается, но все же именно сейчас, когда приговор читался, вероятно, в последний раз, прислушивался к сложным периодам юридической фразеологии особенно внимательно. Почему-то показалось, что приговор может быть изменен, и его не ждет смерть. Прежде он выслушивал решение суда спокойно, тогда была надежда, что Голос вновь поможет ему бежать...

— Приветствую, доктор!

Слова отчетливо прозвучали в голове, словно кто-то чужой подумал его, Лючилио Бенини, мыслями. Человеку непривычному могло показаться, что он сам произнес в уме странную, не относящуюся к делу фразу. Но Лючилио было давно знакомо это явление. Голос вернулся!

— У тебя все в порядке? — спросил Голос. — Ты сильно взволнован. Моя помощь не требуется?

— Спасибо, — прошептал Лючилио.

— Я теперь долго пробуду у вас, — продолжал Голос. — Если я стану нужен — позови. Ты знаешь, как.

— Спасибо, мне пока не надо.

— Тогда до свиданья.

Голос исчез, и в ту же секунду дикий страх овладел Лючилио. Сейчас его отведут на Мясной рынок, костер уже сложен, ржавые цепи обвивают столб, и все для того, чтобы мучить, жечь Лючилио Бенини и в конце концов прикончить его на потеху необразованной черни и во славу католической церкви!

Юрист продолжал читать, легко перекрывая тренированным голосом постепенно нарастающий шелест толпы:

— Нами представлены достоверные улики в вышеупомянутых ересьях, доказательства того, что онный Бенини написал и издал на свои средства некоторые трактаты и книги, названные «О тайнах природы и природе тайн», а также заключения докторов теологии и других почтенных лиц по поводу ошибок, содержащихся в тех книгах...

Ничего не скажешь, почтенные лица были весьма шокированы, когда он опубликовал свое сочинение. Бог христиан оказался придуман так хитро, что, всемогущий и вездесущий, он просто не мог существовать. А что

касается Библии, то эту полную противоречий и нелепостей книжонку могли воспринимать всерьез лишь римские рабы. Только Природа богиня смертных может творить мир по своему усмотрению. Мысль эта постоянно живет в трудах древних и новых философов, и даже удивительно, что никто прежде него не сказал: «Зачем быть Богу, когда есть мир?» Доказательства его были логичны, а книга закончена в своей беспощадности, так что доктора теологии нашли возражения лишь в ордонансах и пламени костра, который скоро загорится...

— Многие верные свидетели подтверждают, что на диспуте в городе Болонье известный Бенини высказывал мнения, противоречащие самой сути святой католической церкви, направленные на то, чтобы посеять в умах дух безбожия и атеизма. Арестованный городскими властями упомянутый Бенини был приговорен к сожжению на костре, однако отсрочка приговора на три коротких дня повлекла ошибки, приведшие к дерзкому бегству, которое совершил мэтр Лючилио Бенини со взломом и не спросив сторожей. И обстоятельства дела позволяют подозревать преступный сговор и вмешательство сил, противных Господу и правой вере...

Бегство из тюрьмы действительно породило множество толков. Он тогда безнадежно глупо попался в лапы духовного суда. Два года его изводили допросами, угрожали, требовали отречения. Отцы-инквизиторы не хуже его знали, что нераскаявшийся еретик — еретик победивший. Огонь не сжигает мысль, но закаляет подобно стали. Все же был назначен день казни, но когда он наступил, сжигать пришлось лишь книги да соломенную куклу, изображавшую Лючилио Бенини. Камера осужденного была пуста, сторожа лежали пьяными и добудиться их удалось лишь на следующий день. Дверь камеры оказалась распахнутой, а цепи перепиленными. Но охрана на внешних стенах утверждала, что из крепости никто не выходил. Общественному любопытству была дана обильная пища, простолюдины умно рассуждали о нечистой силе, но мало кто из лиц, расследовавших обстоятельства побега, догадывался, как близки к истине были эти толки.

Бенини не пытался бежать. Смирившись, он ждал смерти. Он не верил в чудеса и тем более был потрясен, проснувшись не в тюрьме, а в маленькой гостинице на окраине Падуи во владениях свободной Венецианской республики. Там он впервые услышал Голос.

— Не волнуйся, — сказал Голос. — Все, что с тобой произошло, сделал я.

Бенини беспомощно вертел головой, стараясь найти источник слов. Голос звучал внутри него, именно так, по свидетельству недоброй памяти схоластов, ведут себя демоны, вселившиеся в тело грешника и полонившие его душу.

— Я пришел помочь тебе. Я не желаю зла, — твердил Голос.

— Уходи! — закричал Лючилио. — Кто бы ты ни был, ты мне враг! Ты такой же враг природы, как и Бог! Я не верю в тебя, ты бред, я сошел с ума, рехнулся от страха и буйствую, пока меня тащат к столбу!..

Лючилио бесновался, плакал, бился головой о стену. Все, ради чего

он жил, рухнуло в один момент. Выстраданного годами права сказать: «Бога нет!» — больше не существовало. Тот, кто пришел и выкрал его из заключения, доказал это самим фактом своего бытия. Неизвестно, чем бы закончилась истерика, но неожиданно Лючилио испытал сильный удар, потрясший все чувства, и в то же мгновение тело отказалось служить ему. Остался только Голос, всепроникающий, властный, которого нельзя было не слушать.

— Стыдись, человек! Ты разумен — и вдруг такая потеря самоконтроля.

Лючилио хотел ответить — язык не повиновался ему. Но, видимо, Голос понимал самые невысказанные мысли, потому что слова его резко изменились, словно кто-то другой продолжил беседу:

— Когда доблестные конкистадоры славного Кортеса напали на инков, что подумали инки, увидев действие аркебуз и мушкетов?

— Что боги сошли на землю и поражают их громом, — вспомнил Лючилио фразу из своей книги.

— Так почему же ты уподобляешься босоногим дикарям? — спросил Голос, и у Лючилио отлегло от сердца. Он понял, что произошло с ним.

Но даже потом, когда общение с Голосом стало привычным, Лючилио приходилось напоминать себе, что за Голосом стоят люди, пусть даже бесконечно далеко продвинувшиеся в открытии тайн природы. Поэтому однажды Лючилио сказал:

— Я прошу тебя об одном: никогда и никому, кроме меня, не открывайся. Для всех людей на свете ты равен Богу или Дьяволу, здесь нет разницы. И за кого бы тебя ни приняли, неисчислимые беды повлечет твой приход. Расцветут суеверия, мракобесие воспрянет с новой силой, Возрождение погибнет. И ты ничего не сможешь поделать: тебя все равно будут считать посланцем Иеговы или Люцифера. Теперь ты понял, зачем я прошу не вмешиваться в дела человеческие?

- Бывают случаи, когда нельзя остаться зрителем.

— Тогда действуй так, чтобы никто не заподозрил о твоём присутствии...

Толпа на площади шумела, нимало не обращая внимания на давно надоевшее чтение приговора. Шум несколько стих, лишь когда ассессор взялся за последний особенно головоломный период:

— ...рассмотрев все это, мы заявили и заявляем, что вышеперечисленные преступления действительно имели место, и, исходя из сего, мы снимаем с известного Бенини все исключения и защиты, объявили и объявляем, что он действительно совершил все поступки и преступления ему приписываемые, для исправления которых мы его присудили и присуждаем ныне к уплате денежного штрафа в сумме тысячи туренских ливров в пользу святой римской церкви, и тотчас по вынесении приговора он должен быть проведен со своими книгами в день и час базара от ворот городской тюрьмы по перекрестками и оживленным улицам на рыночную площадь и на той площади, названной Мясной рынок, он должен быть сжигаем на медленном огне до тех пор, пока тело его не обратится в пепел...

Толпа — спящий зверь, почуявший сквозь сон запах крови, — глухо заворчала. Многие горожане старались выбраться из давки, чтобы забежать впереди процессии.

«Помни, — сказал себе Лючилио, — здесь худшие из всех. Большинство все-таки сидит по домам и не хочет смотреть на казнь».

Однако приговор был еще не кончен. Лектор выше вздел свиток и закричал, перекрывая гул народа:

— Приговор над вышепоименованным Бенини должен быть приведен в исполнение всенародно, вместе с ним должны быть сожжены и его книги. Мы же, вибалли и судья, осудив и осуждая, приговорив и приговаривая его, все затраты на судопроизводство, от коих мы берем процент, возлагаем на мэтра Лючилио Бенини и объявляем все и каждое его имущество взятым в пользу юридических расходов...

Далее голос ученого мужа потонул в насмешливых выкриках, свисте, гоготе и топоте ног. Все догадывались, что суд не расстанется с попавшими в его лапы деньгами, но что он просто объявит их своими... Этого не подозревали даже самые циничные, и теперь горожане негодовали, чувствуя себя обделенными. Лючилио усмехнулся, глядя с возвышения на возмущенные лица. Можно подумать, что это у них отняли при аресте кошель с тысячью ливрами.

Приговор прочитан, в конце свитка остались лишь подписи судей. Лючилио приготовился к тому, что сейчас начнется долгое, позорное шествие среди распаленной толпы, и вдруг... С трудом дождавшись тишины, лектор произнес еще одну фразу, которой прежде не было в приговоре:

— Приговор оглашен при полном заседании, в присутствии прокурора святой инквизиции, и может быть изменен в случае, если осужденный нами Бенини принесет полное отречение и раскаяние в совершенных деяниях, что мы и оглашаем здесь седьмого дня, месяца июня, одна тысяча шестьсот тридцать восьмого года.

Долгую секунду Лючилио падал в бездонную пропасть, сраженный новым ударом. Долгую секунду на площади стояла глухая, ничем не нарушаемая тишина. Потом она взорвалась от гневного рева оскорбленной толпы.

Обманули! Ничего не будет, торжественные приготовления обернулись пшиком, сейчас преступник падет на колени, и праздник будет испорчен, не состоится зрелище столь редкое в наш слишком мягкий век! Лица, только что выражавшие любопытство, страх, радость, даже жалость, разом исказились. Теперь все ненавидели Лючилио, потому что он обманул их, ускользнув во второй уже раз от очистительного пламени. Негодай! Они так надеялись, что сегодня на Мясном рынке для них зажарят этот славный кусочек мяса!..

Под взглядами, полными ненависти, холодное спокойствие вернулось к Лючилио. Собственно говоря, ведь он еще полчаса назад мог позвать Голос и спастись. Пусть судьи думают, что поставили его перед искушением, для него ничто не изменилось. Лючилио отвернулся от прокурора, извлекшего

из рукава лист с текстом отречения, и с безучастным видом стал рассматривать здание ратуши, стоящее напротив собора. Вой толпы погас.

Колыхнулось полотнище с голубым Андреевским крестом, процессия двинулась. Человеческая река шумела, ворчала, хохотала, кощунствовала, развлекаясь на все лады. Удивительно, как интересен становится человек, о котором знаешь, что сейчас он обратится в горстку пепла. Какой-то зевака то и дело забегал перед процессией, чтобы, когда Лючилио пойдет мимо, изумленно протянуть: «У-у-у!..», а потом сорваться с места и снова мчаться вперед, мелькая ногами в разноцветных чулках.

А ведь они боятся меня! — открытие пришло неожиданно, когда Лючилио оступился на неровной мостовой, и тотчас его эскорт отозвался дружным «Ах!», а охрана вздрогнула, и поникшие было мушкеты поднялись на должную высоту. Можно представить себе ужас этих бедняг, если бы они услышали Голос! Но он был слышен только Лючилио.

— Извини, — сказал Голос, — возможно, я помешал, но чувства твои слишком тревожны. Мне показалось, что ты зовешь меня.

— Я не звал... — Мысли путались, а разговор надо было продолжать, иначе Голос заподозрит неладное и может воспользоваться умением понимать невысказанное, и тогда... — Где ты был? Как прошло твоё путешествие?

— Я возвращался домой, а теперь прибыл с большими силами. Кстати, с завтрашнего дня у тебя появится охранник. Между прочим невидимый и неосязаемый, словно ангел-хранитель, но вполне материальный, можешь не беспокоиться.

— А если меня убьют сегодня? — с невеселой усмешкой спросил Лючилио.

— Постарайся, чтобы тебя сегодня не убили. Но если появится опасность — зови меня, я все брошу и появлюсь.

— Так ты можешь появиться? — любопытство не покидало Лючилио. — Каким же увидит тебя почтенный убийца?

— Он не увидит ничего и просто решит, что его стукнули по голове.

«А если убийц слишком много?» — хотел спросить Лючилио, но вовремя остановился.

— Смотрите, молитесь! — шушукались в толпе, глядя на шепчущие губы осужденного.

— Богохульствует! — утверждали бывалые.

— Почему тогда тихо?

— Самую страшную ругань нельзя громко, иначе Господь осердится — и молнией!

— А-а!..

Процессия двигалась, останавливалась и снова трогалась в путь после того, как глашатай объявлял вину и преступления Лючилио. Но сам преступник не слышал ничего, кроме своего собеседника.

— Скажи, ты знаешь о недавнем отречении старика Галилея? Какого ты мнения о его поступке?

— Он поступил правильно. Земля не перестала бы вращаться, даже если бы он отрекся не на словах, но и в душе. Всякий может повторить его измерения и узнать, кто прав.

Лючилио попытался найти, о чем бы еще спросить, не нашел и просто сказал:

— У меня была очень тяжелая ночь, а день будет еще труднее. Мне надо хоть немного побыть одному.

Голос исчез, Лучилио остался один. Вокруг мелькали потные лица, блестящие глаза ощупывали его со всех сторон, грязные пальцы указывали на него. Еще бы! Ведут не просто еретика, рядового пособника Дьявола, здесь безбожник, равного которому не знал мир, возможно, сам Сатана во плоти. Никого не удивит, если сейчас он исчезнет среди копоши и серного смрада.

Городские ворота распахнулись перед ними и выпустили в предместье, улочки которого сбегались к Мясному рынку. На площади, с вечера оцепленной солдатами, было мало простого народа. Перед глазами застыли шляпы, несущие султаны перьев, теплые береты с наушниками, расшитые кафтаны, иссеченные камзолы, украшенные бантами. Домотканое суровье осталось позади. Тут господствовали тонкое голландское сукно, лионский шелк, двойной утрехтский бархат. Но и здесь не было друзей, а только страх и любопытство. Какая разница, указывают ли на тебя корявым пальцем нищего или холеном, униженным кольцами перстом?

Костер готов, палачам потребовалось несколько минут, чтобы заковать осужденного. Снова чтение приговора. Образованная знать по обычаю древних римлян несколько раз прерывает его рукоплесканиями. Вновь Лучилио смотрел на толпу сверху, от этого происходящее делалось нереальным, словно он попал на представление марионеток — стоит среди ликующих зевак и видит то, чего не замечают другие: ноги кукловода, пританцовывающие за ветхой занавеской. И когда юрист дошел до слов об отречении, Лучилио не вздрогнул, только подумал о себе в третьем лице: «Интересно, отречется ли он? Ведь ему, должно быть, очень страшно стоять на костре. И факелы уже горят. Надо сказать ему, чтобы не отрекался. Ведь он не Галилей, у него нет измерений, которые можно проверить, а идея надолго умирает, если ее создатель откажется от нее. У меня и так слишком мало единомышленников, их нельзя терять».

Лючилио удивила тишина, обрушившаяся на площадь. Напряжение так велико, что почудилось, будто волосы сейчас затрещат и поднимутся, словно к ним поднесли кусок натертого электрода. Все глаза устремлены на него, все молчат; простолюдины, прорвавшиеся на площадь, перемешались с патрициями, но никто не сетует на давку, все ждут.

«Что им надо от... меня? — с усилием подумал Лучилио. — Ах да, отречения! Надо сказать, чтобы не отрекался...»

Четыре факела наклонились и одновременно коснулись солом. Огонь вспыхнул и исчез под поленьями, блестящими от воды, которой их недавно поливали.

«На медленном огне, — вспомнил Лючилио, — значит, несколько часов. Большой огонь лучше — минута и все. А тут ждешь, ждешь, а огня все нет. Оказывается, когда тебя сжигают, это вовсе не страшно, только тягостно скучно. Уйти бы отсюда. А эти стоят, смотрят. Их-то кто заставляет?»

Темные поленья курились белым паром. Черные провалы между ними мерцающе осветились, оттуда выпрыгнул нарядный желтый язык, качнулся, мягко лизнул теплым и шелковистым босую ногу и упал вниз, только белый пар за клубился сильнее. И лишь через секунду в ноге проснулась острая режущая боль. Лючилио застонал, площадь откликнулась глубоким вздохом.

Сразу из нескольких мест вырвался огонь, заметался вокруг ног. Лючилио дернулся, цепь натянулась и не пустила. Происходящее не стало реальнее: люди, костер, огонь — все чужое. Его только боль, живущая отдельно от всего. Лючилио извивался, дергался, но параллельно с бесконечным безмолвным криком текли неторопливые мысли стороннего наблюдателя:

«... это только начало... зачем я дергаю руки, они же не горят... сколько можно... поленья еще не занялись, только хворост внизу... больно!.. не могу больше!.. Голос позвать, он успеет... Нет, увидят, как меня похищает с костра нечистая сила... все погибнет, уж лучше отречение!»

— Вы слышали? — папский легат наклонился к прокурору. — Он сказал: «Отречение!»

Прокурор выхватил из рукава свиток. Голос его взвился над невнятным гудением переполненной площади:

— Вот отречение! Подпиши, и костер раскидают!

— Дайте его сюда! — донеслось сверху. — Пусть здесь сгорит хоть что-то достойное огня!

Эллери Куин

РАСПЛАТА

Рассказ

— **Ч**то, появилась еще одна «Коза ностра»? — спросил Эллери, усаживаясь.

— Бог его знает, — устало звянул инспектор Куин. — Возможно, эти деятели так же близки к «Коза ностра», как стратосфера к лесному сурку. Но их очень трудно уличить, а вот это действительно серьезно.

— Ну-ка, отец, расскажи поподробнее.

— Так вот. Мы довольно долго блуждали в потемках, пока, наконец, не

выяснилось следующее. Всеми темными делами у нас заправляет совет директоров, состоящий из четырех человек. Если я назову тебе их имена, ты наверняка подумаешь, что я просто спятил. Первый из них Хьюго де Витте, — начал перечислять инспектор, загибая свои жилистые пальцы. — Ты что-нибудь слышал о нем?

— Конечно. Банкир с Уолл-стрит, мультимиллионер. Не думаешь же ты серьезно...

— Думаю.

— Хьюго де Витте? Управляющий преступным синдикатом?

— Один из четверки, — ответил инспектор. — Второй из них — Джон Т.Эвинг.

— Нефтяной и угольный магнат? — с сомнением бросил Эллери.

— Да, ты не ослышался. Третий — Филлипо Фальконе.

— Король строек и грузовых перевозок? Отец, да ты просто издеваешься надо мной.

— Хотелось бы... И последний... Ты готов?... Рейли Бурк.

— Точно, ты дурачишь меня! — воскликнул Эллери. — Бурк — великий столп нашего времени! Зачем юристу с его положением, да и таким крупным бизнесменам, как Фальконе, Эвинг и де Витте пачкаться в рэкет?

Старый инспектор пожал плечами.

— Не знаю, но, может быть, им выгоднее заниматься этим, прикрываясь своим законным положением.

— Насколько я понимаю, — недовольно произнес Эллери, — ты считаешь на мою помощь?

— Ты прав. Я не могу сделать ни шагу, Эллери, пока не узнаю, кто из этих четырех субчиков — главный. Мне необходимо это знать не только потому, что это даст нам возможность действовать быстрее и обезопасить себя от неожиданностей, но и потому, что главарь синдиката, согласно имеющейся у меня информации, владеет всеми его основными бумагами. Я очень надеюсь, что ты сможешь указать на главаря.

— У тебя есть какие-нибудь зацепки?

— Кое-что есть. — Инспектор Куин нажал на кнопку селектора. — Уэлли, пригласите ко мне миссис Принс.

Измученного вида женщина, которую сержант Уэлли ввел в кабинет инспектора Куина, когда-то, по-видимому, была хорошенькой, изящной, возможно, даже шикарной. Но все это осталось в прошлом. Женщина так нервничала, что Эллери пришлось помочь ей сесть на стул. Руки у нее сильно дрожали.

— Муж миссис Принс, — пояснил инспектор Куин, — бухгалтер, которому за растрату светило от пяти до десяти лет.

— Он не делал этого, — упавшим голосом произнесла женщина. — Джон признался в преступлении, которого не совершал. Он взял на себя чужую вину. Это была своего рода сделка.

— Расскажите Эллери, о чем говорил вам мистер Принс после своего осуждения.

— Джон сказал, что, когда освободится, мы будем жить припеваючи, — начала свой рассказ женщина. — Все это время, пока он находился в заключении — вот уже более трех лет — я ежемесячно получала по почте конверт с семьями пятидесятью долларами в мелких купюрах. На это мы и жили с детьми.

— Вы не знаете, кто посылает деньги?

— Нет. Джон никогда не касался этого вопроса во время наших свиданий, хотя, конечно, он знает. Видимо, это одно из условий заключенной сделки.

— Кстати, Эллери, — заметил инспектор Куин, — завтра его освобождают под честное слово из Синг-Синга¹.

— Муж сказал мне, чтобы я не встречала его, а ждала дома, — прошептала женщина. — Мистер Куин, я очень боюсь.

— Чего?

— Сделки, которую он заключил, какой бы она ни была. Тех грязных денег, откуда бы они ни приходили и на которые он надеется выкрутиться. Я не хочу этого! — закричала миссис Принс. — Я хочу только одного — уехать отсюда, сменить нашу фамилию и где-нибудь начать все заново. Но Джон вряд ли послушает меня...

— И вряд ли кого-нибудь другого, — заметил инспектор Куин. — А, может быть, Эллери, тебе попытаться? Правда, это слабая надежда, но миссис Принс утверждает, что ее муж всегда был твоим поклонником.

— Если б только вы, мистер Куин, дали бы понять Джону, что мы не сможем построить нашу жизнь на этих деньгах...

— Эллери, ты только не вздумай этого делать, — сказал инспектор Куин своему сыну, когда дверь закрылась за миссис Принс. — Никто не должен его отговаривать. Это уже поздно делать. В конце концов он заработал свои деньги, пожертвовав добрым именем и отсидев более трех лет.

— Так в чем же дело, отец? И какое отношение осужденный бухгалтер имеет к твоему расследованию деятельности преступного синдиката?

— Дело в том, — ответил инспектор Куин, — что Принс до своего осуждения, как нам стало известно, выполнял, причем в высшей степени конфиденциально, поручения де Витте, Эвинга, Бурка и Фальконе. Конечно, он отрицал это, но у меня есть достаточно веские основания считать, что Принс был тесно связан с главарями и знает, кто босс. Может быть, тебе, сынок, удастся выудить у него эту информацию?

— Он выходит из тюрьмы завтра... — Эллери задумался. — Хорошо, отец. Давай сформируем группу по его встрече.

На следующий день инспектору пришлось столкнуться с непредсказуемыми обстоятельствами.

Полицейские, как принято, разместились по различным местам (гостиницам, магазинам, лавкам) по пути возможного следования бухгалтера к невзрачному многоэтажному жилому дому в Ист-Сайде, где проживала его семья.

Наконец из здания тюрьмы появился Джон Принс. Это был худощавый и несколько сутуловатый мужчина. Он направился к своему дому. Когда Принс был уже близок к цели, из-за угла, накренившись на повороте, вылетел черный седан с заляпанными грязью номерами, со всего размаху налетел на него сзади, переехал и мгновенно исчез за поворотом. Принс упал на тротуар и вокруг него расплылось пятно томатно-красного цвета.

Полицейский автомобиль с ревом сорвался с места в тщетной попытке догнать исчезнувшую машину-убийцу. Отец и сын Куины и сержант Уэли подбежали к неподвижно лежавшему человеку. Но было уже слишком поздно.

Бросив на Принса взгляд, сержант Уэли посоветовал:

— Сэр, плоньте вы лучше на это.

— Принс, Принс, послушайте, — произнес Эллери, склонившись над

¹ Нью-Йоркская тюрьма.

умирающим человеком. — Помогите нам схватить их. Говорите. Вы можете говорить?

— Четверо... из них, — задыхаясь, промолвил умирающий, глядя Эллери прямо в глаза. — Каждый использует код... название города...

— Четыре города?

— Бостон... Филадельфия... Беркли...

Голос затухал, как угасающая свеча. Принс сделал еще одно неимоверное усилие.

— И Хьюстон, — довольно отчетливым голосом добавил он.

— Кто из них главный?

Но пристальный взгляд бухгалтера остекленел и застыл.

— Значит, мое предчувствие не обмануло меня, — пробормотал инспектор Куин. — Одна секунда... еще бы только одна секунда! И он сказал бы нам. Нет, Уэли, пропусти ее, — произнес он еще более мягким тоном. — Миссис Принс, я очень сожалею...

Вдова стояла над телом мужа.

— Теперь ты знаешь, Джон, — произнесла она, — как они собирались отблагодарить тебя.

И она, пройдя мимо предложенной инспектором руки, как слепая пошла назад в дом.

— Ну что? — спустя какое-то время обратился к своему сыну инспектор. — Да не стой ты с раскрытым ртом! Это дело с названиями должно прийти тебе по вкусу. Каждый из четырех главарей взял для себя в качестве конспиративного имени название города. Ну-ка, еще раз назови, какие города он упоминал?

— Бостон, Филадельфия, Беркли, Хьюстон. — Эллери, все еще не отрываясь, смотрел на мертвеца. Затем он отвел взгляд в сторону и произнес: — Ради Бога, Уэли, закройте ему глаза.

— Все-таки жаль, что мы так и не узнали, кто главарь. — Инспектор тоже отвернулся. — Принс не успел сообщить его имени.

— Почему же? Успел, — возразил, вздрогнув, Эллери и начал свои разъяснения: — Если вы внимательно изучите факты, то увидите связь между именами управляющих преступной организацией и названиями городов, которые они выбрали, чтобы скрыть свои имена. Возьмем, к примеру, Рейли Бурка и город Беркли. Очень сходны по звучанию. Или же Филлипо Фальконе и Филадельфия. Фил — Фил.

— Ох, оставь, Эллери, это просто совпадение, — возразил инспектор Куин.

— Ну, а как тогда объяснить Хьюго де Витте и Хьюстон? Хью — Хью. Два раза может быть совпадение. А три? Нет, сэр.

— Но остаются Джон Т.Эвинг и город Бостон. Какая же связь между ними?

— Во всех этих сравнениях есть одна составляющая, — произнес Эллери, глядя вслед фургону, увозившему прочь свой печальный груз. — В названии каждого города соответствующий ключ находится в первом слоге — Берк, Фил, Хью. Попробуй, найди его в слове Бостон.

— Бостон. Бос. — На лице инспектора Куин отразилось недоумение. Затем он воскликнул: — Босс!

— Вот именно. Эвинг и есть главарь, которого вы пытались идентифицировать, — кивнул Эллери. — Босс!

Перевел с английского С. Шмак

Джек Ритчи

ВКУС УБИЙСТВА

рассказ

— Я глубоко убежден, колбаса — одно из величайших изобретений человечества, — сказал Генри Чандлер. — А если ее использовать для бутербродов, то это не только вкусно и питательно, но и очень практично. Без всяких неудобств можно есть и одновременно читать книгу, смотреть телевизор или держать пистолет.

Часы на стене показывали 12.15. В конторе никого, кроме нас с Чандлером, не было.

Он неторопливо откусил кусочек бутерброда, тщательно разжевал его, проглотил, а затем улыбнулся.

— И вы и моя жена, мистер Дэвис, были чрезвычайно осмотрительны и осторожны. Сейчас это работает на меня. Можете быть уверены, я постараюсь сделать все так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что вы сами лишили себя жизни. Даже если полицейские и заподозрят что-то, у них все равно не будет мотива преступления. Между нами нет никакой явной связи. Я — один из двадцати ваших служащих.

Я положил свои похолодевшие руки на стол.

— Ваша жена тем не менее все поймет и сообщит в полицию.

— Вы так думаете? Очень сомневаюсь. Женщина готова на многое ради своего любовника... правда, когда он жив, а вот если он мертв, это иное дело. Не забывайте, мистер Дэвис, женщины очень практичны. Возможно, она и станет подозревать меня в убийстве, но абсолютной уверенности у нее не будет. И эта неопределенность, если не что-либо иное, удержит ее от обращения в полицию. Она скажет себе, и это вполне резонно, что нет причин выставлять напоказ ее любовную связь с вами. Могли быть и другие люди, жаждущие вашей смерти.

— Полиция обязательно проверит всех, — с отчаянием в голосе произнес я. — И сразу же выяснится, что в обеденный перерыв вы оставались в конторе.

Он покачал головой.

— Не думаю. Ни одна душа не знает, что я здесь. Я ушел вместе со всеми, а потом вернулся, когда, по моим расчетам, вы должны были остаться один. — Чандлер некоторое время молча жевал. — Я решил, мистер Дэвис, что самое лучшее — убить вас во время обеденного перерыва. Именно в это время полиции труднее всего установить, кто где был. Люди не только обедают, но и гуляют, ходят по магазинам. Почти невозможно оспорить их заявления о том, где они были.

Он вновь сунул руку в коричневый бумажный пакет.

— Обычно я обедаю по соседству, в какой-нибудь забегаловке. Но я — человек незаметный, и вряд ли кто-нибудь обращает внимание на мое присутствие или отсутствие. Две недели я ожидал, пока вы, мистер Дэвис, останетесь на обед в конторе и, наконец, — он улыбнулся, — сегодня утром я заметил, что вы принесли с собой завтрак. Видимо, вы решили, что будете слишком заняты и вам некогда будет выходить в перерыв.

— Да. — Я облизал губы.

Чандлер взял второй бутерброд и засмотрелся на кружочек колбасы.

— Человеческий организм по-разному реагирует на стрессовые ситуации, зачастую, чувством голода. И вот сейчас мне зверски хочется есть. — Он ухмыльнулся. — Вы уверены, что не хотите бутерброд? Все-таки он ваш.

Я ничего не ответил.

Он вытер губы бумажной салфеткой.

— На нынешней стадии эволюции человека ему все еще требуется мясо. У индивида с моей чувствительностью очень много препятствий для получения удовольствия от его потребления. Я всегда с опаской ем мясо,

потому что, если мне на зуб попадет хотя бы кусочек хряща, у меня сразу же появляется отвращение к пище.

Он внимательно вглядывался в меня.

— Наверняка вы думаете, что я — не в своем уме, раз говорю о еде в такой момент. — Затем он кивнул, как бы самому себе. — Не знаю, почему я до сих пор не застрелил вас. Не потому ли, что я наслаждаюсь этими мгновениями и хочу их продлить? Или потому, что действительно боюсь финальной сцены? — Он пожал плечами. — Но даже если и боюсь, уверяю вас, я всерьез намерен пройти через это.

Я перевел взгляд с бумажного пакета на пачку сигарет, лежавшую на столе.

— Вы знаете, где сейчас Элен?

— Вы хотите попрощаться? Или надеетесь, что она уговорит меня не делать этого? Очень сожалею, мистер Дэвис, но я не могу устроить вашей встречи. В четверг Элен уехала к своей сестре на неделю.

Я закурил сигарету и глубоко затянулся.

— Я совсем не боюсь смерти и ничуть не сожалею о том, что сейчас умру. Я сыт этим миром по горло и свел с ним все счеты.

Чандлер слегка наклонил голову, совершенно не понимая меня.

— Это уже третий раз, — продолжал я. — До Элен была Беатриса, а еще раньше — Дороти.

Он внезапно улыбнулся.

— Вы мне все это говорите, чтобы оттянуть время? Но это бесполезно, мистер Дэвис. Я запер дверь в коридор. Если кто-то и вернется, в чем я очень сильно сомневаюсь, он не сможет войти. А если этот человек окажется настойчивым и будет стучать, я просто застрелю вас и выйду через другой вход.

От моих пальцев на столе остались влажные следы.

— От любви до ненависти — один шаг, Чандлер. Особенно у меня. Я люблю и ненавижу всей душой.

Я уставился на дымящуюся сигарету.

— Я любил Дороти и был уверен, что она любит меня. Мы могли бы пожениться. Я надеялся на это, был уверен в этом, и вдруг в самый последний момент она сказала мне, что не любит меня и никогда не любила.

Чандлер улыбнулся и откусил кусочек бутерброда.

Некоторое время я прислушивался к уличному шуму за окном.

— Я не мог обладать ею, но и не мог допустить, чтобы ею обладал другой. — Я бросил взгляд на Чандлера. — Я убил ее.

Он прищурился, пристально глядя на меня.

— Зачем вы мне говорите это?

— А какая теперь разница? — Я лениво затянулся сигаретой. — Я убил ее, но этого мне было мало. Вы понимаете, Чандлер? Мне этого было мало. Я ненавидел ее. Ненавидел! — Я бросил окурочку и спокойно продолжал: — Я купил нож и пилу. Покончив с делом, я загрузил сумку, добавил туда несколько камней и выкинул в реку.

Лицо Чандлера побледнело. Я свирепо уставился на окурочку в пепельнице.

Два года спустя я познакомился с Беатрисой. Она была замужем, но все равно мы встречались целых шесть месяцев. Я был уверен, что она так же любит меня, как я ее. Но когда я предложил ей развестись с мужем... и выйти за меня... она рассмеялась. Она просто рассмеялась!

Чандлер в страхе попятился.

Я почувствовал, как на моем лице выступил пот.

— На этот раз ножа и пилы оказалось недостаточно. Это уже не могло удовлетворить меня. — Я наклонился вперед. — Ночью я отнес сумку в зоопарк, к хищникам. Светила луна. Я стоял у прутьев клетки и наблюдал за тем, как звери рвали мясо и ждали добавки.

Глаза Чандлера округлились.

Я медленно встал, дотронулся до бутерброда, который он оставил на моем столе, и улыбнулся.

— Известно ли вам, Чандлер, что свиная кишка для колбасы поставляется в коробках, пересыпанных солью, и что в каждой картонке по пятнадцать фунтов кишки за восемьдесят центов, и что оплата рабочего, начинающего колбасы, — тридцать пять долларов в день?

Я внимательно посмотрел на Чандлера и усмехнулся.

— Сначала вы снимаете мясо с костей и нарежете его на мелкие кусочки. Отдельно постное мясо, отдельно жир и хрящи.

Я посмотрел ему в глаза.

— Ваша жена ни за что бы не ушла от вас, Чандлер. Она играла со мной, как с куклой. Я любил ее — и ненавидел. Я ненавидел ее сильнее всех на свете. И тут я вспомнил моих милых кошечек и как они наслаждались каждым...

Я взглянул в наполненные ужасом глаза Чандлера.

— Как вы думаете, где на самом деле находится сейчас Элен?

И я протянул ему наполовину съеденный бутерброд.

После похорон я помог Элен сесть в машину. Когда мы остались одни, она повернулась ко мне.

— Я уверена, что Генри ни о чем не догадывался. Я только не могу понять, почему он застрелился, да еще у тебя в кабинете?

Я вырулил из кладбищенских ворот и улыбнулся.

— Не знаю. Возможно, съел что-нибудь.

Перевел с английского С. Шпак

Мир курьезов

Компьютер против Нострадамуса

Среди прорицателей прошлого, чьи имена вошли в историю, бесспорно, самым знаменитым является Нострадамус. Это — псевдоним известного в XVI веке врача Мишеля де Нотрдама. Незадолго до своей смерти он написал книгу пророчеств, в которой предсказал многие важнейшие события будущего: появление кровавых диктаторов вроде Гитлера и Сталина, войны и катаклизмы, судьбы народов и даже конец света. И вот уже на протяжении четырех столетий не прекращаются споры относительно их достоверности. Скептики ссылаются на то, что пророчества Нострадамуса, изложенные в стихотворной форме, слишком неопределенны и неконкретны и поэтому их можно толковать по-разному. Во всяком случае за прошедшие столетия было дано более шести тысяч различных «прочтений» его предсказаний, нередко противоречащих друг другу.

Для того чтобы дать квалифицированную оценку «Пророчествам», группа специалистов из Национальной академии США провела их исследование с помощью ЭВМ. В итоге они пришли к неутешительному выводу. Оказалось, что точных совпадений с конкретными событиями в стихах нет. Поэтому, считают ученые, доверять этому прорицателю XVI века нельзя. Более того, компьютер установил, что вспышки интереса к предсказаниям Нострадамуса поддаются точной датировке: они приходится на смутные времена в политике и экономике.

«Шпагоглотатели» и «крестоносцы»

Как утверждают сотрудники мест заключения, в России нет ни одной зоны или тюрьмы, где бы не было «шпагоглотателей» и «крестоносцев». Это заключенные, глотающие, казалось бы, совершенно несъедобные предметы. Причем, если «шпагоглотатели» употребляют все без разбора, то «крестоносцы» предпочитают пару гвоздей, скрепленных тоненькой резинкой. Их втыкают в кусочек сала, а затем проглатывают. В желудке сало переваривается, освобожденные гвозди расходятся, образуя крест, и «крестоносец» с

острой болью гарантировано попадает в госпиталь на операцию.

В любой зоне знают совершенно точно, что нужно проглотить с учетом местных условий, чтобы попасть на операционный стол. Вообще, чем длиннее предмет, тем больше шансов. Например, верным способом считается заглатывание фишки домино. Или медицинский градусник — сам он из желудка не выйдет, обязательно нужно резать.

Хирург Юрий Терещенков ежедневно делает более 100 операций «шпагоглотателям» и «крестоносцам». За 14 лет работы он собрал изрядную коллекцию предметов, изъятых из желудков пациентов. Кроме банальных гвоздей в ней есть электроды, пластинки от скоросши-

вателей, лезвия — и целые, и кусочками, болты с гайками, медные трубочки и, конечно, «кресты». Один из его пациентов любил глотать детали кроватей — скобы, пружины, штыри. Другой заключенный «полакомился» несколькими болтами, один из которых застрял в трахее. Обследовавший его профессор Борохов заявил, что по всем медицинским канонам должна была последовать бронхоспазма, затем — смерть. А зек целую неделю ходил — и ничего.

Что же касается коллекции доктора Терещенкова, то «трофеи» из нее порой находят практическое применение: гвозди время от времени берет завхоз, а болты однажды пригодились для ремонта мотоцикла.

ОБМЕН

Наши читатели хотели бы приобрести следующие журналы:

Вершковская Ольга Витальевна

Надо: 1990 (1), 1992 (1-3,5), 1993 (2,3).

Предлагает для обмена: 1965 (5), 1966 (все номера), 1967 (5), 1975 (4,5), 1976 (1), 1977 (1-4), 1978 (все номера), 1979 (3-6), 1980 (все номера), 1982 (2,5), 1983 (4-6), 1984 (1,4), 1986 (4), 1987 (4-6), 1988 (3-6).

Адрес: 127276, г. Москва, ул. Академика Комарова, д. 11, кв. 20.

Телефон: (095) 219-20-77

Чупринин С. В.

Надо: 1961 (все номера), 1962 (все номера), 1963 (все номера), 1964 (1-5), 1965 (2,4), 1992 (6).

Предлагает для обмена: 1965 (5), 1966 (3,5), 1967 (5,6), 1968 (4,6), 1969 (2), 1970 (2), 1975 (5), 1976 (5,6), 1977 (1-5), 1978 (2-6), 1981 (1,3), 1982 (3), 1984 (3,4,6), 1986 (1,2,4,5), 1988 (3,5), 1989 (1,4).

Адрес: 607190, Нижегородская обл., г. Саров, ул. Победы, д. 1, кв. 7.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Наступил ответственный момент спросить госпожу Фортуны, как она к вам относится и... сыграть с нею вместе в СУПЕРЛОТЕРЕЮ! Но удача, как известно, чаще все-таки приходит к тем, кто к ней хорошо подготовился. Тем же, кто к приятным сюрпризам не готов, может стать не по себе, если они, например, невзначай выиграют путевку в заморские страны. А такие призы мы так же будем разыгрывать. Но в будущем. В сегодняшней СУПЕРЛОТЕРЕЕ тоже неплохие призы — видео - и радиотехника, бытовые приборы. Если они у вас уже есть, вы можете не участвовать в розыгрыше, а если все-таки поучаствуете и выиграете, подарите приз кому-либо, например, соседям... Но чтобы мы знали, что вы хотите (уточняем — участвовать), вы должны выслать в редакцию не позднее 30 августа заполненный купон с указанием номера квитанции и даты подписки, ибо самые ценные призы мы разыгрываем только среди тех, кто подписался на журнал «Искатель» на второе полугодие 1997 года. Те, кто еще не подписался на журнал, а приобретает его в рознице, тоже смогут участвовать в розыгрыше, но удовольствоваться книгами серий «Супердетектив «Черная пантера» и «Сыщик».

Самые сведущие почитатели нашего журнала смогут включиться в розыгрыш СУПЕРПРИЗА — телевизора. Для этого в купоне необходимо указать авторов и названия произведений, печатавшихся в разные годы в «Искателе». Тот, кто сможет не только правильно указать название произведения и автора, но и написать следующее предложение произведения из отрывка, получит преимущественное право в розыгрыше СУПЕРПРИЗА.

1. Вот уже несколько лет Грегуар Бро, известный под кличкой Терпеливый, а также часто именуемый Каноником, безнаказанно действовал в чужих квартирах, никогда не попадаясь на месте преступления.

Его поймали единственный раз, двенадцать лет назад, застав на месте преступления, но, отбыв срок, он снова принялся за старое, ничего не меняя в своих привычках.

2. Мой скафандр фазтов был неуклюж, и я почти не мог помогать людям. Как я жалел, что у меня не было легкого скафандра, в каком я выбегал когда-то на поверхность Мара!

3. Дверь отошла чуть-чуть, и в щель просунулось на высоте аршин полутора от пола что-то темное, извивающееся — будто змея, укрыв голову за дверью, вертела в «господской» хвостом. Потом змея эта, все удлиняясь, стала уплощаться, и вот уже широкая лента зашарила по стене, по полу, подбираясь к постели, к столу. Сабуров понял, что ищут его, и рубаха на спине враз взмокла.

Фамилия, имя, отчество _____

Домашний адрес, телефон _____

Возраст _____ Род занятий _____

Номер квитанции и дата подписки _____

Какие произведения вам понравились в 1996-97 гг. _____

Нравится ли вам рубрика «Мир курьезов» _____

Авторы и названия произведений приведенных отрывков:

1. _____

2. _____

3. _____

СДЕЛАЙТЕ ПОДАРОК ВАШИМ ДЕТАМ !

В серии «Колокольчик» к ранее вышедшим «Заюшкина избушка», «Кошкин дом», «Курочка Ряба» добавилось еще несколько книжек, иллюстрированных великолепными цветными рисунками: «Сорока», «Колобок», «Репка», Л. Толстой «Три медведя», А. Барто «Игрушки». Стоимость одной книги 2500 руб. Если вы закажете комплект из восьми книг, то получите скидку и заплатите не 20000, а 18000 руб.

Для детей постарше мы предлагаем книги серии «Библиотека школьника». В нее входят произведения, которые составляют «золотой фонд» детской литературы: *А. Погорельский* «Черная курица, или Подземные жители», *Е. Шварц* «Сказка о потерянном времени», *В. Губарев* «Королевство кривых зеркал», *К. Булычев* «День рождения Алисы», *К. Булычев* «Королева пиратов на Планете сказок».

Книги в твердом целлофанированном переплете с прекрасными цветными иллюстрациями. Объем в среднем 120-140 стр. Цена одной книги — 14000 руб. Для того чтобы получить все эти книги, необходимо перевести деньги на р/с:

**ИНН 7715137670, Сушевский филиал АБ «Инкомбанка»
р/с 228467615 корсчет 502161000, БИК 044541502 г. Москва
Код по ОКОНХ 87100, Код по ОКПО 40491976**

На обороте бланка почтового перевода (в графе для письменного сообщения) обязательно укажите названия книг и их количество. Будьте внимательны при заполнении бланка. Редакция гарантирует, что в течение двух недель с момента поступления денег на р/с книги будут вам высланы.

ПОРАДУЙТЕ И СЕБЯ !

Закажите — кто еще не успел это сделать — книги серии «Сыщик»: *Александра Маринина* «Чужая маска», *Сергей Высоцкий* «Анонимный заказчик», *Сергей Высоцкий* «Охота на сыщика».

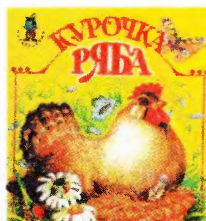
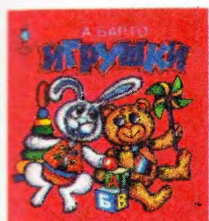
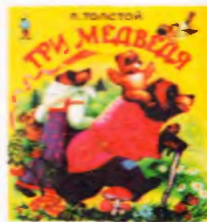
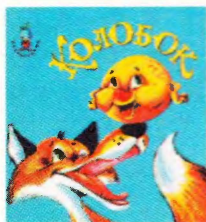
Книги в переплете. Цена одной книги 14000 руб. На почтовой карточке укажите свой точный адрес, название книг и их количество. В указанную сумму входит стоимость пересылки книг серии «Сыщик», оплата при получении книг на почте.

Для тех, кто заказал книгу «Фокусы» сообщаем, что книга эта выйдет в свет осенью. Все заявки, присланные в редакцию, будут обязательно выполнены.

Редакция просит пенсионеров **ПЕТРОВЫХ** из Москвы, подписавшихся на «Мир «Искателя», сообщить в редакцию свой точный адрес.

Подписано в печать 11.06.97. Формат 84х108 1/32. Печать высокая.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 45 000 экз. Лицензия № 071275. Заказ 79134.
Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефон: 285-88-84
Отпечатано с готовых диапозитивов в АО «Молодая гвардия»
103030, Москва, Сушевская ул., 21

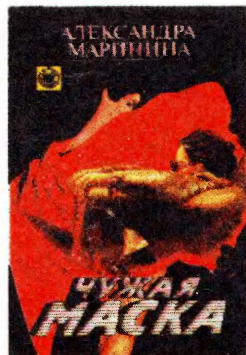
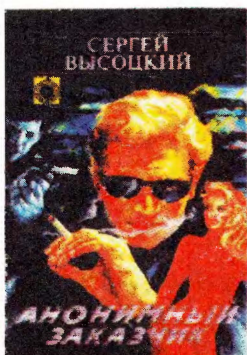
КОЛОКОЛЬЧИК

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

СЫЩИК

ИСК@ГЛЫТЬ 6'97

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ
70424, 40940